РЕКА 2023 ВРЕМЕНИ

Министерство науки и высшего образования РФ
Российская академия наук
Уфимский федеральный исследовательский центр
Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы

Река времени. 2023

Уфа – 2023

УДК 947(470.55/58)
ББК 63.3(2) (2Рос.Баш)
Р36

Печатается по решению Учёного совета ИИЯЛ УФИЦ РАН от 11 мая 2023 г.

Рецензенты:
Рахимов Рамиль Насибуллович
(кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий)

Кантимирова Резида Ильгизаровна
(кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и философских дисциплин Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий)

Р36 **Река времени. 2023** / составитель и ответственный редактор М.И. Роднов. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. –148 с.

ISBN 978-5-91608-238-8

В очередной сборник «Река времени», который выходит с 2000 г., вошли новые уникальные материалы по истории Уфы и Башкирии с конца XVI и до начала XX в. Основные темы данной книги – история православной церкви и судьбы уфимского купечества. Все работы основаны на привлечении совершенно новых исторических источников.

Сборник предназначен для профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов, всех интересующихся историей Уфы, России, Башкирии, Южного Урала и сопредельных территорий.

© Коллектив авторов, 2023
ISBN 978-5-91608-238-8
© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 4

Солодкин Я.Г.
К ранней истории Уфы:
заметки об основании и основателях города 5

Роднов М.И., Тарасова Т.В.
Жизнь вокруг храма (история
Христорождественской церкви села Березовки) 13

Березовские рассказы
(публикация П.В. Егорова) 54

Красникова Ю.Н.
Религиозная политика Департамента уделов
в первой половине XIX в.
на примере Оренбургского удельного имения 78

Тарасова Т.В.
Купцы Паршины: от Уфы до Симеиза 91

Данилов И.В., Роднов М.И.
История уфимских часов 122

Тагирова Л.Ф.
Богоявленская волость по переписи 1920 года 142

Список сокращений 146

Список авторов 146

Введение

Прозрачной летней ночи мгла
Над сонным городом легла.
В глубокий сон погружена
Уфа давно. Взошла луна
И льёт с небесной высоты
На минареты и кресты
Потоки света…
(«Летняя ночь», автор неизвестен, 1903 г.)

Сборник «Река времени», вот уже более двух десятилетий встречающийся с любителями настоящей, высоко профессиональной истории Уфы и Башкирии, снова открывает свои гостеприимные страницы.

Для поклонников старины авторы предлагают уникальные материалы. Впервые читатели познакомятся с биографиями основателей Уфы, выходцами из костромского и суздальского дворянства Ф.М. Туровым и З.Н. Волоховым, положившим начало строительству нашего любимого града.

Особое внимание уделено истории небольшого сельца Березовки, что лежит к югу от Уфы возле аэропорта. Здесь находится самый старый храм Башкирии, в ограде которого нашёл своё последнее пристанище известный благотворитель и литератор П.В. Полежаев. В записанных более 20 лет назад воспоминаниях жителей Березовки открывается история простых людей, а в научной статье по документам восстановлена судьба здешнего Христорождественского храма.

Церковную тематику продолжает работа о политике Удельного ведомства, а историю повседневности – статья об уфимских часах, точнее часовом деле. Время, которое измеряется часовыми механизмами, традиционно представлено на обложках сборников «Река времени».

Не забыта судьба уфимских предпринимателей. Восстановлена история купцов Паршиных, оставивших яркий след в архитектуре не только Уфы, но и далёкого Симеиза в нашем Крыму. Всегда большое внимание уделяется публикации источников. На этот раз впервые издаются материалы переписи 1920 г. по славному Красноусольску (бывшему Богоявленскому заводу).

Просвещённого Читателя ждут увлекательные маршруты по страницам прошлого!

Ответственный редактор

Я.Г. Солодкин

К ранней истории Уфы: заметки об основании и основателях города

В судьбах Уфы первых лет её существования многое остаётся неясным, главным образом из-за ограниченности круга источников. В Поволжском летописце (далее – ПЛ) начала XVII в. сказано о сооружении острога «на Уве (Уфе – *Я.С.*)» «воинскими людьми», бывшими ранее «в сибирских улусах», после того, как головы Фёдор Туров и Залешенин Волохов «з башкирцы и з сибиряны билися»[1]. Под этими «сибирянами» можно понимать выходцев из «Тайбугидского жеребья» (в оценке Д.М. Исхакова, княжества) «Кучумова царства», откочевавших в Ногайскую Орду до начала весны – лета 1584 г.[2]

Примечательно, что автор ПЛ, который мог участвовать в «поставлении» Уфы, говорит о ней как остроге[3]. А.В. Головнёв же недавно убеждённо писал об основании Уфы «в статусе города»[4]. Другие исследователи тоже называют Уфу конца XVI в. городом или городом-крепостью[5]. Напомним, что в русских позднесред-

---

[1] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 214. Из специалистов по истории Уфы на ПЛ, вначале опубликованный В.И. Корецким в 1968 г., насколько известно, первым сослался в 2005 г. Б.А. Азнабаев.

[2] См., напр.: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 324, 325, 372–374; *Он же.* Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 41, 43; История татар с древнейших времён: в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 239; *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Приход Шибанидов к власти в Искере в 1563 году: значение в истории и историографии Сибирского ханства //Сулеймановские чтения (девятнадцатые). Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях» (Тюмень, 20 мая 2016). Труды и материалы. Тюмень, 2016. С. 201; Тюменское и Сибирское ханства (далее – ТСХ). Казань, 2018. С. 74, 78, 112, 260–262. Иногда появление «Тайбугидского юрта» в Ногайской Орде без должных оснований приурочивается к концу 1583 или середине 1584 гг.

[3] В ПЛ, где часто сообщается о городах и городках, упомянуто также об острогах «на Крапивне» и в Тушине (*Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 190, 213–215, 217).

Заметим, что относить этот летописец к числу кратких (см.: *Аксанов А.В.* Казанское ханство и Московская Русь. Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань, 2016. С. 182. Прим. 112) не стоит.

[4] *Головнёв А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 494.

[5] См., напр.: *Асфандияров А.З.* Основание города Уфы // Река времени. 2021. Уфа, 2021. С. 41, 45–54; *Побережников И.В.* Становление русской

невековых крепостях часто имелись и город, и острог[1], и вначале Уфа могла представлять собой острог, вскоре превратившийся в город[2].

системы местного управления на Урале и в Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2004. С. 21; *Буканова Р.Г.* Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 4, 18, 55, 80, 93, 102, 125, 246; История татар. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань, 2014. С. 309.

[1] См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук (далее – ААЭ). Т. II. СПб., 1836. С. 194–197, 261, 373; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею (далее – АИ). Т. I. СПб., 1841. С. 322–325, 436; Т. III. СПб., 1841. С. 4, 8, 9, 16, 18, 39, 56, 81, 161, 170, 173, 174, 210–212, 215, 253, 265, 384; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. I. М., 1999. С. 347–348, 367–369; *Буцинский П.Н.* Соч.: В 2-х т. / Под ред. С.Г. Пархимовича. Сост. Ю.Л. Мандрика. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 91, 150; Воронежский край с древнейших времён до конца XVII века. Документы и материалы по истории края / Сост. и автор пояснительного текста – профессор В.П. Загоровский. Воронеж, 1976. С. 47, 128–130; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 34. М., 1978. С. 11, 25, 233; Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 139, 140, 143, 151, 154, 156, 161, 206, 212, 226, 227; Разрядная книга 1475–1605 (далее – РК). Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 39, 66, 204; Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 27, 28, 131; Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 30, 41, 45, 50, 51, 76; *Солодкин Я.Г.* Из ранней истории Царёва-Борисова // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Сборник статей памяти профессора В.П. Загоровского (1925–1994). Воронеж, 2000. С. 83, 86; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сб. док. (далее – НДР). М., 2003. С. 198–200, 212, 292; Юго-Восток Европейской России. Ч. I. Дубман Э.Л. Поволжский фронтир в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 130; История татар ... Т. V. С. 632, 635, 636; *Глазьев В.Н.* Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж, 2018. С. 30, 32, 45, 65, 75; *Вершинин Е.В., Визгалов Г.П.* Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 117–120, и др.

Об остроге как типе укреплённого поселения см., напр.: *Бродников А.А., Зуев А.С.* Острог // Историческая энциклопедия Сибири. Т. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 564.

[2] *Солодкин Я.Г.* О некоторых спорных вопросах предыстории Уфы (к интерпретации уникальных свидетельств Поволжского летописца) // Река времени. 2021. С. 58.

С точки зрения Р.Г. Букановой, Уфа поначалу представляла собой крепость с тремя башнями (*Буканова Р.Г.* Города-крепости. С. 93, 104). Заметим, что в русских городах конца XVI–XVII вв. самыми распространёнными являлись стены острожного типа; подчас их сменяли стены, рубленые городнями («рублёные города»). См., напр.: *Раздорский А.И.* Курск «киевский» и Курск «московский»: проблема континуитета // Российское государство в XVI – начале XVIII века. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. СПб.; М., 2022. С. 330.

Р.Г. Буканова, подобно А.А. Зимину, обратила внимание, что в 1586 г., одновременно с Уфой, были основаны Воронеж, Самара и Тюмень[1]. Видная уфимская исследовательница, изложив соображения В.П. Загоровского о целях строительства Воронежа, писала, что «возникновение новых городов-крепостей в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, в частности, Самары, Уфы, Тюмени и других … происходило в аналогичных условиях», и имело результатами фиксацию государственной территории и создание «постоянного оборонительного пояса»[2]. Говорить о нём применительно к 1586 г., разумеется, преждевременно.

Многие историки, говоря об основании Уфы, ссылались на задачи развернувшейся с 1584 г. российской колонизации Сибири[3]. К примеру, оно, с точки зрения А.З. Асфандиярова, должно было предотвратить кочевание Кучума и его двора в Казанском уезде[4]. (Д.М. Исхаков находил, что Уфу возвели на территории бывшего Казанского ханства[5]). По словам Р.Г. Букановой, завоевание Сибири русскими войсками (вслед за Ермаком) с конца 1570-х – начала 1580-х гг. сопровождалось строительством городов[6], в том числе Уфы[1]. Но «Ермакова эпопея» относит-

---

[1] Тогда же русские служилые люди «срубили» Ливны.

Г.А. Санин вслед за А.А. Новосельским приурочил основание Воронежа и Ливен к 1596 г., Ельца – к 1595 г., Белгорода и Оскола – к 1598 г., а возобновление Курска – к 1587 г. (Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 151). Все эти даты неверны. См., напр.: *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 24–25, 44; *Солодкин Я.Г.* К истории основания первых русских городов на Поле // Владимир Загоровский: к 80-летию со дня рождения. Материалы чтений. Воронеж, 2006. С. 33–39.

[2] *Буканова Р.Г.* Юго-восточная политика Российского государства во второй половине XVI века и основание г. Уфы // Уфа: прошлое, настоящее, будущее. Уфа, 2000. С. 7; *Она же.* Города-крепости. С. 80.

[3] Объяснять появление Уфы лишь такими задачами, однако, не приходится. См., напр.: *Буканова Р.Г.* Города-крепости. С. 55, 56, 93, 119–120; Юго-Восток Европейской России. Ч. I. С. 123; *Кабытов П.С., Дубман Э.Л.* Рец. на сб.: Река времени. 2020 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2020. 150 с. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. № 26 (4). С. 143.

[4] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 38, 49. См. также: *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Татарские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 23. Считать угрозу вторжения Кучума в Казанский край реальной, думается, не приходится (*Солодкин Я.Г.* Входило ли противодействие Сибирскому ханству в задачи основания Уфы? // Река времени. 2020. Уфа, 2020. С. 15–18).

[5] См.: История татар. Т. IV. С. 747–748.

[6] В наказе гонцу в Ногайскую Орду Ф.В. Гурьеву от 20 сентября 1586 г. говорится о «поставлении» русскими многих городов в «Сибирской земле» (*Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 49. Сравни: История татар. Т. V. С. 101, 102). Но к тому времени там имелся Мансуровский городок (в Обь-

ся к 1582–1585 гг., безоговорочно же считать Уфу с округой «экономически и географически» частью Западной Сибири[2] относительно ближайших лет не приходится. Учитывая, что к середине осени 1585 г., даже, видимо, несколько раньше, в Искере «сел» бек Сейдяк (Сеид-Ахмед, Сайид Ахмад) из династии Тайбугидов, вряд ли можно прямолинейно связывать[3] основание в следующем году Уфы с существованием «непокорного Сибирского ханства».

По наблюдению А.З. Асфандиярова, со времени своего возникновения этот город стал важным транспортным «звеном между Казанью и Сибирью»[4]. А.В. Матвеев даже считал, что Уфу построили «для контроля» над «Казанской дорогой» – путём, который вёл из Казани в «Сибирскую землю»[5]. Основание Уфы должно было облегчить сообщение с Тюменью и теми городами и острогами, которые московское правительство намеревалось «срубить» за «Камнем». (Напомним, что в 1587 и 1589 гг. русскими служилыми и даточными людьми «ставятся» Тобольский и Лозьвинский остроги, а в течение следующего десятилетия – Берёзов, Пелым, Сургут, Тара, Нарым, Верхотурье).

С 25 декабря 1586 г., как зафиксировано в «разрядах», «на Уфе» воеводствовал М.А. Нагой[6]. Сооружавшие эту крепость Ф.М. Туров и З.Н. Волохов могли оставаться там до прибытия

Иртышском междуречье, которое московские дипломаты назвали Новой Сибирью) и, вероятно, было завершено строительство Тюменского острога, о чём в российской столице ещё не знали.

Возможно, весной 1586 г. И.А. Мансуров не вернулся на «Русь», как сообщается в поздних тобольских летописях, а оставался в Сибири, предположительно до сооружения Тюмени и Тобольска, даже до смерти (в документах 1588–1589 гг., где перечисляются мещовские выборные дворяне, он в отличие от боярского списка 1577 г. не упоминается, см.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БСР). Ч. 1. М., 1979. С. 94, 178–179, 300–301).

[1] *Буканова Р.Г.* Города-крепости ... С. 57. На взгляд Р.Г. Букановой, в Сибири города возводились после завоевания ханства (Там же. С. 89). Но процесс присоединения к России земель Сибирского юрта продолжался как минимум до окончательного разгрома Кучума в августе 1598 г.

[2] *Буканова Р.Г.* Города-крепости. С. 104–105, 119.

[3] См.: *Миргалеев И.М.* Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемишаходжи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган, 2014. С. 66.

[4] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 54. Сравни: С. 49.

[5] ТСХ. С. 170.

[6] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 50, 52; *Буканова Р.Г.* Города-крепости. С. 100, 121–122. Сравни: С. 94. См.: Российская империя от истоков до начала XIX века. С. 105. Утверждение о назначении воеводы в Уфу со следующего года (см., напр.: История татар. Т. V. С. 199) не отличается точностью.

воеводы, если не весны – лета следующего года. Кстати, строительство укреплений Сургута летом 1594 г. было начато письменным головой В.В. Аничковым, к которому воевода князь Ф.П. Барятинский присоединился как минимум через несколько недель.

К 1586 г. подчас относится возникновение и Уфы, и Уфимского уезда. В представлении же Р.Г. Букановой уезд, центром которого служил город, вставший между реками Белая и Сутолока, сформировался постепенно, точнее, в следующем десятилетии[1]. Думается, он складывался со времени появления Уфы, причём в течение не одного года.

Заметим, что Е.В. Кусаинова упоминала, не указывая, откуда почерпнула данное известие, о сооружении городов «на Сомаре, на Белой Волошке, и на Уфе, и на Яике» казаками, но следом процитировала опубликованный ещё А.З. Асфандияровым фрагмент наказа Ф.В. Гурьеву (отправленному в сентябре 1586 г. к бию Ногайской Орды Урусу), где сказано об основании этих городов, да и, повторим, многих сибирских, московским государем[2]. Гонцу, в частности, предписывалось заявить ногаям, что русские «город поставили на Самаре, чтоб вам и вашим улусам было береженье» «от воров, от казаков»[3].

Уфа была заложена «лутчими людьми» из Костромского, Суздальского, Ярославского, Владимирского, Арзамасского и «многих городов поволских» – отрядом, который годом прежде совершил поход «до солёных озёр в сибирские улусы» под началом татарских голов Фёдора Турова и Залешенина Волохова[4].

---

[1] *Буканова Р.Г.* Города-крепости. С. 18, 246; История татар. Т. V. С. 309.

[2] Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград, 2014. С. 44, 45. Ф.В. Гурьев являлся не сыном боярским, как писала Е.В. Кусаинова, а выборным дворянином по Тарусе. См.: БСР. Ч. 1. С. 156, 291, 320.

[3] *Буканова Р.Г.* Города-крепости. С. 92. См. также: *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 48, 49; Юго-Восток Европейской России. Ч. I. С. 60, 123; История татар. Т. IV. С. 241–242; ТСХ. С. 400.

[4] *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Указ. соч. С. 214. А.Г. Бахтин в одной из работ назвал Фёдора Михайлова сына Турова Фёдором Ивановичем и утверждал, что в походах 1585 и 1586 гг. он возглавлял «верных правительству татар» (История татар. Т. V. С. 102).

Имя «Залешенин», которое иногда писалось в форме «Залешанин», порой превращавшееся в прозвище (см.: Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. СПб., 1864. Стб. 351), является чрезвычайно редким (Материалы для истории русского дворянства. I. Десятни и Тысячная Книга XVI века. В обработке В.Н. Сторожева. М., 1891. С. 81. Прим. 2). Например, в «Дворовой тетради» начала второй половины XVI в., сохранившей около 3 тысяч имён, кроме Волохова, ни один Залешенин не упомянут. Из 1070 с лишним «тысячников» так звали только сына Ивана Фёдорова Вышеславцева. В боярском списке 1588–1589 гг., содержащем сведе-

Фёдор Михайлов сын Туров[1] происходил из костромских помещиков, в начале опричнины был переселён в Ярославский уезд, затем с братом Василием сослан в Казанский край[2]. Ф.М. Туров (одна разрядная запись сохранила его прозвище – Левашов), будучи, между прочим, головой у чебоксарских татар, в 1577 и 1579 гг. участвовал в походах русских войск в Прибалтику. В 1582 г. Фёдор Михайлов сын в рядах передового полка был направлен из Казани на Каму, где продолжалась очередная, третья по счёту, Черемисская война. Следом в большом полку Турова «по ногайским вестем» послали в Мещеру (русские тогда стояли «в Терехове») и Шацк[3]. Казанский помещик, он в боярском списке осени 1588 г. и составленном год спустя списке дворян, которых намечалось отправить в «немецкий» (шведский) поход царя Фёдора Ивановича, значится владимирским выборным дворянином с высшим окладом – 700 четвертей (такой оклад имел ещё только В.Я. Кузьмин), как находящийся у казанских татар[4]. В этом походе, состоявшемся зимой 1589–1590 гг.,

---

ния о 1162 представителях русского дворянства, и перечне лиц (всего их насчитывается 375), которые могли участвовать в царском походе к Ругодиву зимой 1589–1590 гг., с именем «Залешенин» значится только Волохов. В «осадном списке» 1618 г., где перечислено до 1950 человек, в писцовых книгах и материалах Печатного приказа «послесмутного» времени назван один Залешенин – выборный по Галичу Френёв. См.: Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печ. А.А. Зимин (далее – ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 92; Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009. С. 89, 191–192, 363, 493 (Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. VIII); *Селин А.А.* Никита Васильевич Вышеславцев: новгородский служилый человек в военно-политических баталиях Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции. Ярославль, 2012. С. 271, 276. Сравни: АИ. Т. II. СПб., 1841. С. 254.

[1] Возможно, этот тот Фёдор Третьяков сын Туров, который в 1571 г. находился среди многочисленных поручителей по боярам, обязавшимся гарантировать верность царю боярина князя И.Ф. Мстиславского. См.: Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. VII. СПб., 1791. С. 82, 102, 117, 126.

[2] *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 95, 199. По указанию А.А. Зимина, Ф.М. и В.М. Туровы были родственниками казнённого в 1567 г. костромича П.И. Турова.

[3] См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. М., 1989. Прим. 732; ПСРЛ. Т. 34. С. 233; РК. Т. III. Ч. I. С. 76; *Бахтин А.Г.* Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 548, и др.

[4] БСР. Ч. 1. С. 129, 278. Участниками этого похода, состоявшегося зимой 1589–1590 гг., являлся и сын Ф.М. Турова Сергей, служивший годом ранее в жильцах. Илья Фёдоров сын Туров, владевший вотчиной во Владимир-

Туров, будучи головой, под началом воевод князей Т.Р. Трубецкого и М.А. Щербатого числился в передовом полку[1]. При основании Саратова в июле 1590 г. Фёдор Михайлов сын являлся вторым воеводой (первым был Г.О. Зубок Засекин, тоже участвовавший в походе к Ругодиву или Нарве)[2]. В этом волжском городе Туров оставался по меньшей мере до начала весны 1591 г. В новом походе против шведов (к Выборгу в 1592 г.) Туров, причём наряду с З.Н. Волоховым, под предводительством воевод бояр Ф.И. Мстиславского и И.В. Годунова служил в головах большого полка[3]. В боярских списках 1598–1599, 1602–1603 гг.[4], в списках дворовых начала XVII в.[5], как и в боярском списке конца 1606 г., о Фёдоре Михайлове сыне умалчивается[6]. Скорее всего до наступления московской Смуты он не дожил.

Залешенин Никифоров сын (он значился новиком в 1555/56 г., стало быть, родился около 1540 г.), как и несколько других Волоховых, включая Никифора Григорьева сына, повидимому, отца одного из основателей Уфы, принадлежал к

ском уезде, имел тот же чин в начале XVII в. (Там же. С. 117, 194; Ч. 2. М., 1979. С. 62; Кормлёная книга Костромской чети 1613–1627. По рукописи, принадлежащей Московскому архиву Министерства юстиции. Сообщ. А.Н. Зерцалов. СПб., 1894. С. 39).

За последние годы Смуты известен и Василий Фёдоров сын Туров, награждённый вотчиной в Шелонской пятине как участник первого новгородского «осадного сиденья» и являвшийся воеводой в Осташкове, потом в Себеже (Кормлёная книга. С. 66; Осадный список. С. 518, и др. Ср.: НДР. С. 262). Быть может, однако, этот новгородец приходился сыном Фёдору Иванову Турову, который с 1583/84 г. не раз был осадным головой в Острове (одном из псковских «пригородов»), а затем служил в Порхове. См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 347, 389, 411; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 7; РК. Т. III. Ч. I. С. 218; Т. III. Ч. II. С. 12, 31, 61, и др.

[1] *Покровский Н.Н.* Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 187–188.

[2] См.: АИ. Т. I. С. 445–446; Юго-Восток Европейской России. Ч. I. С. 132, 133; *Рабинович Я.Н.* Первые воеводы Саратова (1590–1608) // Известия Саратовского университета. 2013. Т. 13. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. С. 99 и др.

[3] РК. Т. III. Ч. III. С. 17–18; *Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 188. См. также: Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 190.

[4] В боярском списке 1602–1603 гг. перечень владимирских выборных большей частью утрачен. См.: *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Вступительная статья // БСР. Ч. 1. С. 40.

[5] Эти списки были составлены не позднее 1603–1604 гг. См.: *Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 71.

[6] См.: БСР. Ч. 1. С. 186, 196–197, 328, 333. Ср.: Ч. 2. С. 4–5; НДР. С. 140.

корпорации суздальских дворян[1]. Через 20 лет, за которые сведениями о нём мы не располагаем, Залешенин находился «на берегу», т. е. южной границе, в «судовой рати» с отрядом пермичей, затем участвовал в последних кампаниях Ливонской войны, когда, например, «ставил сторожи», а в 1580 г. – в свадьбе Ивана IV[2]. Волохов выполнял и дипломатические поручения: в 1578–1579 гг. в ранге гонца побывал в Крыму, в 1581 г. являлся приставом у посетившего Москву папского посла А. Поссевино[3]. В 1584 г. Залешенин вместе с П.А. Нащокиным руководил возведением стен и башен «Архангельского города»[4]. Поэтому назначение Волохова в поход, во время которого была сооружена Уфа, нельзя считать случайным. В боярском списке 1588 г. Залешенин упомянут среди шести выборных дворян по Суздалю, имевших оклад в 600 четвертей (только у одного суздальского дворянина оклад равнялся 700 четвертям) и с пометой «в Казан[и]». Через год Волохова отправили «в Муром кормов збирать татаром»[5], которые, вероятно, должны были участвовать в «ругодивском» походе. Во время «свицкой» кампании зимы 1589–1590 гг. Залешенина назначили «ставить сторожи», а следом (вместе с воеводой Л.И. Аксаковым Воронцовым) управлять Ямом, возвращённым шведами России[6]. В числе суздальских выборных дворян, известных по боярским спискам 1598–1599, 1602–1603 и 1606 гг., Волохов не указан[7]. Надо думать, к тому времени Залешенин Никифоров сын скончался.

Пребывание З.Н. Волохова на воеводстве в Архангельске, а Ф.М. Турова в Саратове, наряду с участием этих видных дворян в основании Уфы, можно считать «пиками» их длительной служебной карьеры.

---

[1] ТКДТ. С. 64, 154.

В указателе к посмертному изданию работ графа С.Д. Шереметева Залешенин Волохов переименован в Алексея. См.: *Шереметев С.Д.* Труды по истории Смутного времени / Сост. М.Д. Ковалёва, А.В. Топычканов, С.Ю. Шокарев. М., 2015. С. 330.

[2] Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 263; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 124; РК. Т. III. Ч. I. С. 84, 174, 182, 203.

[3] См.: *Солодкин Я.Г.* К истории основания Уфы: цели, хронология, руководители строительства // Источник: История: Политика. Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося историка-археографа Александра Петровича Чулошникова. Уфа, 2019. С. 361.

[4] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. III. Т. X. Стб. 42; Прим. 135; ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 380.

[5] БСР. Ч. 1. С. 131, 279. Сын З.Н. Волохова Демид в 1602–1604 гг. числился ся жильцом (Там же. С. 195; Ч. 2. С. 62).

[6] РК. Т. III. Ч. II. С. 161.

[7] БСР. Ч. 1. С. 186, 197–198. Сравни: С. 328, 333; НДР. С. 141.

М.И. Роднов, Т.В. Тарасова

Жизнь вокруг храма (история Христорождественской церкви села Березовки)

Недалеко южнее Уфы, на окраине современного аэропорта приютилось небольшое сельцо Березовка, главной достопримечательностью которого является старинный кирпичный православный храм. Это самое древнее церковное здание в Башкирии. «Каменная церковь – в честь Рождества Христова и во имя Святителя и Чудотворца Николая, построена помещиком Феодором Третьяковым в 1780 году»[1].

В обширнейшей современной литературе по истории православных храмов и монастырей[2] обычно внимание уделяется знаменитым, большим, выдающимся по архитектуре строениям. Скромные сельские церковки значительно реже привлекают внимание историков. В местной историографии Христорождественский храм Березовки лишь кратко упоминается. В дореволюционный период небольшие сведения приводили Р.Г. Игнатьев[3] и и И.Е. Златоверховников, их данные сжато пересказал К. Херувимов[4]. Больше информации о Березовке и её храме можно найти в работах по истории дворянства. Опираясь на эту скудную литературу, авторы, основываясь на сплошном просмотре метрических книг и издававшихся с 1879 г. «Уфимских епархиальных ведомостей», впервые предлагают читателям историю Христорождественского храма и, немного, населения прихода.

По данным Вятской епархии на 1777 г. к югу от Уфы, в пределах Уфимского уезда, действовала единственная Вознесенская церковь в селе Чесноковке[5]. А освоение православным (русским, чувашским, мордовским) населением лежащих южнее города земель происходило быстро, и инициативу в постройке храма проявил помещик Фёдор Иванович Третьяков.

---

[1] *Златоверховников Иван.* Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899 // Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель / [авт.-сост. Егоров П.В., Рудин Л.Г.]. М., 2005. С. 415. В составленных после Пугачёвщины списках церквей Березовки ещё нет.

[2] См., напр.: Православные исторические храмы Оренбуржья: научно-популярное справочное издание / сост. В.А. Рубин, Е.Н. Новокрещенова, Т.В. Судоргина и др. Оренбург, 2019; мн. др.

[3] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 83.

[4] См.: Уфимские епархиальные ведомости. 1900. № 12. 15 июня. С. 407.

[5] См.: ГАКО. Ф. 237. Оп. 75.; *Макарова В.Н.* Уфимские материалы из Вятки // Река времени. 2015 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2015.

Дворянский род Третьяковых относился к числу древнейших, поселившихся сразу после основания Уфы в 1586 г., переведены сюда из Астрахани[1]. Род отличался многолюдностью, но не богатством. Видимо, уже в XVII в. они начали получать земли за рекой Дёмой. В 7131 году от сотворения мира (1623 г. от Рождества Христова) пушкарь Третьяк Данилов получил поместье, «пашни дикова поля, за Демою рекою Ольхового озера»[2].

К 1763 г. примерно в 15 верстах от Уфы на речке Чесноковке стояла мельница дворянина Фёдора Ивановича «Третьекова». В феврале 1766 г. крёщеный татарин-мишар Фёдор Максимов женился на крепостной Ф.И. Третьякова Марье Гавриловне, обязуясь «жить на поместной земле ево, состоящей по речке Чесноковке» пять лет. На обзаведение Ф.И. Третьяков выдал кобылу, мерина, корову, овцу, выстроил избу.

Дворянин и переводчик (толмач) Фёдор Иванович Третьяков был женат на Фёкле Фёдоровне, племяннице соседнего помещика отставного драгуна Д.В. Погорского. Последний в 1767 г. завещал им своё имение[3].

Сам же Ф.И. Третьяков служил в Уфе и оформлял переводы документов на русский язык[4], знал также устную башкирскую речь: «Из слов переводил коллежский регистратор Фёдор Третьяков». Он же выступал поверенным на судебных делах[5].

После выхода в отставку (в чине провинциального секретаря) на имевшиеся капиталы в 1782 и 1787 гг. Ф.И. Третьяков приобретал землю и крепостных людей, его владения граничили с землями дворян Булгаковых. На 1789 г. супругой отставного секретаря Ф.И. Третьякова являлась Анисья Алексеевна, которая на своё имя тоже купила землю у башкир.

К лету 1792 г. уже вдова провинциального секретаря А.А. Третьякова сдавала в аренду землю в 15 верстах от Уфы «по Нагайской дороге по течению реки Чесноковки усадом в селе Березовке, Никольское тож»[6].

---

[1] *Азнабаев Б.А.* Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999. С. 40, 48–49.

[2] *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 348.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. Ч. 1 / сост. Н.Ф. Демидова; под ред. А.Н. Усманова. М., 1956. С. 285, 319–320, 327–328.

[4] Там же. Ч. 2. М., 1956. С. 383, 389.

[5] Там же. Т. V / сост. Н.Ф. Демидова; под ред. С.М. Васильева. М., 1960. С. 39, 44, 132, 135.

[6] Там же. С. 135, 174, 206–207, 219, 244–245, 318.

До революции возле алтарной части Христорождественской церкви существовало небольшое кладбище, где были похоронены Третьяковы. На надгробии имелась надпись: «Под сим лежит тело созидателя предстоящего храма Федора Иванова Третьякова, дружны его Анисии Алексеевой дочери, которая от рождения своего по вдовстве двадцати лет скончалась на 50-м 1801-го года февраля 20-го дня»[1].

Из надписи на могильном камне выходит, что Ф.И. Третьяков умер в 1781 г., но в действительности он скончался между 1789 и 1792 гг. Годы жизни вдовы, Анисии Алексеевны Третьяковой – около 1751–1801 гг. Возможно, при обследовании прицерковного кладбища в 1909–1910 гг. надпись на старинном надгробии была неточно прочитана.

В 1781 г. впервые встречается упоминание «села Березовки, Никольское тож», где находились владения Авдотьи Ивановны Лутохиной, жены бывшего подканцеляриста[2]. Вокруг лежало немало небольших поместий. Обращает внимание второе церковное название села – Никольское. Храм продолжал строиться, и первым освятили, видимо, придел в честь Чудотворца Николы.

Это подтверждает документ от 1787 г. «Лета 1787-го марта в 9 день. Села Рожественскаго, Березовка [тож], Николаевского дьячка Николая Фёдорова сына Попова жена ево Татьяна Матвеева дочь» за 35 руб. продала Ф.И. Третьякову, купленный 31 августа 1778 г. у А.В. Куровского, сенокосный луг[3].

А в начале 1780-х гг. в Российской империи проводилась очередная, четвёртая ревизия, перепись населения, и в Пермском архиве сохранилась ревизская сказка церковно и священнослужителей Вятской епархии, куда тогда входил Уфимский край. Из неё узнаём о первом составе причта храма Березовки.

«С. Березовки Николаевской церкви. Июнь 1782 г.

Священник Илья Михайлов, 23 [года]. Жена его Анна Алексеева, 23. Дочь Пелагия полугод.

Дьячок Николай Федоров, 24. Жена его Татьяна Тимофеева, 28. Дети их: Михайла 7, Екатерина 3, Анисья полугод.

Пономарь Козма Петров, 18.

Церковный сторож Филип Федоров, 31. Жена его Анна Иванова, 28. Дети их: Ефим 10, Михайла 1, Пелагея, 8, Татьяна 7 [лет]»[4].

---

[1] Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 2: Губернии и области Урала, Сибири и Дальнего Востока / изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2015. С. 96.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 122.

[3] Там же. С. 206.

[4] *Краснопёрова Н.В.* Священно и церковнослужители Уфимской епархии в

Таким образом, первый состав причта в Березовке включал трёх человек: священника, дьячка и пономаря. Сюда назначили молодого настоятеля, недавно обзаведшегося семьёй. Духовенство тогда писали по отчеству, с фамилией дьячка звали Николай Фёдорович Попов.

К VII-й ревизии (переписи) 31 декабря 1815 г. штат включал уже четырёх: священник, диакон, дьячок и пономарь[1]. В начале 1800-х гг. в Христорождественской церкви служил священник Гордей Демьянов (Демьянович). Судя по возрасту младшего сына, отец Гордей скончался примерно в 1809–1810 гг. В Березовке осталась его семья: жена Анастасия Анисимовна (около 1772 года рождения), дочь Лопия (17 лет в 1815 г.), сыновья Илия (10 лет, обучался в Оренбургской семинарии) и Гавриил (7 лет, находился «при матери в праздности»).

Накануне VI-й ревизии (переписи), прошедшей в 1811 г., в Березовку прибыл новый настоятель Андрей Иванович Бирский (около 1780 г. р.), семья: сын Николай (3 года в 1815 г.), матушка священническая вдова Матрёна Евстафьевна (около 1755 г. р.), жена Пераскева Васильевна (около 1790 г. р.) и дочь Анна (5 лет). Андрей Бирский происходил из семьи духовенства.

Ему помогал обширный причт. Дьячок Фёдор Козьмич Лапустин (1779 г. р.), до 32-х лет так и не создавший семью, в 1812 г. был переведён в село Аскино Бирского уезда. На его место лишь в 1815 г. отправили в Березовку из уфимской Архангельской церкви дьячка Якова Николаевича Алабинского (1791 г. р.), жена – Мария Андреевна (20 лет в 1815 г., скорее всего, только что поженились).

Пономарём все эти годы служил Василий Яковлевич Будрин (1791 г. р.), семья включала мать – священническую вдову Дарью Михайловну (1755 г. р.) и сестру Наталию (1798 г. р.). А вот диакона в консистории подобрали только в 1812 г. В Березовку перевели из соседней Чесноковки Григория Федотовича Бирюкова (1759 г. р.), супруга – Пелагея Савиновна (57 лет в 1815 г.), дочь Пераскева (13 лет).

Храм именовался во имя Рождества Христова. На фрагменте карты Генерального межевания, когда впервые точно мерили землю, начала XIX в. показано наличие церкви, рядом был пруд (видимо, под водяную мельницу).

1782 г. (по материалам Пермского архива) // Река времени. 2017 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2017. С. 39.

[1] Здесь и далее данные по VII ревизии: НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 350. Л. 103 об. – 105.

Таким образом, среди многочисленных окрестных помещиков в конце XVIII в. выделялся провинциальный секретарь и переводчик Фёдор Иванович Третьяков. Он имел средства на покупку земли с крепостными и он же выстроил Христорождественскую церковь в Березовке. Храм изначально возвели каменный. Можно предположить, в округе не имелось достаточно хорошего строевого леса, большинство церквей тогда были деревянные. Зато по берегам речушки Чесноковки в достатке глины. Поставить кирпичный сарай, набить кирпичей, обжечь – дело привычное. В 1780 г. к югу от Уфы появляется второй православный храм.

Христорождественская церковь являлась фамильным храмом дворян Третьяковых. В начале XIX в. помещиков Третьяковых в Уфимском уезде насчитывалось аж 27 душ, в том числе Анисья Александровна, Никита, Илья, Пётр, Афанасий и Наум Фёдоровичи Третьяковы[1], часть из них – наследники толмача.

Окрестности Березовки представляли собой раскинувшиеся между Дёмой и Чесноковкой маленькие деревушки, барские усадьбы, это был мир мелкого поместного дворянства. В начале XIX в. по данным Генерального межевания здесь поблизости располагались:

1) «Дача, принадлежащая к сельцу Рожественскому, Никольское Березовка тож, – владения вдовы провинциальной секретарши Анисьи Алексеевой дочери жены Третьяковой. На ней по припуску жительствуют д. Степановки из чуваш, новокрещенные, ясашные крестьяне». Всего имелось 23 двора (46 мужчин и 45 женщин жителей), всей земли – 3480 дес. Это арендаторы А.А. Третьяковой, которой принадлежали угодья.

2) «С. Рожественское, Никольское Березовка тож, – владения вдовы, провинциальной секретарши Анны Алексеевой дочери жены Третьяковой дворовых людей». Всего шесть дворов, население – 27 мужчин и 36 женщин, земли – 112 дес. Это собственно дворянская усадьба, обратите внимание – среди крепостной прислуги преобладают женщины.

---

[1] *Абсалямов Ю.М.* Помещики Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (по описаниям хозяйств Уфимского уезда) // Река времени. 2004. Уфа, 2005. С. 23. См. также: НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863.

3) «Сц. Христорождественское, Алакаева тож, – владения порутчика Матвея Данилова сына Алакаева, которое оспорено к сельцу Вознесенскому, Чесноковка тож». Здесь было 14 дворов, 20 муж. и 28 жен., 814 дес. земли. Интересно, что соседнее сельцо Алакаево тоже носило название Христорождественское.

4) «Сц. Третьякова, Ключи тож, – владения капитана Михайлова сына Третьякова», один двор, 4 муж., 6 жен. крепостных, 272 дес. земли.

5) «Сц. Третьякова – общаго владения: отставных подпорутчика Матвея Александрова, прапорщиков Ивана, Григория и Никиты Фёдоровых, Михайлы Николаева, вахмистра Михаилы, ротного квартирмистера Михаилы Иванова, прапорщиков Ивана Никифорова, Ильи Фёдорова, копеиста Фёдора, Гаврилы Тихановых, Петра Фёдорова, драгуна Якова Иванова, неслужащих дворян Наума Фёдорова, Бориса, Ивана Львовых, Артемья и Николая Ивановых, Афонасья Фёдорова, малолетных Александра и девицы Анны Андреевых, адъютанта Тимофея Тимофеева, прапорщиков Ивана Николаева и Фёдора Александровых, унтер-офицера Ивана Тиханова – детей Третьяковых, купеческой жены Ольги Степановой по муже Подъячевой, которую все оспаривают к сельцу Куровскому». Эта толпа собственников не имела юридически оформленной земли, хотя ни одного двора не было зафиксировано, но проживали крепостные крестьяне – 2 мужчин и 4 женщины[1].

Обедневшие дворяне Третьяковы в основном служили в армии на нижних офицерских и обер-офицерских должностях, мелкими чиновниками (копеист) или вообще не служили, а Ольга Степановна Третьякова вышла замуж за богатого уфимского купца Подъячева, выйдя из дворянского сословия. Эти Третьяковы спорили за землю с владельцем соседней Нижегородки, которая имела второе имя Куровское. А баринами там были знаменитые дворяне Шереметевы из Нижегородской губернии.

К моменту отмены крепостного права в 1861 г. удалось более-менее решить спорные вопросы и ситуация в Осоргинской волости Уфимского уезда выглядела такой:

1) Третьяковка (Фёдоровка) – всего 7 дворов и 147 дес. земли у всех совладельцев, а именно: Третьякова (8 душ дворовых и 41 крепостной крестьянин), Кириловой (17 одних дворовых), Куровского (3 дворовых).

2) Алакаева (Рожественская) – 5 дворов, 170 дес., хозяйка

---

[1] *Абсалямов Ю.М.* Помещики-землевладельцы Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX веков // Река времени. 2011. Уфа, 2011. С. 44, 47, 48, 52, 53.

Евдокия Васильевна Черепанова (27 душ дворовой прислуги и всего 6 крепостных крестьян).

3) Вавиловка (Христорождественское) дворянки Анны Матвеевны Вавиловой из трёх дворов и 270 дес. (20 дворовых и 11 крепостных крестьян).

4) Христорождественское (село Березовка) Елизаветы Ивановны Манжос, 1 двор и 37,5 дес. земли, зато было 19 дворовых и 16 крепостных крестьян[1].

Фактически часть дворянских имений превратилась в летние дачи, где не велось никакого сельского хозяйства. А земельные споры продолжались, на 1860 г. назначили измерение угодий «Сельца Третьяковки, Гг. Третьяковых» на площади в 319 дес. 1207 саж. земли[2]. Основная часть крестьян Березовки являлась государственными крестьянами, не крепостными.

В новых экономических условиях дворяне быстро распродают свои поместья, в 1860-е гг. исчезают усадьбы Манжос, Вавиловой, в 1870-е гг. – Черепановой[3].

Структура сельских поселений Осоргинской волости видна из карты (ниже). На расстоянии одной версты лежали несколько маленьких поселений (Березовка, Вавилова, Алакаева). На 1870 г. в селе Березовка (Рождественское, Николаевка) при речке Берсюване (она же Берсиян, Чесноковка) насчитывалось всего 20 дворов, проживало 194 жителя (96 мужчин и 98 женщин), имелись церковь и часовня, водяная мельница, по субботам проводился базар. Кроме землепашества, народ занимался плетением лаптей, изготовлением саней и дровней[4].

Возникает вопрос, почему в таком маленьком селении выстроили да ещё вдобавок каменную церковь. Из карты видно, что гужевой тракт из Уфы на юг в Стерлитамак и Оренбург проходил восточнее, в 3,5 верстах от Березовки, которые при нашем бездорожье большую часть года проехать было нелегко.

Этим вопросом заинтересовался епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий, что с 30 мая по 24 июня 1889 г. путешествовал по епархии, обозревая православные храмы. «И вот 29-го

---

[1] *Роднов М.И.* Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) // Там же. С. 59–60.

[2] *Роднов М.И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 123.

[3] Подробнее о судьбах местных помещиков см.: *Роднов М.И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья (вторая половина XIX в.). «ЛитРес: Самиздат» [Электронный ресурс], 2018.

[4] Списки населённых мест Российской империи. XLV. Уфимская губерния. СПб., 1877. С. 6.

Мая с вечера помолившись Богу в крестовой церкви, 30 Мая в 4 ½ часа утра отправились мы в путь. К сожалению нашему на р. Белой для пропуска пловущих плотов с лесом мост был разведён, и свите моей необходимо было разделиться на части, чтобы переправлять экипажи по одиночке в простой, называемой косной, лодке. Между тем дождь и холод вынудили нас, не смотря на 30-е Мая, облечься в тёплую одежду. Тут усмотрено нами повреждение в экипаже: у колеса одна спица изломалась на мелкие части, а экипаж новый, только что в первый раз употреблённый в дело. Часа два прошло в хлопотах наших в переправе чрез реку, но всётаки, слава Богу, и экипажи и лошади благополучно доставлены на другой берег, и часу в 7-м мы вступили в настоящий путь. Дорога была не выносимо дурная, к томуже шёл сильный дождь, однакож часов в 9-ть утра мы доплелись до с. Березовки (Уфимского уезда), отстоящей от г. Уфы на 17 вёрст». В Березовке Дионисий со свитой остановились.

Без сомнения, покушав, владыка изучил документацию – богослужебный журнал, летопись «и прочие документы церковные ведутся порядком». Впоследствии в «епархиальных ведомостях» поместили отчёт. «Село Березовка. Церковь в селе Березовке каменная во имя Рождества Христова, с тёплым приделом во имя Святителя и Чудотворца Николая Мирликийскаго, построена помещиком Феодором Третьяковым в 1780 году, покрыта железом, обнесена деревянною оградою.

Причт при сей церкви с 1780 года до 1845 года состоял из одного Священника, Диакона, Дьячка и Пономаря; с 26 Февраля 1845 года положено быть при сей церкви: двум Священникам,

одному Диакону и двум Причетни[к]ам. В Июне 1861 года второй штат закрыт. В 1873 году, по Высочайше утверждённым штатам, определено быть: одному Священнику и одному Псаломщику. В настоящее же время причт состоит из одного Священника и двух штатных Псаломщиков.

Из здешняго прихода образовалось четыре самостоятельных прихода: в с. Булгакове (в 1851 году), в с. Сихонкине (в 1869 году), в с. Авдоне (в 1861 году) и в с. Енгалыше (в 1883 году[1]). В настоящее время Березовский приход состоит из с. Березовки и из шести деревень: Третьяковой, Ключей, Таптыковой, Осоргиной, Искиной и Лекарской; из них ближайшая находится в 3-х, а самая дальняя в девяти верстах; препятствий к сообщению с церковию нет»[2].

Изначально, в конце XVIII и первой половине XIX вв. Христорождественская церковь в Березовке являлась центром всей православной жизни обширной территории к югу и даже юго-западу от Уфы. Сюда съезжалась масса народу, не случайно в столь маленьком поселении по субботам проводился базар. Доходы причта были, наверняка, немалые, и в 1845 г. в Березовку назначили второго священника и второго причетника (дьячка или псаломщика).

Но в 1851 и 1861 гг. начали деятельность два православных храма в относительно недальнем расстоянии, куда ушла немалая часть паствы, и в 1861 г. второй штат священника сразу закрывают. Затем строятся храмы в чувашском Сихонкине и мордовском Енгалыше. В приходе Березовской церкви остаются маленькие деревни, крупнейшие – Таптыкова и Осоргина.

Причт[3], духовенство

Сохранившиеся документы, с 1864 г. метрические книги Христорождественской церкви Березовки[4] и епархиальные «ведомости», позволяют установить состав священников и время служения:

---

[1] Жители Енгалыша возвели храм во имя Александра Невского в 1865 г., освящён 23 июля, сначала он был приписным к Березовской Христорождественской церкви, самостоятельным стал в 1883 г. (Уфимские епархиальные ведомости. 1889. № 17. 1 сентября. С. 533).

[2] Там же. С. 530–532.

[3] Причт – в Русской православной церкви название группы лиц, служащих при каком-либо храме (приходе): священнослужителей (священник, дьякон) и церковнослужителей (псаломщик, чтец, др.).

[4] Не сохранились метрические книги Христорождественской церкви Березовки за 1867, 1870, 1876 гг.

Илья *Михайлов* (Михайлович, 1780 – ?)

Гордей *Демьянов* (Демьянович, ? – около 1809 / 1810)

Андрей Иванович *Бирский* (около 1809 / 1810 – после 1815)

Курбатов (не известно, середина XIX в.?)[1]

Геннадий Александрович *Преображенский* (до 1864 – июнь 1866 гг.)

временный – священник из Енгалыша Александр Смирнов (июнь 1866 г.)

Алексей Семёнович *Малиновкин* (июнь 1866 – октябрь 1877 г.)

временный – священник из Енгалыша Николай Светловзоров (октябрь 1877 г.)

Александр Васильевич *Сперанский* (октябрь 1877 – скончался 16 июня 1892 г.)

временные – Иоанн Орлов (февраль – июнь, август), Александр Геллертов (июль)

Николай Андреевич *Куклин* (16 августа 1892 г. – 4 мая 1898 г.), рукоположен из учителей, переведён в Сергиевскую церковь Уфы

Александр *Америков* (4 мая 1898 г. – 19 октября 1900 г.), переведён из Сергиевской церкви Уфы, перешёл в храм села Касимова

Андрей *Вознесенский* (19 октября 1900 – 18 июля 1901 г.), переведён из Никольской церкви села Касимова, уволен за штат

Николай Григорьевич *Задорин* (18 июля 1901 г. – 28 августа 1903 г.), отставной подполковник, 18 июля 1901 г. рукоположен в сан священника к Христорождественской церкви Березовки, переведён в село Можаровку Мензелинского уезда

Константин Владимирович *Огородников* (28 августа 1903 г. – 2 октября 1917 г., скончался), переведён из храма села Можаровки Мензелинского уезда

По декабрь 1917 г. место священника оставалось праздным. В июле – декабре (с перерывами) служили заштатный священник Пётр Катанский и священник Вознесенской церкви села Чесноковки Константин Неофитович Некрасов

Феодор *Зыков* (в метриках с 6 декабря 1917 г. – декабрь 1919 г.), из беженцев

Иоанн Лемин (сентябрь, ноябрь, декабрь 1919 г., с перерывами), священник села Енгалыш

Флор Ларионович *Мальгин* (в 1920 г.)

В целом приход села Березовки считался хорошим, доста-

---

[1] На прицерковном кладбище в Березовке имелась могила с надписью: «Здесь покоится прах священнической жены Ольги Даниловой Курбатовой, умершей в 1870 году марта 13 дня» (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю». С. 96). Метрической книги за 1870 г. нет.

точно доходным, позволявшим священникам и причту нормально существовать. Несмотря на его сокращение в середине XIX в., близость к Уфе, несколько тысяч душ паствы, соседние помещики и частные владельцы, жалованье от казны обеспечивали семьи священников. Многие служили в Березовке подолгу: Малиновкин – 11 лет, Сперанский – 15, Огородников – 14 лет. Лишь на рубеже XIX–XX вв. наблюдалась текучесть кадров.

Можно восстановить семейный состав березовского духовенства. У Г.А. *Преображенского* и супруги Натальи Львовны 21 декабря 1864 г. родился сын Павел, крестили 26-го[1].

Женой Алексея Семёновича *Малиновкина* была Евдокия Петровна, у них 7 марта 1868 г. родился сын Александр, крестили 18-го числа. Крёстным стал уфимский священник Михаил Максимович Светловзоров и губернская секретарша София Стефановна Харкевичева[2]. Березовский священник поддерживал контакты с городским духовенством и окрестным дворянством. Любопытно, но 31 января 1868 г. в Христорождественском храме Березовки крестили родившегося 13 января Аркадия, сына священника соседнего села Вознесенского (Чесноковки) Порфирия Алексеевича Монбланова и Марьи Ивановны. Восприемниками (крёстными) стали сам Алексей Малиновкин и помещица дворянка Прасковья Поликарповна Королёва[3]. В ноябре 1872 г. на крещение башкира Стерлитамакского уезда Малиновкин пригласил в крёстные дворян титулярного советника Николая Димитриевича Королёва и вдову Прасковью Андреевну Атаеву[4]. В 1870-е гг. в Березовку регулярно приезжал благочинный, известный уфимский священник Стефан Константиновский[5], проверявший церковную документацию, как, например, 1 июля 1875 и 10 января 1876 гг.

А 7 января 1877 г. А.С. Малиновкин благословлял под венец свою дочь, окончившую курс Уфимского духовного училища 17-летнюю Людмилу. Она вышла замуж за 21-летнего учителя Уфимского духовного училища студента Ивана Ивановича Гирляндова[6]. Затем, в июне 1877 г. семейство Малиновкиных покидает Березовку. Возможно, по возрасту он вышел за штат. На 1883 г. в Димитриевской церкви Села Юрмаша служил священ-

---

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 22. Файл 0096.
[2] Там же. Д. 63. Файл 0064.
[3] Там же. Файл 0060.
[4] Там же. Д. 106. Файл 0023.
[5] См.: В.С. Константиновский. Стезя духовная: сочинения уфимского священника В.С. Константиновского / Сост. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов / Отв. ред. Ю.Н. Сергеев. Уфа, 2013.
[6] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 155. Файл 0095.

ник Николай Алексеевич Малиновкин[1], скорее всего, сын.

При священнике А. Малиновкине в 1871 г. в Березовке бушевала эпидемия холеры. В несохранившейся церковной летописи Христорождественской церкви на 73-й странице было записано, что 5 августа «жители с. Березовки Уфимского уезда – Орест Михайлов, Флегонт Васильев и др. по доверию своих односельчан вошли с прошением к Его Преосвященству, Епископу Петру Уфимскому и Мензелинскому. Прошение это было следующего содержания:

"Бичь Божий холера, час от часу похищающая свои жертвы из среды нас, наконец вынудил нас сим беспокоить особу Вашего Преосвященства: будучи оставлены на произвол судьбы – всеми земными врачами, командированными к нам начальством, прибегнем с раскаянием во грехах наших к Целительнице скорбящих, Царице Богородице. Не возбрани, Владыко, и разреши поднять св. Икону Смоленской Божией Матери с причтом Троицкой церкви и утешить нас сирых. Мы уверены вполне, что этот древнейший – Царицы Небесной образ – утолит наше горе, смерть и слёзы твоего, Владыко, возлюбленного стада".

На сём прошении – Архипастырь изволил дать резолюцию: "Благословляю поднять св. Икону Смоленской Божией Матери для молебства по случаю холеры"». С тех пор по окрестным селениям носили копию иконы Смоленской Божией Матери Седмиозерной, по преданию, привезённую во времена царствования Алексея Михайловича и хранившуюся в Троицком храме Уфы[2].

При Малиновкине появилось первое краткое описание Христорождественской церкви. Известный уфимский краевед Руф Гаврилович Игнатьев сумел получить доступ к клировым ведомостям Духовной консистории за 1869 г. Материалы он опубликовал в Памятной книжке за 1873 г. В благочиние 2-го округа Уфимского уезда входила церковь:

«Рождества Христова, в селе Березовке, каменная; построена в 1780 году помещиком Фёдором Ивановичем Третьяковым, с приделом Св. Николая Чудотворца. – Причта: священник, дьякон и два пречетника, с жалованьем 259 р. в год и по 2 пуда хлеба с венца от прихожан, которых, кроме селения, – в дерев. Третьяковой, Ключах, Таптыковой, Осоргиной, Фомичёвой, Алакаевой и Лекарской – 287 двор. 991 м. 1043 ж. – Училище с 1862

---

[1] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 52.

[2] *Покрывалов В., свящ.* Сказание о древне чтимой Иконе Смоленской Божией Матери – Седмиозерной, находящейся в Троицкой Церкви г. Уфы // Уфимские епархиальные ведомости. 1913. № 11. 1 июня. С. 309.

г., в 1869 г. обучалось 5 мальчиков. Церковь от благочинного в 15 вер. К церкви принадлежат 2 каменные часовни: в дер. Таптыковой, в 4 вер. и д. Ключах 3 вер. от Березовки»[1].

Информация Р.Г. Игнатьева крайне ценна. Узнаём о существовании в Березовке школы, двух каменных часовнях и, самое главное, о материальном положении здешнего духовенства. Священно и церковнослужители получали казённое жалованье в 259 руб. в год на весь причт, как деньги делились – не известно, понятно, что наибольший оклад был у священника.

К 1870-м гг. сохранялась ругá – натуральные подношения прихожан священникам. В старину всё духовенство на телегах объезжало крестьянские дворы, забирая хлеб и прочие продукты. «Правда, эта процедура редко обходилась без ругани и взаимных упрёков. Священники, недовольные отказом крестьян выполнить "свой долг" в полной мере, или вовсе отказом выплачивать ругу, часто прибегали к угрозам. В частности, обещали крестьянам не причащать их или не венчать их детей. Нередко, утомившись чтением нравоучений, священники были вынуждены уйти ни с чем. Бывали случаи, когда весть о начавшемся походе священников за продуктами становилась известной крестьянам и те, чтобы избежать с ними встречи, покидали свои дома. При этом их жёны и вовсе отказывались обсуждать какие-либо дела без мужей. Таким образом, чтобы получить нужные им продукты, священники были вынуждены унижаться»[2].

В Березовке к 1869 г. установили фиксированную ругу, дабы избежать конфликтов, в 2 пуда «с венца», то есть с домохозяйства. Эти доходы, включая платы за требоисправления (за крещение, венчание, отпевание, чтение молитв на дому или поминание в храме, в среднем несколько сот рублей в год) и кормили духовенство с их семьями.

Следующий священник Христорождественской церкви Александр Васильевич *Сперанский* (около 1825 или 1826 – 1892) окончил курс Владимирской семинарии, получил назначение в Березовку в зрелом возрасте, ему было уже 52 года. Можно предположить, как в случае с предыдущим настоятелем Малиновкиным, в подгороднюю церковь стремились попасть священники, либо чьи дети учились в Уфе в учебных заведениях, либо здесь проживали родственники.

На 1883 г. священником близкого села Подлубова был Вла-

---

[1] *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 83.

[2] *Морозан В.В.* Материальное обеспечение сельского приходского духовенства Санкт-Петербургской губернии в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. N 1 (6). С. 162.

димир Васильевич Сперанский, кстати, благочинный 2-го церковного округа Уфимского уезда. Сам же Александр Васильевич, помимо службы в Березовке, являлся духовно-судебным следователем этого благочиния[1]. Ему поручалось в случае нарушений со стороны местных причтов вести расследование. Когда священник села Авдона не прислал выписки из метрик о призывниках, духовная консистория в 1883 г. командировала туда Александра Сперанского составить эти списки[2].

Семейство А.В. Сперанского включало супругу Елену Андреевну (около 1834 / 1835 – 1910) и дочерей Веру, Елизавету, Марию, Ольгу. После кончины мужа жена осталась в Березовке, где была похоронена[3]. С ней проживала незамужняя дочь Мария Александровна Сперанская (около 1858 – 5 апреля 1907), также нашедшая последний приют возле Христорождественского храма[4]. Рядом были три могилы Сперанских. Близкие навеки остались вместе. Очень долго преподавала в школе Ольга Александровна Сперанская, она служила в 1898 г.[5] Во время сельскохозяйственной переписи летом 1917 г. в Березовке была учтена дочь священника 40-летняя Ольга Александровна Сперанская. С ней проживали 60-летняя старшая сестра и прислуга (30 лет). Никакого хозяйства у них не имелось[6].

Героическая березовская учительница продолжала заниматься с детишками даже во время лихолетья Гражданской войны. Летом 1920 г. во время советской переписи зафиксировали домохозяйство 50-летней Ольги Александровны Сперанской. Оказалось, что с ней проживали 70-летний немощный дядя и три сестры (70, 55 и 54 лет), двое последних также «учащие», все грамотные. Скорее всего, родственники перебрались в тихую Березовку из умиравшего с голода города.

Родители детишек не могли много помогать педагогу, а менявшиеся власти вряд ли финансировали маленькую сельскую школу. Ольга Александровна завела хозяйство, у неё была корова и десять кур. Община формально выделила ей целых пять

---

[1] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 41.

[2] Уфимские епархиальные ведомости. 1883. № 16. 15 августа. С. 541–542.

[3] Вдова умершего священника А.В. Сперанского Елена Андреевна скончалась 2 июля (отпевали 4-го) 1910 г. на 75 году жизни от водянки (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 43. Файл 00257).

[4] Материалы к «Русскому провинциальному некрополю». С. 96. Умерла, видимо, не в Березовке, её привезли сюда на погребение.

[5] Уфимские епархиальные ведомости. 1898. № 6. 15 марта. Прибавления. С. 60. Её причисляли к учителям, отличавшимся «особенным усердием, умелым ведением дела и успехами преподавания» (Там же. 1902. № 3. 1 февраля. С. 204, 205).

[6] НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5289. Файл 27.

душевых наделов земли, на каждого едока, но учителя ничего не сеяли (сдавали пашню соседям?).

Чем же жили эти несчастные люди? Огородом кормились. Советские статистики всё измерили, продразвёрстка, однако. Грамотные педагоги выращивали картофель (3 кв. саж. и 3 аршина, или 20 фунтов посадили), а также росли 50 кочней капусты, 20 корней огурцов, 30 – помидоров, 50 – клубники и столько же малины. Целый аршин земли лука было, а также морковь и свёкла (48 д. и 32 д., неужели в долях = 0,17 граммов измеряли высеянные семена красные статистики-антихристы?). И это не всё, одинокие учительницы выращивали на своём уютном огородике дыни и арбузы (по три штуки)[1].

Но большевистский кошмар был впереди. А школа в Березовке к 1895 г. имеет собственное помещение[2] (статус на 1899 г. – школа грамоты с более простой программой, чем в церковно-приходских). Ученики участвовали по мере сил в общественных акциях, в 1899 г. они собрали в пользу пострадавших от неурожая 1898 г. один рубль[3], детские копейки, но от всего сердца. На 1899 г. (и далее) при Березовской школе существовал ночлежный приют для приходящих учеников[4], устраивались религиозно-нравственные чтения по воскресным и праздничным дням. Читали сами ученики, они же подбирали материал[5].

В апреле 1879 г. Александр Сперанский получил награду от Святейшего Синода – камилавку[6] (головной убор священников тёмно-синего, фиолетового или чёрного цветов), явно за прошлые заслуги, в Березовке служил всего два года. Затем епископ Никанор объявил благодарность «с призыванием благословения Господня священнику села Березовки уфимского уезда Александру Сперанскому и дочерям его за открытие в своём доме церковно-приходской школы и за ревностное обучение детей прихожан молитвам и грамоте, с прописанием сего в послужном списке священника Сперанского»[7]. К Пасхе 1884 г. А. Сперанский получил в награду от Синода наперсный крест[8].

Церковно-приходская школа для мальчиков и девочек в се-

---

[1] Там же. Д. 989. Карточка № 54.

[2] Уфимские епархиальные ведомости. 1897. № 10. 15 мая. Прибавления. С. 121.

[3] Там же. 1899. № 11. 1 июня. С. 466.

[4] Там же. 1901. № 1. 1 января. С. 50. В школе наблюдались конфликты (Там же. С. 59). Летом 1899 г. проверяли устроенные школьные печи, составлялись план и смета на фундамент (Там же. № 6. 15 марта. С. 362).

[5] Там же. № 10. 15 мая. С. 622, 626.

[6] Там же. 1879. № 7. 1 июня. С. 218.

[7] Там же. 1880. № 7. 1 апреля. С. 243.

[8] Там же. 1884. № 9. 1 мая. С. 255.

ле Березовке была открыта в 1877 г. священником А. Сперанским. Отмечалась особенная ревность настоятеля храма. Он обучал детей Закону Божию, «а дочь его девица Елизавета Сперанская безплатно учит их другим предметам школьного образования»[1]. В 1888 г. здесь обучалось пять мальчиков, один окончил школьный курс[2], в 1889 г. – по три мальчика и девочки[3]. Скорее всего, учились только жители Березовки и ближайших деревень, остальным ходить было далеко.

Но в жизни не только праздники. 16 декабря 1879 г. «сторож церкви села Березовки, спрятавшись после вечерни в церкви, изломал сундук и, похитив сумму в количестве 39 руб.», был пойман. После приезда полиции «виновный сознался во всём и возвратил деньги»[4]. Материальные вопросы волновали духовенство, в Уфимской епархии учреждается эмеритальная (пенсионная) касса, куда церкви обязались перечислять по 4% доходов, священники также вносили по 3 руб. в год, псаломщики по рублю. Александр Сперанский из Березовки подписался на вступление в кассу[5]. Священники были должны также вносить деньги ги на миссионерскую деятельность, вступая в члены православного миссионерского общества, в 1880 г. А. Сперанский внёс 6 руб.[6], в следующем году всего три[7] (и в последующие годы). В Христорождественском храме переходили в православие мусульмане, но крайне редко. Кроме того, епархия постоянно «призывала» духовенство жертвовать на разовые благотворительные дела, на сооружение в Петербурге храма в память мученической кончины Царя-Освободителя из Березовки ушло три рубля[8], на образование стипендии имени о. Иоанна Кронштадтского три[9].

Не удалось Сперанскому создать в Березовке церковно-приходское попечительство[10]. Они существовали в соседних больших сёлах – Подлубове, Булгакове, Сихонкине, Чесноковке, но здесь приход был исключительно крестьянский, богатых

---

[1] Там же. 1886. № 12. 15 июня. С. 372, 382–383.
[2] Там же. 1888. № 4. 15 февраля. С. 153.
[3] Там же. 1889. № 2. 15 января. Приложение. С. 10.
[4] Там же. 1880. № 3. 1 февраля. С. 88.
[5] Там же. № 5. 1 марта. С. 160.
[6] Там же. № 16. 15 августа. С. 530–531.
[7] Там же. 1881. № 8. 15 апреля. С. 286. Священники Березовки в «обязательно-добровольном» порядке состояли в Уфимском комитете Православного Миссионерского общества. Также собирались деньги для Императорского Православного Палестинского общества, в 1903 г. – 1 руб. 15 коп. (Там же. 1903. № 21. 1 ноября. С. 1491).
[8] Там же. 1882. № 3. 1 февраля. С. 87.
[9] Там же. 1910. № 4. 15 февраля. С. 120.
[10] Там же. 1880. № 20. 15 октября. С. 660.

спонсоров – купцов и помещиков не имелось. Церковным старостой при Христорождественской церкви был избран и утверждён епархиальной властью на 1881–1884 гг. крестьянин деревни Искиной Иван Скворцёв[1]. В трёхлетие 1884–1887 гг. старостой являлся крестьянин Осоргиной Доримедонт Иванов[2], в 1887–1890 гг. – крестьянин той же деревни Илья Алексеев[3], в 1890–1893 гг. – житель Березовки Василий Михайлов[4], в 1896–1898 гг. – крестьянин из Осоргино Пётр Гордеев[5]. Видно, что более трёх лет в церковных старостах не задерживались, лишь П. Гордеев отбыл два срока, за что его наградили похвальным листом. А старостой 19 июня 1899 г. утвердили крестьянина деревни Вавиловки Григория Стефанова[6].

30 мая 1889 г. Христорождественскую церковь посетил епископ Уфимский и Мензелинский Дионисий (Хитров, 1818–1896, служил в Уфе с 1883 г.). Он внимательно изучил историю храма (см. выше), отметил современное состояние. Это второе после Р.Г. Игнатьева описание церкви в Березовке.

«Прихожане состоят, по преимуществу, из крестьян собственников; есть впрочем небольшая часть помещиков, мещан и военных. Прихожан всех считается: муж. пола 949, жен. п. 1013 душ; а у исповеди и св. Причастия было только: муж. 200, жен. 323 человека. По этому случаю Архиереем предложено было поучение о том, как пагубно поступают те, кои нерадят об очищении своей совести покаянием и уклоняются от св. Причастия[7].

С Ноября 1877 года в доме Священника открыта школа грамотности, в которой в нынешнем учебном году обучалось шесть мальчиков и три девочки. Обучением занимается дочь местного Священника Елизавета Сперанская. Занятие обучением в школе начинается в половине Сентября, а оканчивается в конце Апреля.

Из Богослужебного журнала видно, что в великие праздники: в Рождество Христово, Благовещение и Пасху бывает в церкви при Богослужении по 400 и 300 человек, а во дни воскресные только от 25–50 человек. По поводу сему вновь было сказано поучение – нерадящим о спасении своём.

---

[1] Там же. 1881. № 8. 15 апреля. С. 278.
[2] Там же. 1884. № 10. 15 мая. С. 283.
[3] Там же. 1887. № 14. 15 июля. С. 422.
[4] Там же. 1890. № 10. 15 мая. С. 373.
[5] Там же. 1896. № 14. 15 июля. С. 462.
[6] Там же. 1899. № 15. 1 августа. С. 608.
[7] В Березовском приходе проживало немного старообрядцев, трое на 1889 г. (Там же. 1891. № 6. 15 марта. Прибавление. С. 93). Видимо, это были купцы Кузнецовы из Ключей.

Летопись и прочие документы церковные ведутся порядком.

Из вышесказанного видно, что церковь существует более ста лет, и что из прихода сей церкви образовалось особых самостоятельных четыре прихода; прихожане сей церкви не инородцы, а коренные русские. Священник окончивший курс в Владим. Семинарии. Можно бы думать, что приход сей, как старший из окружающих его, послужит образцом для них, но на деле видим совсем не то; младшие церкви служат образцом для старейшей церкви, как в школьном образовании детей, так и в неуклонном исполнении прихожанами христианского долга очищения совести ежегодным исповеданием грехов и приобщением св. таин»[1].

Владыка остался недоволен, в соседнем мордовском Енгалыше исполнение православных традиций было лучше. Если на большие праздники в Березовку сходилось до половины всего окрестного населения, то исповедовались в грехах и причащались лишь 20–30% прихожан храма. А святое причастие – одно из главных христианских таинств, во время которого верующий вкушает белый хлеб и вино, символизирующие тело и кровь Господа. На воскресные богослужения вообще приходили от 20 до 50 человек, наверняка из Березовки и примыкающих к ней Алакаевой и Вавиловки.

Сказывалась специфика Христорождественской церкви, две главные деревни, где проживала основная часть прихожан (Осоргино и Таптыково), лежали на удалении и дойти до храма было непросто, особенно зимой и в распутицу. Видимо, влияла близость к Уфе, крестьяне жили «с городу», выращенные овощи, хлеб, прочие продукты везли туда на продажу, часть постоянно работала в Уфе.

В конце жизни священник А. Сперанский тяжело болел, его последние подписи в метрической книге встречаются за 14 февраля, 7 и 26 апреля, настоятеля замещали священники И. Орлов и А. Геллертов. 17 июня 1892 г. Александр Васильевич Сперанский в возрасте 66 лет скончался «от внутреннего рака». Отпевал его 20 июня священник села Моисеева Константин Гуменский, похоронили настоятеля в церковной ограде храма[2].

А с 30 августа в метрической книге Христорождественской церкви села Березовки появляется подпись нового настоятеля,

---

[1] Там же. 1889. № 17. 1 сентября. С. 532–533.

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 375. Файл 00536. В ведомостях дату смерти А. Сперанского указали 16 июня (Уфимские епархиальные ведомости. 1892. № 14. 15 июля. С. 376), на могиле – 17 июня 1892 г., «надгробной надписи нет» (Материалы к «Русскому провинциальному некрополю». С. 96).

сюда был назначен Николай *Куклин*. Церковные власти несколько месяцев не могли подобрать новую кандидатуру. Лишь 15 августа студента семинарии Н. Куклина рукоположили в диаконы, а 16 августа в Спасской церкви епископ Дионисий рукоположил в сан священника к березовской церкви учителя Образцовой начальной школы при Уфимской духовной семинарии Николая Андреевича Куклина[1].

По всей видимости, это был молодой амбициозный человек, приехавший в Уфу с Вятки, где в селе Галаново Сарапульского уезда служил его отец диаконом. Вдобавок требовалось содержать семью. В августе обосновались в Березовке, а 29 ноября 1892 г. у священника Н.А. Куклина и супруги Елены Петровны родилась девочка Варвара. Крёстными пригласили Павлу Андреевну Куклину, сестру священника, и уфимского мещанина Дмитрия Антиповича Пискунова[2]. Жена березовского настоятеля происходила из довольно известной, некогда богатой уфимской купеческой семьи Пискуновых. 7 мая 1897 г. в семействе Куклиных появилась на свет дочь Ольга[3].

Не случайно, 10 июня 1894 г. епископ Дионисий изъявил архипастырскую благодарность временному уфимскому купцу Василию Пискунову «за пожертвование церковной утвари на сумму 105 р. 65 к. в Христорождественскую церковь»[4]. Родственник откликнулся, наверняка, на просьбу молодого священника. Это единственный зафиксированный заметный благотворительный вклад в храм. Всё остальное приобреталось за свой счёт. Через Березовку в 1896 г. проходил маршрут крестного хода с Чудотворной иконой Казанской Божией Матери из Богородского. 24 июня паломники миновали Булгаково, Угличино, Искино, Березовку, откуда сразу шли в Зубовку[5]. Но собираемые на чудотворную икону деньги уходили из села.

Священник Н. Куклин старался и 18 января 1897 г. новый владыка Иустин награждает его набедренником[6], а затем 4 мая 1898 г. переводит Николая Куклина в уфимскую Сергиевскую

---

[1] Уфимские епархиальные ведомости. 1892. № 18. 15 сентября. С. 501–503.
[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 375. Файл 00498. Варвара прожила всего 9 месяцев, скончалась 16 августа 1893 г. (Там же. Д. 393. Файл 0375).
[3] Там же. Д. 488. Файл 00335.
[4] Уфимские епархиальные ведомости. 1894. № 14. 15 июля. С. 468.
[5] Там же. 1896. № 8. 15 апреля. Прибавление. С. 2. И в дальнейшем чудотворную икону проносили через Березовку, вплоть до 1915 г.
[6] Там же. 1897. № 10. 15 мая. С. 391. Набедренник – прямоугольный плат с изображением креста, который вручается священникам как первая награда и носится на ленте при бедре с правой стороны. Означает духовный меч слова Божия.

церковь[1] (последняя подпись в метриках 10 мая). Это было весьма редкое событие, больше из Березовского храма никто в город не получал назначения. В дальнейшем Н. Куклин сделал успешную карьеру, служит в уфимских храмах (в 1902 г. в Александро-Невской церкви), стал благочинным, супруга скончалась в 1908 г.[2], на 1913 г. священник Николай Андреевич Куклин – председатель Комитета епархиального свечного завода[3].

А в 1898 г. из Уфы в обратном направлении в сельцо Березовку на должность настоятеля Христорождественской церкви проследовал бывший священник городского Сергиевского храма Александр *Америков*[4]. Также исключительное событие, из Уфы в в сельцо небольшое за всё изучаемое время никого не отправляли. Уже с 14 мая подпись о. Америкова есть в метриках.

На кратковременное пребывание Америкова в Березовке пришлись два описания Христорождественского храма. 27 августа 1898 г. из Уфы через Чесноковку отправился обозревать подведомственную епархию епископ Иустин. Следующей на пути была Березовка. «В Березовке церковь каменная, но очень небольшая, и притом с тёплым приделом. В церкви всё чисто, благообразно и прилично, кроме резного старинного распятия, резко бьющего в глаза, с предстоящими, грубой работы, впрочем замаскированными повешенным на них полотенцем. Священник в отлучке, и потому встречал Священник Чесноковский»[5]. Действительно, в августе Америкова в Березовке не было, временно служил священник из села Подлубова Павел Минаков. А владыка Иустин просто прошёлся по храму, лошади, наверняка, стояли не распряжённые.

В 1899 г. Уфимское епархиальное братство Воскресения Христова издаёт книгу И.Е. Златоверховникова по истории Уфимской епархии, поныне один из основных источников, так как Иван Егорович пользовался документацией Духовной консистории, погибшей в Гражданскую войну.

---

[1] Уфимские епархиальные ведомости. 1898. № 10. 15 мая. С. 341.

[2] Жена священника Николая Андреевича Куклина, Елена Петровна, урождённая Пискунова, скончалась 3 апреля 1908 г., на 35-м году от рождения. Погребена в церковной ограде уфимской Никольской церкви (Уфимский некрополь / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 35).

[3] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа, 1913. С. 38.

[4] Священник Старо-Покровской церкви города Ейска Кубанской области Ставропольской епархии Александр Америков 13 марта 1897 г. принят на службу в Уфимскую епархию и определён на место второго священника к градо-Уфимской Сергиевской церкви (Уфимские епархиальные ведомости. 1897. № 16. С. 587). Его дети Надежда, Александр, Константин (чиновник в 1913 г.), Леонид обучались в духовных заведениях.

[5] Там же. 1898. № 19. 1 октября. С. 739.

«Село Березовка. Каменная церковь – в честь Рождества Христова и во имя Святителя и Чудотворца Николая, построена помещиком Феодором Третьяковым в 1780 году. Церковно-приходское попечительство открыто 14 марта 1893 года. Причт, состоящий из священника и псаломщика, помещается в общественных домах, получает жалованье от казны 234 р., от прихода за требоисправления около 450 р. в год, ругу и пользуется процентами с 3-х банковых билетов на сумму 450 р. В селе есть церковно-приходская школа, открытая в 1877 году.

Приход состоит из села и 7 деревень. Число душ в приходе 2717 (1322 муж. и 1395 жен.), в том числе раскольников 32 д.»[1]

Сравним информацию И.Е. Златоверховникова с приведёнными выше тоже сведениями из консистории у Р.Г. Игнатьева (1869 г.). За прошедшие 30 лет численность населения прихода выросла, а вот жалованье причту сократили с 259 до 234 руб. в год. Надо полагать, цены выросли, да в причте Березовки находились два псаломщика, а оклад полагался на одного. Значит они служили из половинного жалованья, на полставки, не удивительна поэтому текучесть кадров церковнослужителей.

Понижение оклада можно попытаться объяснить ростом доходов за требоисправления до 450 руб. Возможно, в Уфе в консистории посчитали, что сельцо пригородное, помещики и дачники вокруг, народ состоятельный и духовенство заработает себе на пропитание[2]. Но даже на 1899 г. в Березовке сохранялась архаичная руга, натуральный сбор с прихожан. Кто-то из богатых прихожан подарил Христорождественской церкви три билета стоимостью по номиналу в 450 руб. Билеты положили в банк и священник раз в год ездил в Уфу снимать проценты. Скорее всего, это были билеты 4%-ной Государственной ренты, самой массовой и популярной ценной бумаги той эпохи. Доход составлял менее 18 руб. (налогом снимались 5% с прибыли), весьма скромное подспорье.

И обращает внимание, что при храме Березовки вообще не имелось своей земли. В то время как в Булгаково причту выделили 66,5 дес., в Авдоне, Ляхове и Вольно-Сухареве было по 33 дес.[3] Духовенство этих церквей занималось сельским хозяйством, растило хлеб или сдавало угодья в аренду. Березовские могли лишь мечтать, слава Богу, что сельское общество (община) имело общественные дома, куда селились семьи служителей, надо полагать, бесплатно. Не случайно, в 1909 г. приход Христо-

---

[1] *Златоверховников Иван.* Указ. соч. С. 85.

[2] В соседних больших селениях доходов от требоисправлений поступало меньше, в Подлубово и Чесноковке – до 300 руб. (Там же. С. 89).

[3] Там же. С. 86–87.

рождественской церкви Березовки считался «по своей бедности» нуждающимся в увеличении содержания[1].

Про священника А. Америкова имеется меньше всего сведений, известно лишь, что 10 января 1899 г. 25-летняя вдова священника Екатерина Александрова Седальская, урождённая Америкова, вторым браком обвенчалась в Христорождественской церкви Березовки. Женихом был 21-летний уроженец города Ейска Кубанской области Иван Иванович Прокопенко. Молодой муж обучался за границей «в Королевской горной академии в Фрейберге» в Саксонии[2] (Фрайбергская горная академия).

Сам же А. Америков подал прошение о переводе и 19 октября 1900 г. отправился служить в Никольскую церковь села Касимова[3], тоже рядом с Уфой. А оттуда в Березовку «на обмен» прибыл священник Андрей *Вознесенский*[4].

Новый настоятель «продержался» немногим более полугода. Первая запись в метрической книге с его подписью датируется 19 ноября 1900 г., последняя – 31 июля 1901 г. По всей видимости, А. Вознесенский был человек уже немолодой, его определили в Березовку временно, пока искали новую кандидатуру. И 18 июля 1901 г. священник Андрей Вознесенский был «уволен за штат». В тот же день епископ Антоний (Храповицкий, будущий глава Русской православной церкви заграницей) рукоположил в сан священника к Христорождественской церкви Березовки отставного подполковника Николая Григорьевича *Задорина*[5].

В июле 1901 г. состоялась передача дел, Вознесенский и Задорин служили попеременно, а с 1 августа о. Николай взял бразды правления. Он приехал в Березовку с супругой Марией Васильевной, 7 марта 1902 г. у них здесь родился сын Павел[6]. Жена была урождённая дворянка Гредасова, и крёстными малыша стали вдова коллежского ассесора Мария Васильевна Гредасова и контролёр Уфимского акцизного окружного управления Сергей Васильевич Гредасов (мать и брат). Последний в Березовке встретил суженую. 31 августа 1903 г. в Христорождест-

---

[1] Уфимские епархиальные ведомости. 1909. № 21. 1 ноября. С. 1034.

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 536. Файл 00379.

[3] На 1903 г. двое его сыновей учились в семинарии в Уфе, один в духовном училище (Уфимские епархиальные ведомости. 1903. № 19. 1 октября. С. 1297). Александр Америков скончался 11 декабря 1904 г. (Там же. 1905. № 2. С. 98).

[4] Уфимские епархиальные ведомости. 1900. № 22. 15 ноября. С. 759. 9 августа 1901 г. А. Вознесенского определили сверхштатным священником к Михайло-Архангельскому собору Белебея (Там же. № 18. 15 сентября. С. 1089).

[5] Там же. 1901. № 15. 1 августа. С. 900.

[6] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 41. Файл 00157.

венском храме венчались 32-летний С.В. Гредасов и дочь здешнего диакона Елизавета Михайловна Лебединская возрастом всего в 15 лет и 11 месяцев[1].

Последний раз размашистая подпись священника Николая Задорина появилась в метрике 21 сентября 1903 г. Указом владыки от 28 августа 1903 г. Н. Задорин перешёл, согласно прошению, на священническое место села Можаровки Мензелинского уезда[2]. Не известно, что заставило Задорина добровольно променять пригородную церковь с неплохим доходом на глухую глубинку современного восточного Татарстана, но паства вздохнула с облегчением. Окончилось «смутное время», в Березовке начал служение постоянный священник.

В обратном направлении по маршруту Можаровка – Березовка проследовал священник Константин *Огородников*, с 30 сентября 1903 г. уже его подпись стоит в метрических книгах. Огородников служил по 1917 г., целых 14 лет, при нём шла война с германцем, отрёкся император, Россия начала свой скорбный путь. Огородникова в Березовке всё устраивало, из скромной сельской церковки попасть в подстоличный храм!

Ещё будучи в Мензелинском уезде, К. Огородников просил Епархиальный съезд духовенства «пособия на содержание двух сыновей, обучающихся (один имеет ещё только поступить) в Елабужском духовном училище, вследствие его многосемейности (7 человек детей), высокой платы за содержание детей в иноепархиальном училище (105 руб. с каждого в год) и крайней скудности получаемых им доходов по приходу, за исключением получаемого им казённого жалованья в размере 300 руб. в год»[3].

Жалованье в Можаровке платили выше, чем в Березовке (300 и 234 руб.), но доходы от прихожан были несравненно меньше. Наверняка, поэтому Огородниковы здесь прочно осели. Кроме приехавших с родителями детей (Михаил, Владимир, Мария), 10 июня 1905 г. у священника Константина Владимировича Огородникова и супруги Александры Иоанновны родился сын Константин. Крёстной пригласили дочь священника Клавдию Ивановну Фелицыну, приехал также протоиерей уфимского Александро-Невского храма Владимир Евфимиевич Фелицын, который и крестил малыша[4]. Это позволяет предположить, что жена К.В. Огородникова происходила из известной священнической фамилии Фелицыных, что, намекнём, вероятно, поспособствовало смены Мажаровки на Березовку.

---

[1] Там же. Файл 00198.

[2] Уфимские епархиальные ведомости. 1903. № 18. 15 сентября. С. 1214.

[3] Там же. № 19. 1 октября. С. 1297. В просьбе отказали.

[4] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 42. Файл 00095. Копию брали в 1925 г.

10 марта 1909 г. у четы Огородниковых появился на свет сын Александр, увы, мальчик прожил недолго, скончался 7 июня того же года[1]. Затем, 30 марта 1910 г. родился сын Борис[2]. В 1912 г. К. Огородников просил принять его дочерей Марию и Нину, «воспитанниц Епархиального училища, на полное епархиальное содержание», так как у него шестеро детей обучаются в духовно-учебных заведениях, но лишь сын Анатолий в Уфимском духовном училище получает казённое содержание, все остальные учатся на счёт отца. Епархиальный съезд принял на полное содержание лишь дочь Марию[3]. В 1913 г. по новой просьбе и Нину приняли но «на полу-епархиальное содержание»[4].

«Эпоха» Огородникова в судьбе Христорождественского храма села Березовки, причта и прихода стали периодом спокойной, стабильной жизни. В 1907 г. ко дню рождения императора К. Огородников награждается камилавкою[5]. Огородников исполнял обязанности духовного следователя[6]. 26 февраля 1909 г. Березовку посетил епископ Уфимский и Мензелинский Нафанаил. К сожалению, опубликовали лишь краткое сообщение, что «в каждом селе Его Преосвященство был встречаем народом в храмах, произносил отечески-назидательные поучения, благословлял весь народ. Из храмов проходил в школы, а затем в дом священника. Впечатление от обозрения вышеозначенных сёл Владыка получил благоприятное»[7].

Священник Константин Огородников заведовал Березовской и Осоргинской церковно-приходскими школами, за несвоевременное доставление школьных листков с отчётом за 1913 г. был оштрафован на 10 руб. в пользу Уфимского епархиального попечительства о бедных духовного звания[8].

Примерно с 1904 г. в метриках (и вплоть до мировой войны) в массовом порядке стали записывать похороненных – «на новом кладбище». Именно Константин Владимирович Огородников летом 1914 г. собрал прихожан на молитву о благословении русского оружия. Грянула Первая мировая война.

Летом 1917 г. в стране прошла сельскохозяйственная пере-

---

[1] Там же. Д. 43. Файлы 00114, 00171.
[2] Там же. Файл 00197. Копию с метрики брали в 1926 и 1946 гг.
[3] Уфимские епархиальные ведомости. 1912. № 18. 15 сентября. С. 787.
[4] Журналы заседаний Уфимского епархиального съезда духовенства 2–14 сентября 1913 года. Уфа, 1913. С. 19.
[5] Уфимские епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 1 июня. С. 590.
[6] Там же. 1912. № 14. 15 июля. С. 596–597. За медлительность оштрафован ван на 10 руб.
[7] Там же. 1909. № 6. 15 марта. С. 301.
[8] Там же. 1914. № 8. 15 апреля. С. 78.

пись, и сохранилась подворная карточка № 1 (с церковного дома переписчик начал обход сельца, всё духовенство жило рядом – на них составили ещё карточки № 2 и 3) на домохозяйство русского, священника Огородникова Константина Владимировича. Это уникальная возможность «заглянуть» во двор настоятеля.

К.В. Огородникову точно записали возраст в 50 лет. У него была многодетная семья – семь сыновей, старший (26 лет, как и младшие 17, 15, 12 и 7 лет) проживал вместе с родителями. Двух сыновей призвали в армию (первый: 24 года), а второй (22 года) был врачом. Жене в 1917 г. исполнилось 47 лет, в обширной семье проживали также три дочери (20 и 18 лет – обе учительницы, и самая младшенькая в три годика), а также матушка священника (67 лет) и сестра (30 лет) с племянницей (19 лет), видимо от другого родственника[1]. Такую огромную семью приходилось кормить исключительно с доходов от храма, никакого хозяйства (ни лошади с коровой, ни посевов) у Огородниковых не имелось (возможны лишь огород с садиком на приусадебном участке, да домашняя птица).

Через несколько месяцев, 2 октября 1917 г. 50-летний священник Христорождественского храма Березовки Константин Владимирович Огородников скончался от рака горла. Похоронили его пятого в церковной ограде, на отпевание приехали четверо священников из окрестных церквей во главе с благочинным[2]. ным[2].

Семья Огородниковых покидает Березовку, найти нового настоятеля в условиях хаоса было сложно, но в Уфимскую губернию прибыло большое количество беженцев из прифронтовых губерний Украины и Белоруссии. И уже с февраля 1918 г. (за январь данных нет, листы метрики утрачены) временным заведующим приходом назначен беженец-украинец священник Феодор Зыков. Он служит в Христорождественском храме следующие страшные два года.

Березовке повезло, скромная сельская церквушка лежала в стороне от главного гужевого тракта на юг в сторону Стерлитамака, активных боевых действий здесь не велось. В метрических книгах лишь в 1919 г. обнаружены две записи об убийстве сына гражданки Курсаковой 23 сентября, а также о погребении 10 сентября 1919 г. на кладбище при деревне Ключах гражданина Алексея Евфимова. Как записал отец Фёдор Зыков – тот 9

[1] НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5289. Файл 28.
[2] Там же. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 46. Файл 0052.

сентября был «убит солдатами красной армии»[1]. Победу советов встретил один священник Феодор Зыков, хотя в ноябре и декабре 1919 г. его несколько раз замещал настоятель храма из Енгалыша Иоанн Лемин.

Что случилось со священником и псаломщиком Березовки – неизвестно. Но во время переписи летом 1920 г. в Березовке проживала 54-летняя просвирня Людмила Петровна Зыкова, украинка (малоросска). Держала крохотное хозяйство из 6 кур, телёнка и подсвинка. Ей даже полагался земельный надел, но посевов не было, возможно сдавала землю соседям[2]. Логично предположить, что это вдова / жена отца Фёдора Зыкова.

А на его месте в 1920 г. служил 66-летний священник Флор Ларионович Мальгин, 18-летний сын исполнял обязанности псаломщика, семья включала ещё жену (62 года) и 20-летнюю дочь. Ему на четырёх человек также полагались 4 земельных надела, но хлеб не сеял. В обстановке разрухи, когда деньги ничего не стоили, прожить без своего хозяйства было невозможно (обедневшие прихожане вряд ли много подавали), у батюшки имелось подворье: стоял рамочный улей, по двору бродили гусь, индюк, курица и утка, было маленькое стадо (рабочая лошадь, корова, нетель, 3 овцы с ягнёнком и пара поросят), а также сани с телегой[3]. Советские статистики внимательно всё осмотрели.

Диаконы и церковнослужители

Для рядовой сельской церкви причт Христорождественского храма был немалый, включал четырёх – пятерых служителей. Священники никогда не проводили богослужения одни, в первую очередь им помогали диаконы (дьяконы), в переводе с греческого как раз служитель. Диаконы – низшая степень священничества, помощник священника при совершении таинств без права их вести самостоятельно. Диаконы помогают в богослужении, но самостоятельно совершать таинства не могут, зато священник может проводить литургию и иные богослужения в одиночку, без диаконов.

Наконец в Березовке при храме всегда находились псаломщики. Псаломщик, дьячок или чтец (пономарь) – служитель церкви, не имеющий степени священства, основная его обязанность – чтение текстов Священного писания и молитв во время богослужения. В 1860-е гг. в Русской православной церкви про-

---

[1] Там же. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 46. Файл 0186 и 0197 (вклейка), 0198.
[2] Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 989. Карточка № 7.
[3] Там же. Карточка № 13.

шли большие реформы. По положению 1869 г. сокращались штаты сельского духовенства, закрывались бедные приходы, причт должен был состоять из священника и псаломщика. Диаконы вообще не входили в состав приходских причтов и могли служить лишь на вакансии псаломщика или без казённого оклада, на попечении прихожан. С другой стороны, это позволило повысить казённое жалование, священникам, диаконам полагались пенсии, вдовы получали по 55–65 руб.[1]

В исторической литературе судьба низших чинов церковных служителей редко изучается. Как и в большинстве храмов, в Березовке наблюдалась большая текучесть этих кадров, вызванная в первую очередь небольшими окладами. Точную информацию узнаём лишь в 1913 г., когда указом Синода от 23 июля при Христорождественской церкви Березовки «закрыта вторая псаломщическая вакансия» и освободившийся «оклад казённого жалованья, в размере тридцати шести рублей, обращён на увеличение содержания первого псаломщика при той же церкви»[2].

То есть псаломщик получал всего-навсего 36 руб. в год, двое – 72 руб., а всё жалованье от казны на причт Березовки составляло 234 руб. Годовой оклад священника – остальные 162 руб., включая естественные расходы на содержание храма, это примерно зарплата мелкого уфимского чиновника. Только поступления за требы (церковные обряды) от прихожан позволяли более-менее нормально существовать священникам. А вот низшим чинам было совсем туго, отсюда часто текучка кадров.

Кроме того, по данным на 1902 г. у псаломщиков Березовки не имелось дома[3], проблему с жильём псаломщики (два штата) решали неизвестно каким образом, особенно семейные.

На 1890 г. известна «просфирня» села Березовки – Мария Стефановна Преображенская[4], наверняка, вдова бывшего священника Г.А. Преображенского. Просфорня, просвирня – женщина, занимающаяся выпечкой для церкви просфор, богослужебного литургического хлеба.

В 1860-е – 1890-е гг. по сведениям метрик и епархиальных «ведомостей» при Христорождественском храме Березовки служили:

диакон, с 1883 г. диакон на псаломщической вакансии Стефан Григорьевич Колокольцев (до 1864 – 27 июня 1897), по прошению уволен за штат 27 июня 1897 г. Наверняка, сыновья: на 1889 г.

---

[1] См.: Православная энциклопедия (https://www.pravenc.ru/).
[2] Уфимские епархиальные ведомости. 1913. № 16. 15 августа. С. 17.
[3] Там же. 1902. № 23. 1 декабря. С. 1535.
[4] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 4. Д. 78. Файл 00228.

в Бирске служил диаконом Гавриил Колокольцев, а при Успенской церкви Уфы – Пётр Стефанович Колокольцев. Семья: супруга – Татьяна Архиповна (умерла 4 августа 1887 г. в возрасте 64 лет), дочери Мария Стефановна, Анна Стефановна (30 января 1889 г. в 18 лет вышла замуж за 19-летнего псаломщика из села Фёдоровки Уфимского уезда Николая Ивановича Смирнова). Судя по подписи, именно диакон С. Колокольцев заполнял метрические книги, имел хороший чёткий почерк. Отставной диакон Стефан Колокольцев умер 23 марта 1902 г. в возрасте 87 лет. Похоронен в церковной ограде[1], надпись на могиле: «Диакон Стефан Григорьевич Колокольцов скончался 24 марта 1902 г. 88 лет»

дьячок Евтихий Тимофеевич Орлов (до 1864–1865), супруга – Мария Антоновна

дьячок Николай Тимофеев (1865–1867)

пономарь Пётр Виссарионович Гумилевский (до 1864–1865), супруга – Анна Ивановна

пономарь Феодор Филиппович Ульянов (1865–1871), супруга – Анна Онисимовна

дьячок Василий Максимович Лунин (1868 – апрель 1885), заштатный псаломщик Василий Максимович Лунин скончался 29 сентября 1885 г. от чахотки в возрасте 57 лет. Семья: жена Александра Павловна, дочь Мария Васильевна, сын в 1880 г. ученик 4-го класса Иван Васильевич Лунин

псаломщик Иван Васильевич Лунин (июнь 1885 – 8 февраля 1891), бывший воспитанник Уфимской духовной семинарии Иван Лунин 17 июня 1885 г. определён псаломщиком к Христорождественской церкви. 27 октября 1886 г. 19-летний псаломщик И.В. Лунин обвенчался с мещанской девицей Анной Андреевной, 25 лет. Дети: Любовь (род. 17 сентября 1887 г.), Александра (род. 16 марта 1890 г.). 8 февраля 1891 г. Иван Лунин переведён на псаломщическое место к Никольской церкви села Моисеева

По 1871 г. причт Березовки включал четырёх служителей, с 1872 г., когда в провинции началась реализация церковной реформы, штат сократился до трёх (священник, диакон, дьячок). Эпоха священников Малиновкина и Сперанского продолжалась 26 лет, и состав церковнослужителей оставался весьма стабильным. Кроме патриарха Березовского храма диакона Стефана Колокольцева, долго служил дьячок Василий Лунин (17 лет до самой смерти). Значит, низших служителей всё в Березовке устраивало, материальное обеспечение было вполне приличное, а настоятели храма не скупились делиться доходами от прихожан.

Всё изменилось с кончиной священника Александра Сперанского и уходом Николая Куклина, началась кадровая «чехарда», которая самым непосредственным образом сказалась на

[1] В церковной ограде Христорождественской церкви Берёзовки с разрешения Консистории 17 января 1913 г. также была похоронена 74-летняя вдова священника Татиана Петровна Туберозова (Там же. Оп. 7. Д. 44. Файл 00254).

низших чинах. Можно лишь предполагать, что приходившие настоятели не находили общего языка с новыми же причетниками, возможно, нарушилось распределение средств, поступавших от прихожан. В следующие десятилетия состав церковнослужителей в Березовке был таков, многие псаломщики числились и. д. (исправляющими должность):

псаломщик Василий Григорьевич Успенский (8 февраля 1891 – 31 мая 1900), переведён из Свято-Троицкой церкви села Сорвихи, перемещён псаломщиком в Николо-Берёзовку Бирского уезда

псаломщик Иоанн Васильевич Ламкин (15 июля 1898 – 14 июля 1900), из учеников псаломщического класса при Братстве Воскресения Христова, перемещён к Никольской церкви села Рязановки Стерлитамакского уезда

псаломщик Андрей Ведерников (30 июля 1900 г. рукоположен в диаконы, с оставлением псаломщиком

псаломщик Василий Магницкий[1] (по август 1900 г.), переведён псаломщиком в Рязановку Стерлитамакского уезда

диакон Иаков Яковлев (август 1900 – 4 февраля 1901), был прикомандирован к Уфимскому кафедральному собору, по прошению увольняется за штат», затем «диакон же Яковлев, по пробытии двух месяцев в монастыре, может проситься на псаломщическое место»

псаломщик Василий Всеволодович Ложкин (август 1901 – осень 1902), супруга – Стефанида Лаврентьевна, 7 апреля 1902 г. родился сын Александр

псаломщик Василий Афанасьевич Горбачёв (4 февраля 1901, в метриках с февраля 1902 – 10 июля 1904, по метрикам служил по 3 июля 1905), из бывших послушников Оренбургского архиерейского дома, «принят в духовное звание», оставался в Берёзовке в 1905 г., где у них с супругой Марией Фёдоровной 8 февраля 1905 г. родилась дочь Валентина. 17 ноября 1905 г. 20-летний псаломщик В.А. Горбачёв скоропостижно умер, было полицейское расследование

псаломщик Пётр Николаевский (30 ноября 1902 – 15 января 1903), заштатный псаломщик церкви села Мана-Горы, в метриках часто подписывался как Николаев, 34-летний псаломщик Пётр Михайлович Николаевский 15 января 1903 г. скоропостижно скончался от угара

диакон Михаил Лебединский (по метрикам с 23 февраля 1903 – 9 сентября 1904, по метрикам – по 12 сентября), супруга – Анна Димитриевна, 16 июля здесь родилась дочь Алевтина, другая дочь Елизавета вышла замуж 31 августа 1903 г. (см. выше), поручителями на свадьбе со стороны невесты были псаломщик Николаевской церкви села Накарякова Бирского уезда Александр Михайлович Лебединский и сын диакона Константин Михайлович Лебединский. Псаломщик-диакон Христорождественской церкви Михаил Лебединский 9 сентября 1904 г. переведён на диаконское место к Сергиевской церкви Уфы

---

[1] Видимо, в пригородной березовской церкви некоторые просто числились, дожидаясь более выгодных вакансий. В метриках подписей псаломщиков Ведерникова и Магницкого не удалось обнаружить.

псаломщик Кенсорин Соколов (11 сентября 1904 – 19 июля 1907, по метрикам служил по 9 июля 1906), окончил курс Уфимской духовной семинарии (с 19 сентября по метрикам), 19 июля перемещён на праздное место к Всехсвятской церкви Уфы (запись в «епархиальных ведомостях» от 1 сентября 1907 г. стр. 927)

псаломщик Александр Александрович Юновидов (15 декабря 1905 – 27 февраля 1914), из псаломщиков села Илек, супруга – Антонина Александровна, 4 сентября 1909 г. родился сын Илиодор, крёстные: уфимский мещанский сын Иннокентий Александрович Трапезников и жена священника Введенской церкви села Лавочного Раиса Александровна Алексеева. Перемещён на псаломщическое место к Николаевской церкви села Накарякова по прошению 27 февраля 1914 г.

псаломщик Сергей Алексеевич Базилев (по метрикам с 26 августа 1907 – по метрикам по 10 июля 1918), супруга Мария Николаевна, 31 января 1909 г. родился сын Николай, крёстными стали священник села Рязановки Уфимского уезда Андрей Алексеевич Базилев и бирская дворянская жена Анна Алексеевна Шайдерова. 25 февраля 1913 г. в семье Базилевых родился ещё ребёнок, 8 октября 1914 г. – сын Александр (копию с метрики брали в 1925 г.). В восприемниках у последнего были бирский мещанин Феодор Николаевич Смирнов и бирская мещанская девица Татиана Николаевна Козлова. 10 ноября 1916 г. у четы Базилевых появилась дочь Мария, восприемником к малышке из села Тузгунова (?) Бирского уезда приехал псаломщик Александр Александрович Юновидов, бывший служитель храма в Берёзовке, дружеские контакты сохранялись. Девочка, правда, прожила недолго и скончалась 8 декабря 1916 г. К тому времени 10 ноября 1916 г. «от родов» умерла супруга псаломщика 29-летняя Мария Николаевна Базилева

псаломщик Иаков Бердов (по метрикам с 10 июня 1918 – ноябрь 1919)

псаломщик Мальгин (1920 г.)

При священнике Константине Огородникове после революционных потрясений наступила стабильность, с 1907 г. они втроём служили с псаломщиками Юновидовым и Базилевым до самой Мировой войны. Но тут указом Святейшего Синода от 23 июля 1914 г. при селе Березовке была «закрыта вторая псаломщическая вакансия», а освободившийся «оклад казённого жалованья, в размере тридцати шести рублей, обращён на увеличение содержания первого псаломщика при той же церкви»[1]. Встал вопрос – кого сократить, и к лету Березовку, где прожил почти десять лет, покидает Юновидов. Все последующие годы, вплоть до краха Империи, революции и Гражданской войны, в Березовке оставался единственный псаломщик Сергий Базилев.

Летом 1917 г. во время переписи карточку № 2 составили на псаломщика, русского 33-летнего Сергея Алексеевича Бази-

[1] Уфимские епархиальные ведомости. 1913. № 16. 15 августа. С. 17.

лева (семья: сыновья 10, 8, 2 лет, жена-учительница 41 год и дочь 6 лет). Псаломщик вторично женился и он был единственным из духовенства Березовки, кто имел своё хозяйство. В 1917 г. у С.А. Базилева были рабочая лошадь, корова, три свиньи с двумя поросятками[1]. Но хлеб не сеял.

Псаломщик покинул Березовку в июне 1918 г. Его место занял Иаков Бердов, видимо, тоже из беженцев-украинцев, который вместе со священником Феодором Зыковым окормлял паству всё лихолетье братоубийственной войны, иногда, судя по метрической книге, оставаясь один в храме. К декабрю 1919 г. псаломщик Бердов из Березовки исчезает (затем священник). Что-то нехорошее случилось с березовским духовенством в конце 1919 г. Но в 1920 г. в Березовке проживала украинка (малоросска) Елена Димитриевна Бердова, 51 года. С ней находилась сноха 53-х лет, держали крохотное хозяйство – 5 кур, корова, козлёнок[2]. А псаломщиком в 1920 г. в Христорождественской церкви служил 18-летний сын священника Ф.Л. Мальгина.

Приход[3]

В русской православной церкви все храмы с прихожанами были распределены по административно-территориальным приходам. Но верующие не обязаны были ходить именно в «свою» церковь, поэтому указанные выше в описаниях границы Березовского прихода весьма условны. Метрические книги уже в 1860-е гг. показывают, что Христорождественская церковь, помимо сельчан собственно Березовки (государственные крестьяне), обслуживала жителей деревень Алакаевой, Лекарской, Фомичёвой, Таптыковой, Осоргиной, Юматовой, Бажановой, Третьяковой, Искиной, Жуковой, Королёвой, Вавиловой, Ключей, Дебовки и список постоянно расширялся. В храм приезжали жители Нижегородки, Петряевой, Чесноковки, Балагушиной, Шемяка, бывших помещичьих усадеб, превратившихся в самостоятельные селения-общины.

Наконец, Христорождественскую церковь посещали жители других регионов, как в 1864 г. – городка Гороховца, Тетюшского уезда Казанской губернии, уроженцы Белебея, постоянно присутствовали уфимские мещане, выходцы из солдатских семей, окрестные дворяне. Но большинство прихожан составляли крестьяне, Христорождественская церковь – сельский храм.

---

[1] НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 5289. Файл 29.

[2] Там же. Д. 989. Карточка № 53.

[3] Приход – религиозная община христиан, состоящая из духовенства и мирян, объединённых при храме.

Приход Березовки отличался от большинства соседних, где типичным было наличие большого села с храмом и окружающих мелких селений. Центром березовского прихода было небольшое сельцо и он объединял множество мелких селений, разбросанных вокруг (крупнейшие Таптыково и Осоргино).

По данным И.Е. Златоверховникова на 1899 г. во 2-й благочиннический округ Уфимского уезда входили приходы селений: Андреевки (1438 душ обоего пола), Березовки (2717), Булгакова (1342), Авдона (2981), Вольно-Сухаревой (1974), Дурасово (1492), Енгалыша (2584), Ляховой (1036), Моисеева (1655), Романовки (2362), Языково (2688), Симбугиной (2016), Подлубовой (2636), Шемяка (2424), Сихонкина (2236), Чесноковки (2335 душ)[1]. Как видим, скромная Березовка занимала второе место (!), уступая лишь Авдону с похожим разбросанным составом населения. Даже в соседней большой Чесноковке численность всех прихожан была меньше. Отсюда существенные доходы березовских священнослужителей за требы.

Но и нагрузка причта была существенная. Например, в октябре 1866 г. в Христорождественской церкви священник Геннадий Преображенский с дьяконом и причетниками исполнял обязательные требы: первого октября – 6 крещений, второго – крещение, пятого – отпевание, шестого – два отпевания, девятого – два крещения, 12-го – отпевание, 13-го октября – крещение, 16-го – отпевание, трёх крестили детей, и было сыграно две свадьбы, 17-го числа – отпевание, 20-го тоже, 22-го два крещения, 23-го три бракосочетания и крещение, 24-го – два крещения, 26-го и 28-го отпевания, 30 октября священник окрестил шестерых младенцев и обвенчал одну пару. 16 из 30 дней октября в Христорождественской церкви проводились обязательные обряды, результаты коих заносились в метрическую книгу.

А помимо существовали седмичный или недельный циклы богослужений, череда церковных праздников, литургии, исповеди и пр., так называемый, годовой круг богослужения. Духовенство приглашали на дом читать молитвы, готовить к уходу в иной мир, освящать новые здания, и березовскому священнику приходилось непрерывно ездить, пешком лишь в ближнюю Алакаевку дойдёшь.

Священник был в эпицентре всей сельской жизни, когда Березовку сотрясали эпидемии оспы и холеры, как в 1872 г., дверь в храме не закрывалась, приходилось ездить на все кладбища округи. А 4 мая 1865 г. скончалась крестьянская вдова

---

[1] *Златоверховников Иван.* Указ. соч. С. 415–420.

Анна Дементиева в возрасте 105 лет[1]. Уходили первые поселенцы Березовки, помнившие пугачёвские «неистовства» и лично видевшие строителя храма Ф.И. Третьякова.

В Российской империи священники и муллы исполняли функции современных ЗАГСов, вели демографическую статистику, которую затем передавали властям, в конце каждой метрической книги требовалось составлять итоговую ведомость. Например, в 1865 г. в березовском приходе родилось 138 чел. (74 мальчиков и 64 девочек, одна незаконнорождённая), было совершено 14 браков, скончалось 122 чел. (65 мужчин и 57 женщин)[2]. Статистика духовенства открывает одну из мрачных сторон жизни – массовую смертность детей в возрасте до пяти лет включительно. В том же 1865 г. из 122 умерших на младенцев и малышей пришлось 71, или 58%, в 1866 г. из 130 скончавшихся детей до пяти лет было 82, или 63%[3]. Сельские кладбища «прирастали» в основном маленькими могилками. Причём этот показатель не менялся десятилетиями, в 1910 г. 67% умерших в березовском приходе составляли дети до пяти лет. Отсутствие профессиональной медицины, которая возникает лишь к концу века, низкая санитарно-гигиеническая культура населения, тяжёлые условия женщин-рожениц приводили к массовой детской смертности. Работал своеобразный механизм естественного отбора, все слабые дети умирали, выживали крепкие, и в дальнейшем смертность резко сокращалась.

Разобьём все изученные годы на условные десятилетия, по ряду лет нет данных или листы оборваны, сведения по военным годам подсчитаны по месяцам. Итог в таблице, данные по всему приходу Христорождественского храма Березовки:

Десятилетия, годы	В среднем ежегодно		
	родилось (чел.)	заключено браков	умерло (чел.)
1865–1877	155	29	103
1878–1887	147	21	113
1888–1901	143	25	113
1902–1912	186	28	119
1913	179	46	160
1914	195	29	113
1915	155	17	140
1916	125	20	89
1917	81 (без ноября)	25	91
1918	184 (без января)	91 (без декабря)	101
1919	189 (декабрь част.)	44	184

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 33. Файл 00000101.
[2] Там же. Файл 00000117.
[3] Там же; Д. 43. Файл 00000123.

Из таблицы видно, что вторая половина XIX столетия оставалась эпохой стабильности, лишь к началу XX в., скорее всего, из-за роста населения растёт рождаемость (со смертностью), больше венчаются в Христорождественском храме. Максимум рождений в приходе пришёлся на 1906 (208) и 1911 (210) гг., максимум браков был в 1900 г. (40), 1908 г. (45) и 1913 г. Общие процессы подтверждают данные за 1913 и 1914 гг. Предвоенное десятилетие стало периодом максимального расцвета этих краёв, Уфа выходит за пределы полуострова и начинает осваивать южное Предуфимье, строятся дачи, развивается экономика.

Первая мировая война, мобилизация около 40% взрослого мужского населения, упадок хозяйственной жизни привёл к падению всех показателей в 1915–1917 гг., меньше рождалось и, соответственно, умирало, реже играли свадьбы. К 1918 г. из развалившейся армии хлынула волна мобилизованных. Изголодавшиеся солдаты в первую очередь стремились пожениться, в январе 1918 г. в храме Березовки венчались 17 пар, в феврале – 35, в мае – 14, в январе 1919 г. – 21, в феврале 1919 г. сыграли 12 свадеб. Потом венчания стали редкостью, шли боевые действия под Уфой. Естественно, в 1918 и 1919 гг. резко поднялась рождаемость, потянувшая за собой смертность, которая в «боевом» 1919-м году стояла высокой.

От помещиков к дачникам. Редкие гости

Изначально Христорождественский храм являлся семейной церковью дворян Третьяковых, после отмены крепостного права обедневшие помещики распродали свои именьица[1]. Среди прихожан в Березовке всё реже и реже попадались Третьяковы. Не уехавшие в Уфу экс-помещики вели полудеревенский образ жизни, священники фиксировали тихое угасание некогда знаменитой фамилии.

В один день 30 ноября 1868 г. скончались в деревне Третьяковке, а 3 декабря их отпевали в Христорождественской церкви: отставной канцелярист Андрей Афанасьевич Третьяков (60 лет, чахотка) и 89-летняя вдовая дворянка Хиония Прокофьевна (Третьякова)[2], родившаяся в разгар строительства храма.

Обедневшие дворяне женились на крестьянках, солдатках,

---

[1] Также о дворянах Третьяковых см.: *Роднов М.И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья (вторая половина XIX в.). «ЛитРес: Самиздат», 2018. С. 14–16 (доступна на сайте «Роднов и его друзья»).

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 63. Файл 0109.

мещанках, мезальянс разъедал благородное сословие. Так, 2 февраля 1869 г. в Березовке венчались 19-летний крестьянин деревни Таптыковой Фёдор Титов и 19-летняя дворянская дочь из Таптыковой Анна Ефимовна (Третьякова). Дворянка пошла за мужика. А 21 февраля 1869 г. 21-летний дворянин Сергей Ефимович (Третьяков, видимо брат) повёл под венец 20-летнюю крестьянскую девицу из Чесноковки Екатерину Васильевну. Поручителями (свидетелями) на свадьбе были дворянин, мещанин и двое крестьян[1].

Дворянское звание пытался сохранять один из старожилов, вероятный потомок основателя храма, проживавший в соседней Третьяковке неслужащий дворянин Палладий Наумович Третьяков (около 1824–1902). На 1874 г. ему принадлежало 5 дес. 1800 кв. саж., в 1895 г. – 4,5 дес. С этого клочка земли он и пропитывался со своим семейством, супруга Гликерия Гаврииловна (около 1830–1902), дети: Анна (около 1854 г. р.), Александр (около 1858 – 16 января 1874), Екатерина (около 1863 – 23 марта 1865, прожила полтора года), Татиана (29 декабря 1865 – 24 сентября 1884), «Праскева» (род. 10 октября 1868 г.), Николай (6 мая – 4 июля 1873), второй Александр (род. 3 марта 1875 г.). Как видим, у мелкопоместных дворян была такая же высокая детская смертность, уровень жизни не сильно отличался от мужицкого.

Известна судьба двух детей. Старшая дочь Анна Палладиевна Третьякова в возрасте 21 года 20 января 1875 г. в Березовке обвенчалась с 30-летним заштатным дьячком Михаилом Стефановичем Налимским. Ставшая дьяческой женой дворянка Анна некоторое время жила, видимо, у родителей, пока супруг не нашёл место псаломщика при церкви села Чегодаева Белебеевского уезда, где и скончался примерно в 1879 г. Оставшаяся после мужа своего беременной Анна Палладиевна Налимская вернулась в Третьяковку под отчий кров, там родила 14 ноября 1880 г. дочь Екатерину (на 1901 г. она проживала здесь).

Единственный выживший сын Александр Палладиевич Третьяков (1875 г. р.) неизвестно где обучался, скорее всего, покинул малую родину и трудился под Уфой. Разыскал суженую, огорчив стариков-родителей, венчался в Березовке 21 апреля 1896 г. Женой А.П. Третьякова стала 19-летняя Мария, дочь крестьянина Благовещенского завода Якова Григорьевича Белкина. 13 июля 1897 г. у них появилась на свет своя дочь Мария, крёстными были одни Белкины.

Старики Третьяковы скончались в один год. 19 марта 1902 г. ушла 72-летняя Гликерия Гавриловна (страдала от болезни

[1] Там же. Д. 74. Файлы 0095, 0098.

дыхательных путей), через три месяца, 27 июня 1902 г. от рака желудка умер 78-летний Палладий Наумович Третьяков[1]. С тех пор в метриках Христорождественской церкви эта фамилия не встречалась.

Местный уроженец Александр Палладиевич Третьяков сумел сделать карьеру, на 1899 г. служил конторщиком в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка[2], крупнейшего частного банка губернии, куда попасть было непросто, значит уровень квалификации соответствовал.

Вообще в приходе Христорождественской церкви в середине XIX в. находилось немало больших дворянских усадеб, особенно в районе Осоргина: Ильиных, Горельских, Дебу, Филиповичей, представителей знатных фамилий, родственников Аксаковым. Но они манкировали скромной сельской церквушкой, сюда почти не ходили. В березовском храме прихожанами состояли дворяне-помещики Стобеусы и Баженовы (Бажановы), которые к началу XX в. прошли путём Третьяковых – обеднели и омужичились.

Метрики пригородной церкви приоткрывают немало секретов. Например, сюда приезжали крестить незаконнорождённых детей, здесь венчались, когда брак было нежелательно совершать слишком публично. Почему-то в Березовке 29 июня 1866 г. крестили девочку Софию, родилась 26-го. Родителями являлись поручик Владимир Вильямов(-ич) Де-Бомон и Екатерина Феодоровна, а крёстными выступили соседний помещик генерал Пётр Иванович Булгаков и графиня София Ивановна Де-Бомон[3]. В селе Булгаково имелась своя Воскресенская церковь, именно там 7 марта 1864 г. крестили сына этих же родителей Вениамина (появился на свет 1 марта 1864 г.)[4].

Из древнейшего англо-французского дворянского рода нормандского происхождения вышло несколько загадочных исторических личностей, французский агент, генерал, пр. Ещё в

---

[1] Там же. Оп. 3. Д. 33. Файл 00000098; Д. 43. Файл 00000051; Д. 63. Файл 0078; Д. 117. Файлы 0072, 0097; Д. 126. Файл 0083; Д. 136. Файлы 0065, 0086; Д. 190. Файл 00000156; Д. 250. Файл 00000289; Д. 462. Файл 00355; Д. 488. Файл 00341; Оп. 7. Д. 41. Файлы 00041, 00133, 00137. У Палладия Наумовича был брат – неслужащий дворянин из деревни Третьяковки Ефим Наумович Третьяков (супруга Александра Васильевна, 19 февраля 1864 г. родилась дочь Евдокия) (Там же. Оп. 3. Д. 22. Файл 0064).

[2] Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1899. С. 122. В 1900-е гг. жили в Уфе в приходе Успенской церкви, в младенчестве у них умерли двое сыновей (*Роднов М.И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья. С. 16).

[3] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 43. Файл 00000064.

[4] Там же. Д. 22. Л. 9 об.

1820-е гг. французский граф Вильям Осипович де Бомон был сослан в наш край под надзор полиции «за дерзкое письмо» министру финансов. Проживал в Уфе, женился на Софье Ивановне Булгаковой, известны четверо сыновей[1]. Но сын Владимир в литературе не упоминается.

А 21 марта 1894 г. в церковной ограде Христорождественского храма Березовки с разрешения епископа Дионисия был погребён действительный статский советник Пётр Васильевич Полежаев (1827–1894). Он внезапно скончался 19 марта «в 4 часа после обедни от болезни крупозного воспаления левого лёгкого». Сын, штабс-капитан 26-й артиллерийской бригады Василий Петрович Полежаев вызвал из Уфы вольно-практикующего врача В. Мошкова, который констатировал смерть[2]. Юрист, известный общественный деятель, долго проживший в Уфе, знаменитый литератор, исторический романист Пётр Васильевич Полежаев приобрёл возле Березовки небольшое имение[3]. По сюжету одной из его повестей современная писательница Нина Матвеевна Соротокина (1935–2019) выпустила роман «Трое в навигацкой лодке», а потом сценарий и в 1987 г. на экраны СССР вышел знаменитый фильм «Гардемарины вперёд!» Автор сюжета нашёл своё вечное пристанище в земле Березовки. Отпевал писателя местный священник Николай Куклин.

Земля, где так много разлук,
Сама повенчает нас вдруг.
За то ль, что верны
Мы птицам весны,
Они и зимой
Нам слышны, любимая / любимый мой.
(«Песня о любви», стихи Юрия Ряшенцева)

П.В. Полежаев регулярно приезжал из Петербурга в своё поместье возле Березовки, жил здесь даже в зимние месяцы. Например, в декабре 1888 г. вышло объявление о продаже земли у деревни Алакаевки. «Видеть план и узнать цену можно у П.В.

---

[1] *Гудков Г.Ф., Гудкова* З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. С. 183–184; *Садовников С.Д.* Эпизоды из жизни предков. Уфа, 2022. Эпизод 10. Коллежский секретарь Пётр де Бомон с 1853 г. служил челябинским городничим (ОГАОО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3241).
[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 411. Файл 00412.
[3] См.: *Роднов М.И.* Пётр Васильевич Полежаев: юрист, благотворитель, литератор // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки (Пенза). 2022. № 4.

Полежаева, в сельце Березовке, за Зубовкой»[1]. Можно предположить, что исторические повести Пётр Васильевич сочинял в своём поместье недалеко от Березовки.

В родовом поместье впоследствии долгое время проживал сын писателя Василий Петрович Полежаев (1862–1913), который служил здесь земским начальником 8-го участка Уфимского уезда. Его супруга Мария Васильевна выступала крёстной, а 29 апреля 1896 г. здесь родилась (крещена 5 мая) дочь В.П. и М.В. Полежаевых Наталия. Восприемником был сосед-помещик и тоже земский начальник К.В. Стобеус, а также дочь генерал-лейтенанта, военного инженера София Васильевна Фон-Цур-Милен[2] (сестра Марии Васильевны Полежаевой).

Уже с 1860-х гг. в окрестностях Березовки стал складываться дачный район. Разбогатевшие купцы, горожане, чиновники скупают землю. Первыми в Ключах обосновались известные уфимские купцы Кузнецовы, старообрядцы, между прочим. Кроме них поблизости снимали дачи купцы Газенбуши, осенью 1882 г. крёстным у уфимского мещанина в Христорождественской церкви стоял кандидат прав Григорий Владимирович Гутоп вместе с вдовой полковницей Варварой Гавриловной Падейской[3]. Наверняка, успешный уфимский адвокат, депутат (гласный) местного земства и Уфимской городской думы, общественный деятель Г.В. Гутоп на лето снимал поблизости дачу (он упоминается в 1887 г.). Места ему так понравились, что в 1898 г. он купит с аукциона поместье А.В. Стобеуса при Таптыково, имел отдельный хутор[4]. В стенах березовского храма неоднократно бывал депутат Государственной Думы Российской империи, в 1917 г. именно Гутоп вывез из революционного Петрограда в Крым бывшего верховного главнокомандующего российской армией великого князя Николая Николаевича, чем спас его от расстрела большевиками.

По всей видимости, в деревнях вокруг Березовки летом снимали комнаты, флигеля, квартиры представители «среднего класса», учителя, военные, чиновники, студенты. Дачная жизнь это – молодость, гулянья, романсы под гитару и романы. В Христорождественском храме 28 июля 1903 г. обвенчались поручик Александр Капитонович Слотов (27 лет и 8 месяцев) и юная

---

[1] Уфимский листок объявлений и извещений. 1888. 29 декабря.

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 437. Файл 00322; Д. 462. Файл 00332; Оп. 7. Д. 41. Файл 00087.

[3] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 214. Файл 00000230.

[4] *Роднов М.И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья. С. 19. О Гутопе и Падейской (они родственники) см. также: *Роднов М.И.* Михайловка: дорогами прошлого. Уфа, 2018.

уфимская девица, дочь недавно умершего купца-миллионщика Мария Феодоровна Чижёва (18 лет 8 мес.). Обращают внимание поручители (свидетели) при бракосочетании: двое мещан, мелкий чиновник и пришлый дворянин.

Молодая и чрезвычайно богатая девица закрутила роман без согласия своей властной матери Ираиды Алексеевны Чижёвой. Создать прочную семью рядовому офицеру и состоятельной купеческой дочери не получилось, решением Епархиального начальства от 3 октября 1908 г., утверждённого Синодом 21 февраля 1909 г., брак был расторгнут «по прелюбодеянию жены». Штабс-капитан 243 Златоустовского резервного батальона А.К. Слотов, инициатор развода, получил разрешение вступить в новый брак когда пожелает, а на Марию Слотову наложили семилетнюю епитимию[1]. А.К. Слотову, их дом сохранился в Уфе на улице Новомостовой, 20, повезёт во втором браке[2].

Такие «необычные» венчания регулярно случались в церкви Березовки. Например, 9 октября 1905 г. здесь поженились 24-летний студент Томского технологического института Георгий Феодорович Томан и 22-летняя уфимская купеческая дочь София Аркадиевна Серебренникова. На этот раз молодых поздравляли именитые купцы В.П. Шварев и А.К. Смирнов, учитель и коллежский ассесор[3]. Г.Ф. Томан стал педагогом, на 1913 г. учительствовал в Епархиальном женском училище и Втором городском четырёхклассном училище[4].

Супруги рука об руку пройдут сквозь все лихолетья, после Гражданской войны Георгий Фёдорович и София Аркадьевна окажутся в Маньчжурии. Их сын, Юрий Георгиевич Томан станет журналистом, печатался в газетах Харбина «Заря», «Русское слово», «Копейка», «Восток», «Рупор» в 1920–1930-е гг.

Где-то в романтических окрестностях Березовки встретились молодые офицер и учительница. 1 сентября 1913 г. пред алтарём Христорождественской церкви стояли 23-летний подпоручик 196-го пехотного Инсарского полка Владимир Алексеевич Курчатов и 23-летняя учительница XII-го городского Уфим-

---

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 41. Файл 00197. Епитимия – духовное наказание в виде особого послушания (молитвы, милостыни, усиленный пост).

[2] См.: *Тарасова Т.В.* Генерал Слотов. Дом и семья // Исторические портреты. В 5 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019.

[3] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 42. Файл 00128. Г.Ф. Томан – родился в Уфе 28 марта 1881 г., сын чиновника, учился также в Санкт-Петербургском и Казанском (на историко-филологическом факультет) университетах (*Роднов М.И.* Уфимские студенты в Казанском университете // Исторические портреты. Т. 4: Материалы конференции «Символика родного края» и документальные приложения / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019. С. 102).

[4] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Уфа, 1913. С. 59, 61.

ского училища Дида Васильевна Михайлова. Священник Константин Огородников обвенчал молодого офицера[1], чей племянник Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960) станет великим советским физиком-ядерщиком.

Последняя свадьба случилась 15 июня 1918 г. В Уфе красные с ужасом ждали поднявших мятеж чехов, те возьмут город 5 июля, а в пригородную Березовку прибыл кортеж экипажей. Псаломщик Сергей Базилев записывал в метрическую книгу венчавшихся: «гражданин города Уфы Константин Васильев Шварев», 23 года, и «гражданка города Уфы» Екатерина Иоанновна Лузина, 21 год. Это были молодые люди из известных уфимских купеческих семей. Видимо, в охваченном репрессиями городе было сложно сыграть свадьбу, а в тихой Березовке как будто никаких революций не слышно.

Свидетелями последний раз отпраздновать пышную купеческую свадьбу приехали из Уфы такие же «граждане», а на самом деле горный инженер Генрих Георгиевич Диц, бывший городской голова Уфы в 1909 г., чей кирпичный особняк стоит на улице Цюрупе, а также уфимские экс-купцы Павел Васильевич Шварев, Николай Аркадьевич Серебренников (его сестра здесь тоже венчалась, см. выше) и Александр Александрович Скрипов[2]. Хочется верить, что на зелёной лужайке возле храма, на берегу тихой речушки Берсианки они славно отпраздновали свадьбу, не в Уфу же к комиссарам ехать. Это была последняя купеческая свадьба в Христорождественском храме, которому ещё только предстояло перенести все надругательства.

Таков явился крестный путь духовенства Христорождественской церкви сельца Березовки под Уфой. Это был центр всей округи в конце XVIII – середине XIX вв., потом скромный сельский храм. Причт окормлял паству, состоявшую из крестьян, захаживали окрестные помещики, затем отдыхавшие дачники. Несколько раз Березовку посещали владыки уфимские и в основном оставались довольны. Тратили чернила диакон Колокольцев и многие псаломщики, не думая, что оставляют потомкам бесценные свидетельства о той жизни. В горе и радости, в счастье и печали березовское духовенство оставалось со своим народом. Помянем их добрым словом!

---

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 44. Файл 00248. См. также: *Антипин Н.А., Семёнов В.Г.* Род Курчатовых // Генеалогия и архивы: материалы регион. науч.-практ. конф. / сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 48.
[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 7. Д. 46. Файл 0110.

Березóвские рассказы

1) Бирюкова Елизавета Александровна (1914 г. р.):

«Говорили, что церкви этой уже 300 лет, построена она на яйцах, пол был плитовый. Коло церквы в ограде схоронеты батюшки. Под церковью есть подвал. Рядом с церквой была церковно-приходская школа, в ней до советской власти ещё работали четыре сестры-учительницы Сперанские: Вера Александровна, Ольга Александровна, Анна Александровна и Елизавета Александровна; все оне оставались незамужними, были оне не березовские, приезжие. В школе этой преподавали оне Закон Божий, грамоте учили. Их отец Сперанский где-то рядом с церковью был схоронен. После революции из школы их выгнали, из дому тоже, но из Березовки они не уехали, жили по квартирам, кто уехал, кто помер…

А в школе до войны стала жить с матерью-старушкой учительница Шулакова, она мать обижала, прижимала. После Шулаковой учителем был Николай Прокопьевич Култышев; учителей было много, всех не упомнить.

В церкви устроили кино, танцы-мотанцы, клуб. Могилы схоронетых священников у церкви, вроде, не тронули? Яму както копали рядом с церковью, наткнули гроб, закопали обратно.

В Березовке были улицы, как отдельные части села: Черепановка, Вавиловка, Песчаная. [П.Е.: "Как точно называется ваша речка?" Отвечает с твёрдостью в голосе:] Речку нашу всегда называли и называют только Берсиянка [а не "Берсувань"].

Нет, о других церквах не знаю. В нашу церковь приходили из деревень Осоргиной, Таптыковой, Зубовой. Осоргинские ходили и в Березовку, и в Енгалыш в церковь тоже. В [селе] Нижегородке у сталоверов была какая-то часовня, как молельня» (записал летом 2000 г. Егоров П.В.)

2) Богданова Дарья Яковлевна (1918 г. р.):

«Церковь у нас была хорошая. В неё ходили и деревни: Осóргина, Таптыкова, Искина (там была часовенка) и в Булгаково, и сюда ходила, Нижегородка, Песчаная (1-е отделение). В Березовке улицы были: Вавиловка, Черепановка, Мещановка, Хохлы, Черенёвка [это не совсем улицы, вернее – околотки]. Говорили, что у церкви кто-то похоронены были из церкви, кто работали.

До 1941 года всё хорошо было, иконы были, батюшка служил [насчёт батюшки, едва ли]. В войну стало общежитие лётчиков. Они там всё ломали и жгли – котлы у них стояли, варили еду. Мы туда не ходили, некогда было, с тёмну до тёмну работали на полях.

Иконы из церкви выкидывали, [не пошедшие на топку]; одну икону [лик Христа в терновом венце, нетипичная, вырезанная икона] выкинули на дорогу, одна женщина подобрала, принесла домой, поставила. А ребятишки её стали бояться. Тогда она убрала её в подпол и забыла. Мы купили у них дом примерно в 1946-м году, достали из подпола икону, вымыли, поставили на божницу. У меня дети не боялись иконы, я их оставляла одних и говорила: "Вот, я ухожу на работу, а с вами будет этот дедушка". [Икона сфотографирована редактором газеты "Уфимские Епархиальные ведомости" В.А. Князевым и помещена иллюстрацией к статье "Невесёлым будет Рождество в Березовке" N 10–11 за 1998 год.] Потом икону забрали в город.

После войны лётчики уехали, в церкви зерносклад сделали, окошки забили: хлеба было много, складов мало.

Как пошли дети в школу – крестики снимали, галстуки пионерские повесили…» (записал летом 2000 г. Егоров П.В.)

3) Авдонина Елена Ефимовна (1922 г. р.):

«В нашу церковь приходили верующие из деревень: Таптыковой, Осоргиной, из Чесноковки тоже ходили сюда, когда у них церковь сгорела. А старики рассказывали, что за окраиной села в овраге хоронили отступников от веры – пугачёвцев, которые погибли в бою.

Священник, кажется, Сперанский был, его дочери Ольга, Вера и Елизавета жили у меня в доме, потом где-то ещё они жили, дом их стоял на окраине села. Однажды к Сперанским грабители залезли, четыре брата, из местных, хотели их ограбить, а сёстры Сперанские начали кричать, бренчать, греметь вёдрами, вообще чем-то железным. А народ с собрания как раз шёл и услышали шум, и их спасли. Мужики наши бандитов поймали, связали; я сама маленькая бегала смотреть, как они связанные на полу сидят, потом их забрали, увезли. Сёстры эти Сперанские давно умерли, последней умерла Ольга. Сперва-то [до революции, когда работали учительницами] они хорошо жили, а потом палочки по деревне собирали, дров-то не было. Ведь как колхозы открыли, так у всех риги поломали, амбары на колхоз – склады строили. У нас тоже тарантас забрали, комсомольцы самовольно залезли в сарай и отняли…

В доме, где эта школа [западнее церкви], раньше была церковно-приходская школа, так говорили. Из священников [служивших в Березовке] помню Покровского. У него было четверо детей: Леонид, Юрий, Елена, Вера. Когда дом отняли, они жили в сторожке при церкви, тесно было им, потом перешли и жили на квартире у нас в соседях. Матушка цветы делала из стружки. Через много лет говорили, видели Покровского в Кресто-

Воздвиженской церкви на "Правой Белой" в Уфе, уже пожилой был. Ещё приезжал сюда какой-то батюшка низенький, старенький…

Церковь стояла закрытой, а когда война началась, всё распахнули, открыли и сделали в ней столовую для военной части. Лётная школа тут была, рядом с селом военный аэродром был [предшественник аэропорта нынешнего]. В город ходили пешком через деревню Зубовку» (записал летом 2000 г. Егоров П.В.)

4) Бирюкова Анна Яковлевна (по мужу Васильева) (1922 г. р.) живёт в Березовке:

«Берёзовская [произносит через ё] церковь до войны работала. В 1935-ом году у меня брата в ней венчали, нет, кто венчал, не помню. Потом она ещё 3 или 2 года работала. Да, до войны её прикрыли. [П.В.: "Лётчики приехали до войны или как война началась?"] Как война началась, они там [в алтаре сделали] кухню. [П.В.: "Эти несколько лет до войны, три года, церковь стояла нормальная, без разрушений?"] Нормальна была. А после войны её стали раскидывать, всё выломали. [П.В.: "А как себя вели лётчики?"] Они и церковь разорили, чё возможно было и сожгли, всё что можно было сломать, всё сожгли. Сами лётчики, курсанты они по деревне [в домах], а их командиры по квартирам жили.

[П.В.: "В довоенное время крестные ходы были разрешены по деревне?"] Ну они как ходили, они в каждый двор заходили… [П.В.: "Подарки что ли собирали? Телега сзади хода ехала, чтобы собирать подати, ругу?"] Кто что давал. Я помню вот, я ещё небольшая была, совсем маленька, в 30-х годах, меня на скамейку ставили [перед домом и двором] – стояла, крестилась. [П.В.: "Когда шествие достигало дома?"] Да… [П.В.: "Батюшки часто менялись?"] Да. Я имена не помню. Я в той стороне жила, от церкви далёко, кто там бегал, [не знаю]. А теперь уж в 60-м я сюда переехала, с краю на край.

[П.В.: "Каковы старинные названия улиц, концов села в Березовке?"] Черенёвка. Какой-то был этот, помещик, богач ли какой жил Черенёв фамилия. Там Берёзовка, какой-то Березо́вский, Вавилов был в Вавиловке. Каждый закуток по фамилии был. Черепановка, а тут Лазаревка, а тут Хохлы, они приезжие тута. [П.В.: "Вы их как, хохлы или малороссы называли?"] Хохлы, они и сейчас хохлы. Ни одного нету старого-то, всё равно [считаются] хохлы [те, кто там живёт]. [П.В.: "Из Черниговской губернии?"] Да, здесь черниговские, соседка приехала сюда баба Настя, она из Черниговской. [П.В.: "Они ещё достолыпинские переселенцы 1902 года. Ещё какие названия местности? Тот западный конец, там была Можаевка…"] Можаевка, она ближе,

где овраги, то есть к Осоргиной. [Женский голос помогает: "Вавиловка была, Черепановка, а это ещё за Черепановку там была..."] Там ещё какой-то этот, совхоз был. [П.В.: "За Черепановкой там какие-то мещане жили?"] Да, мещане, несколько дворов там было, [у них] такие большие дома. [П.В.: "Называлось Мещанский хутор или Мещановка, как правильно?"] Мещане... [П.В.: "Очевидно, по аналогии: Хохлы, Мещане – по переселенцам стали называться местности. А Можаевка почему? Из Можайского уезда Московской губернии?"] Откуда они приезжи, приехали сюда, не знаю. Блошкина гора, так и называли, ещё Арéстово болото. [П.В.: "Овраг на пересечении Черенёвки и Хохлов как называется?"] Это размыло водой, никакого названия. Весной вздует всё водой, унесёт в речку... [П.В.: "Аэропорт, он на месте какой-то деревни или хутора, или на поле? На месте аэропорта деревень не было?"] Нет. Там только Песчаный. [П.В.: "Но сейчас есть Песчаный посёлок, он за аэропортом, в сторону Булгакова"]. Да-да. [П.В.: "Тут ещё Лебяжий"]. Лебяжий – это за Зубовой. Рощи две было: одна Мещанская роща, одна Хохлацкая роща.

[П.В.: "Тут какой-то крест стоял среди улицы, говорят, установленный в память об окончании возведения церкви. Что-нибудь помните об этом?"] Тут овражек перед домом. Крест был большой, метра 2–3, стоял перед домом Насти. [П.В.: "Крест на подставочке?"] Подставочки я не помню, а крест деревянный был. Обычный крест, концы обычные, прямые. Цвет был как светло-коричневый [показывает рукой на мебельную стенку], как будто олифой [покрыли]. [Это был крест, но его] часовенка называли. [П.В.: "А оградочка была вокруг него?"] Нет, по-моему.

[П.В.: "Около церкви, говорят, были могилы священников, ничего об этом не слышали? "] Плита была... [П.В.: "Да, там была плита и не одна, но одну почему-то помнят, там был похоронен плотник, который разбился при строительстве"]. [Плиты с кладбища] стелили во дворах и под баню. [П.В.: "Но это же могильная плита!"] [сокрушённо:] А разве смотрели тогда? Все кладбища сожгли [кресты с могил]. Мы не ходили никак, а вот этот конец весь ходил. [Женский голос дополняет: "За дровами туда ходили, кресты ломали, увозили и топили печки"]. Бог его знает. Мы не ходили. [П.Е.: "До какого оскотинивания надо было довести народ, чтобы с кладбищ крестами топить..."]

[П.В.: "Вы застали последних сестёр Сперанских?"] Я можно сказать только одну последнюю Лизу. Они все учителя были. [П.В.: "Но уже не учили?"] Нет. Они уже престарелы были. [П.В.: "Как выглядела Елизавета Александровна?"] Она такая здоровая женщина была. [П.В.: "Ходила во всем чёрном, да?"] Да. Всё

длинно было у них как-то. Туфли высокие со шнурками, [от деревенских] отличались. Они не больше нашего богатые были, да, как-то культурнее. Да, за собой следили, а стары стали уже. [П.В.: "Дочери попа Сперанского; у них у всех фамилии были Сперанские?".] Да. [П.В.: "Когда умерла последняя Сперанская?"] Не знаю… после войны.

[П.В.: "Таких ярых защитников церкви не было?"] Нет. [Разрушители] что хотели, то и делали. Все боялись, молчали все. [П.В.: "Назовите случаи Божьего наказания тем разорителям кладбища, тем, кто плиты под бани толкал, тем, кто иконы жёг, утварь церковную?"] Это сожгли всё курсанты. [Женский голос: А с местными парнями у курсантов не было вражды? Как к ним относились? Девчонок не обижали?] Нет, никакого спору.

[С.Л.: "Когда в 1991-ом кресты убрали с церкви, вы как отнеслись, огорчились ли?"] Приехали, сняли… [С.Л.: "А когда народ мимо церкви шёл, крестились?"] Я не видела, но люди, конечно, очень огорчались, говорили, пусть бы они себе стояли, как раньше. Старые крестились, не боялись. [Кто не отвык,] хочет креститься. Праздники – Никола оба, зимний и вешний. [П.Е.: "Где вы молились, когда церкви не было?"] У Фроси собирались. … У нас три бригады было: первая, вторая и третья. Вавиловка Черепановка и Берёзовка – 3-я бригада. А тута, от Хваткова и сюда шла 2-я бригада – Берёзовка и Хохлы, Черенёвка и Лазаревка – 1-я бригада» (записал в феврале 2009 г. Егоров П.В., помогала С.Л. Некрасова)

5) Хватков Михаил Александрович (1923 г. р.): участник Великой Отечественной войны, живёт в Березовке:

«Я пришёл [с войны] в 1947 году, у нас тут было правление колхоза, вот через два дома. Тут был председателем Костя Гадалов, холостой парень, с 1925 года. И вот тут документы нашли, ей в то время было 170 с чем-то лет. В 1947–48-м примерно. Но она тогда уже была закрыта. Я вот считаю, ей сейчас где-то 240 лет. [П.Е.: "Вы знаете, немножко пораньше, наверное…"] Ну, это не точно… Документы были в правлении где-то, а потом куда они делись, я не знаю. [П.Е.: "А рассказывали старики, кто строил эту церковь?"] В общем, искинскый барин её строил, так было дело, я слыхал от стариков. Он, говорят, послал гонцов своих найти место, где нет росы. И вот оне кругом объехали, и вот нашли тут место, и вот здесь начали строить церкву. А искинскый барин-то он ведь вон где жил, а строил здесь церкву. Повидимому, так суждено было. Из деревни Искино барин, около Булгакова. Фамилии его не знаю, что не знаю, то не знаю. Старики рассказывали, а я слушал.

Тут когда вот её строили, один плотник разбился. По ту

сторону церкви [с севера] была [его] могила высокая, выложена кирпичом, и на ней плита, по-славянски написано, она стояла уже до лётчиков, до 1942 года, это могила была. Строил, в общем, церкву и упал, а с какого места упал, я не знаю. Мужики ведь как в деревне [говорят]: разбился, строил церкву, разбился, упал и всё. Это сейчас ведь за каждое слово цепляются. Раньше ведь в лаптях ходили, не было интереса. Да, могилку камнем выложили, и плита была, это я хорошо помню. По-славянски было написано. А вот с той стороны, к магазину угол, тут были кладбища поповски, детей хоронили оне тут. Я помню хорошо, были венки, а сейчас там ворота сделали. Начали строить, ворота сделали. [П.Е.: "Ну, это временно ведь, магазин ведь тоже на церковной земле стоит. С какого примерно времени магазин, с 1950-х, с 60-х годов?"] Да. После войны он тут построен, а в каком году, я не знаю. Он не на могилах. Магазин не на кладбище стоит, а чуть в стороне [ошибается, на могилках]. Кладбище как раз около угла, сюда поближе к церкви. Могил так 6 или 7 там было. Венки металлические были, это я хорошо помню. Кресты и венки, их красили. А потом растащили эти комсомольцы, знаешь.

Тут священник в сторожке прямо жил. У них два сына было. Оне жили здесь, служили всё. Один-то сын младший, во время войны забрали, он лётчиком был, а второй, постарше был, не знаю, где. Мой дядя крёстный, он в 90 лет помер, рассказывал. [Далее идёт рассказ дяди.] Был [у одного священника] сын Георгий. А мы жили-то напротив как раз. Я, говорит дядя, приду к им [к священнику и говорю ему]: "Вот, батюшка, Вы нам запрещаете мясо и яйца есть в пост, а Ваш Георгий скоромное всё ест!" [Священник отвечал]: "А ему надо питаться хорошо, он учится!" Это мне дядя рассказывал. [М.Х. беззлобно смеётся] "А вам-то в лаптях по полю ходить можно с капусты и с огурца, а ему надо питаться хорошо, потому что он учится!" А потом этот сын Георгий в Уфе работал врачом. [П.Е.: "А тот священник не Сперанский ли был?"] Огородников! У меня чё-то горло заболело, в 1950-м году, я приехал на квартиру к этому Георгию [лечиться], но его дома не было, его куда-то вызвали, уехал он далёко. По-видимому, был авторитетный врач. [П.Е.: "А Сперанский до Огородникова был?"] Да, до революции был, Сперанскый здесь жил. У них дом вон где был, на той стороне, на бугре, за Берсиянкой. Это я хорошо помню. Мать у меня всё ходила к ним корову доить. Карандаши такие, знаешь, [у них были], тетрадки, сейчас нету таких, лощёны…

Богданов Матвей взял за себя вятску бабу, её братья были грабителями. А жили они в Нижегородке, где сталоверы живут,

но они не сталоверы, а вятски. А вятски [так называют вятских переселенцев], Анна вятовска, у ней же было 6 братьёв... пришли их грабить, [сестёр] Сперанских. А у них окошки были заставлены и досками... У нас клуб тут стоял, там шло собрание общее колхозное. А дядя Саня, откуда-то он приехал, лошадь распрягал, там конюшни ведь были большие у нас, ну и булгу сделал. Мужики-то выскочили верхами, их и переловили. Некоторых у кузнецовских поймали. Потом я вышел на улицу на лыжах кататься, я небольшой был, по улице гляжу – кровь капат, так их [грабителей] избили. Куда их дели потом, не знаю.

Сперанский был раньше, служил до революции. По рассказам, их было 6 сестёр [дочерей Сперанского], и ни одна замуж не вышла. Осоргинские приехали сюда венчаться, что-то с попом поругались. (Это всё рассказывал мне дядя Ваня Иванов и хрёстный). И вот они (осоргинские) сказали попу: «Погоди, мы тебе устроим!» Ни одна замуж не вышла! Тута были и дьяконы, и пасаломщики были, а вот не сошлись. И так оне, значит, поодиночески все жили и по-одиночески все померли. Они все высокие были, рослые, красивые, я хорошо помню. Трёх [из них] я помню. Как их звали? [П.Е.: "Ольга Александровна, Анна Александровна, Елизавета Александровна, Вера Александровна?"] Так наверно... После войны последня жила, где Малышков дом был, но уже плохая была. Дома того уже нету. Она лежала вот так на кровати, так вот печка, а на печке баночка была. А в этой баночке было золото, 175 рублей. Она этой баушке говорит, хозяйке-то: "Дай-ка мне эту баночку!" Она [хозяйка] говорит: "А тут нету её уже!", она взяла её и спрятала. Вскоре [после этого] она померла. А после войны налог не плотишь (налоги же большие были) – опись идёт. И вот дядя Митя Макарушин и Ванюшка Сухарев, они в сельсовете работали, пришли к Витьке Софрону, описывать, значит, всё. Сундук когда открыли, баушка-то цоп эту баночку, но дядя Митя у ней отобрал. Принёс в правленье [колхоза], сдавать ведь их [деньги] надо, я сам лично видел. Ей Богу, видел! Наверно, году так в 1955-м, или как ли. [П.Е.: "То есть последняя дочка Сперанского дожила почти до 1955 года? А как её звали?"] Не до них было в то время. Младша, наверное, оставалась. Они жили там, где их ограбить хотели, я двух только помню последних, а потом оне переехали сюда в деревню, всё-таки за ними уход нужен был. Они уже сами не в состоянии были. Учителями были они.

[П.Е.: "По спискам 1917 года уже служит Огородников Константин Владимирович. Так это его сын Георгий стал врачом, который усиленно питался? А что стало с остальными членами семьи? Священника арестовали?"] По-моему, они уехали отсюда.

Не помню. Я детей даже не помню, когда хоронили. Младший сын вроде бы стал лётчиком, на фронте без вести пропал. Георгий принимал на квартире, мы на квартиру хотели к нему попасть, хозяйка сказала, что он уехал. Это тут где-то, после войны было. [П.Е.: "Последним священником этой церкви был Андрей Покровский?"] Куклин последний тут служил. Один он тут был, без семьи, и недолго он был, можа год, можа два. Пил он или нет, я не знаю, я его нюхал, что ли? Седой он был, здоровый мужчина, курил. А кто не выпивает? Как его звали, я не помню, это же до войны было. Такая жизнь была, до попов что ли? Их комсомольцы гоняли. Куклин служил недолго, года 2–3. Его не арестовали, уехал он куда-то. Церковь при нём закрыли. На замок, всё. Вот хохлы полотенца туда на иконы разны несли. Но весь обряд был там нормальный. Но её приходили грабить, по подловке там по железу [лазали], но не попали в нутрю.

В 1941 году, как война началась, из Гомеля прилетела сюда воинска часть. У них была здесь вот взлётна полоса и здесь вот взлётна полоса, за кладбищами. А у нас было в доме "санитарка", ну как санитарный дом. А я им хлеб возил из Булгаковой сюда (меня колхоз закрепил). Приезжаю, хлеб привёз, а они все иконы собрали в кучу, и сожгли. А книги какие были! Библия такая… Самая богатая церковь была! И что я, дурак [не попросил иконы]. Курсанты, они, наверно, отдали бы! И сделали тут столову. На костре стояло человека четыре-пять, всё же вытаскивали. Всё в кучу наложили, иконы, книги, всю утварь, полотенца хорошие вышитые, рушники, которые хохлы приносили. Всё сожгли! Людей было мало, никого чё-то и не было. У меня мать взяла икону, большая была. Церковь открыли, племянник унес её, не этому попу, а который до этого был. Где церковный колодец был, по ту сторону церкви, на том месте за один день и сожгли всё. Опосля вот из городу [собиратели] ходили: нет ли каких книг или чё? Ну что, дурак, надо было набрать и утащить, ценность это большая! Не надо было в то время никому, против были все; а щас все уцепились, все президенты ходют со свечками. Сжигали где-то в августе, наверно. В июне война началась. Они прилетели сюда, землянки оне там выкопали и жили. А их кормить где-то надо, столовую устроить, вот они и придумали в церкви кормить их. Я внутрь не заходил. Столы там были и печки были, всё там было. Это было в конце 1941 года, война уже шла… Меня взяли в марте 1942-го [на фронт], а их в июне и в июле. Я под Ленинградом был, и их тоже туда угнали, "ястребки" были здесь. Был такой Черепанов, шофёр, он заправлял самолёты на бензовозе. Он после войны приехал сюда, рассказал, что их всех побило, никого не осталось. Всю воинскую часть, ко-

тора стояла у нас…

А могилы у церкви разрушены ещё раньше были, до войны. Церковь в 1939 году уже не работала, она уже закрыта года 3–4 была, если не больше. В году где-то 1937-м, наверное, закрыли. Колокола-то тут какие большие были, их комсомольцы там разбивали, два колокола. Они не могли в окошко столкнуть их, не умещались [в проёмы], а в колокольне брёвна положили и двухпудовой гирей били, и кусками оттуда кидали. Громадные куски, я хорошо помню, комсомольцы [разбивали]. До лётчиков это было всё. [Поначалу] она только закрыта была, вроде бы на сельсовете [его решением], никто туда не ходил, не касался, а лётчики приехали – им надо столову.

[П.Е.: "А кто такие Березовские были?" Не понимает вопроса]. Мне так рассказывал крёстный: мы сами из Орловской области. Вот черенёвские, хохлы, они приехали сюда в 1901–02 году, 30 дворов. Вот Палашкин дом и Петро Чащевой дом, это один барскый дом был, его [на две части] разделили и два дома построили, дядя Ваня Иванов рассказывал. А вот тот конец – Можаи, из Можайского уезда приехали. Здесь поляна была, вот такие ещё берёзовые корни, пеньки были. А мы с Орловской области, барин нас сюда, наверное, в карты проиграл какому-нидь башкирину [смеётся, все присутствующие тоже смеются]. Так, так, я правду говорю. Черенёвка, а туда вот ближе к Берёзовке – Лазаревка. А Вавиловка за оврагом, за Можаями. Можайский край там, а за ними – Вавиловка, а за Вавиловкой – Черепановка, а за Черепановкой там ещё Мещане были. Один у нас во время войны был в плену, немецким лошадям готовил корм, и он на Украине свою родню нашёл и у родне там жил. Это сам он мне лично рассказывал. Наши хохлы из Черниговской области.

[П.Е.: "О барине Третьякове Фёдоре никогда не слышали?"] Третьякова не слыхал, а вот Бажанов… Таптыковской барин Бажанов был, Бажановская мельница была за Черепановкой на Берсиянке, там деревушка есть – Бажанова. И сейчас место там заметно, и где [барский] дом стоял заметно.

Часовня была напротив дома Насти Долбиной, в стороне от дороги. До этого там дяди Вани Чебучи отец жил, дядя Миша ямщик, ямщину гонял… Мы, ребята, там в чухи играли, в муху, в клёк играли, там часовня недалёко была. Небольшая, высотой метра полтора. Нет, зайти нельзя туда было. Зелёной краской покрашена была, и сверху крестик стоял. Сейчас на этом месте ничего нет, пустое стоит, где баня стоит у Насти сейчас, туда немножко подальше. Площадка там небольшая была. [П.Е.: "В честь чего часовню поставили?"] В 1921 году была холера тута страшна. Вот у моей двоюродной сестры Дуни Вязьминой сна-

чала мать померла, через несколько время отец помер. Тут вот, где Волчиха жила, тут дядя Петя Арестов жил, моя тётка родная за нём замужем была. Вот Александр Арестов поехал в город, взял икону какую-то. Вот всю деревню обнесли, потом туда к Булгаковской дороге выходили, всё молились. Холера прекратилась. Правильно, в 1921-м году, Дуня трёх лет [сиротою] осталась, она с 1918 года.

Воду брали в колодце, в речке Берсиянке. Пролубь на Крещение всегда тут делали, около школы, тут же школа и церьква, купались тут и воду брали. Раньше же в школе поучат – а потом в церькву молиться. А в этой школе мой хрёстный учился, 4 класса, сельский институт. Сейчас институт кончат – меньше знают, чем тогда 4 класса! Это правда! Её перестроили после войны, Градобоев председателем колхоза был и перестроил. Всю школу полностью разбирали [неужто?], лес добавили, фундамент другой залили. Квартира учителей была – два окошка, за голубым вагончиком, третье окошко – там прихожа [показывает на ещё стоявшее при опросе здание школы]. Квартира священников в сторожке, как зайдёшь – направо.

У Ивановых рой отделился, привился на той ветле, тополе. Учительница Шулакова на дерево полезла доставать, сорвалась и упала – и убилась! Она не замужем была, в гитару ещё играла. Я её хорошо помню. Нет, Шулакова храм не разоряла, она позже приехала [тут уточняет З.А. Николаева, пересказывая опрос М.Т. Малышевой, см. ниже]. Тут до Шулаковой был таптыковскый учитель, жил с женой, он окошко откроет, где ветла стояла, и из ружья голубей бил он. Он пропал на фронте, рассказывала его жена.

Во время гражданской войны хоронили тута на старом кладбище и белых, и красных. А у хохлов у некоторых пулемёт даже был, отобрали. И рассказывали, если кавалериста хоронят – седло туда бросают и закапывают. Куда плиты с могил [прицерковного кладбища] делись, я не знаю. И ещё тут ключик камнём был выстилан, и Богданов строился, и весь выбрал его, все камни утащил…

[П.Е.: "Были ли в Березовке люди, которые защищали церковь?"] Тогда с властью бороться было тяжело. У нас всю деревню разогнали, раскулачили, с нашей родни [только] раскулачили три двора, а в Зубовой только один дом раскулачили. Потому что [зубовские] язык за зубами держали, сказал [о советской власти] плохо – завтра собирайся, подводу подогнали и поехали. Вот Ганин дом построил новый, чё-то сказал – утром подогнали лошадей, что было забрали, и до свиданья… Случаев Божьей кары разрушителям я тоже не знаю. Война списала всё: [никто не

вернулся].

После столовой в церкви хранили хлеб, ячмень. Когда в церкву зайдёшь, на левой руке там в виде было подвала, а что там хранилось, я не знаю. Пацаны там и костёр разводили, шумели, и нижегородские приезжали ребята на велисапедах, и наши там были. Это когда уже хлеб не стали сыпать. Вот когда начали церковь восстанавливать, в подвале нашли человеческие кости.

[П.Е.: "А где стояли помещичьи дома?"] Вот сейчас в Хохлах, как зайдёшь, Авдонина дом и Феди Кусанова дом – построены из кулацкого дома. Помещики, они поумней были, они газеты читали, [перед революцией] всю землю продали и уехали. Хохлы эту землю купили, тут земли-то у них мало было, клуни заделали, клуня – это по-хохлацки рыга. Мордовский овраг. Поляны были – Борисова поляна, за Дёмой это нижегородская земля, Поповска поляна была ещё, Стобельцева поляна там ещё называлась (фамилия Стобельцевы). А как, чья, Бог его знает. Мещанска роща была, там таки берёзы огромные были, туда наши березовские молодёжь всё ходили туда в Пасху яйца катать, там грачей очень много было. А потом мещан [жителей околотка] угнали в Прокопьевск, в Анжерку, лес весь попилили, и сейчас там поле. Ещё Арестово болото на задах называтся.

Берёзовка называется по местности, тут кругом берёзы были…» (записал в январе 2009 г. Егоров П.В.)

б) Малышева Мария Тимофеевна (1926 г. р.), добавляла сопровождающая Николаева Зинаида Александровна, 1932 г. р., почти единственная постоянная прихожанка реставрированной церкви, сопровождавшая по старожилам в январе-феврале 2009 г., её слова встречаются в записях иных старожилов; живут в Березовке:

«Меня крестили в этой церкви в Березовке в 1926 году. У нас первый батюшка был Андрей Покровский, он долго служил. У него дочь была Юля, и сын был, он погиб, кажется, в годы войны. Мы жили с ними дружно, они ходили сюда к отцу. Они уехали отсюда где-то в 1937 году, наверно.

Когда церковь в Березовке закрывали, мне было 14 лет. У нас мама в 1939 году померла, и её отпевали в церкви, 5 июня её отпели, другой батюшка отпевал. И в это лето или в 1940-м церькву закрыли. Батюшка последний был высокий, чёрный, пожилой был мужик, отец Павел вроде (не помню, какая фамилия), он мало совсем был. Они жили семьёй, но он приезжал сюда один из Уфы, а здесь не жил. Помню, учительница Клавдия Гавриловна выйдет на улицу и его ругает: "Вы священник, божественный человек. У меня дети здесь в школе, нельзя так хо-

дить на улицу – это нехорошо!" Она поругала его, потому что он выпивал и пьяный выходил. Она сказала: "Детей стесняйтесь немножко! Пить-то пейте, но ум не надо пропивать". И он больше не стал, и мы его ни разу таким не видели.

Где сейчас школа, это был поповский дом, там и жила Клавдия Гавриловна. [Раньше] поповские дочери там учили. Потом в этой же комнате жила Фёдорова Людмила Павловна [см. ниже], это была комната для учителей. До этого в этой комнате священник жил. Покровский Андрей здесь жил после Сперанских. Батюшку Сперанского звали Александр. Я помню только его дочерей, они были поповские дочери, старые девы: Ольга Александровна, Вера Александровна, Аннушка Александровна была, ещё Елизавета. Их 5 было дочерей, а пятую я не помню. Сперанские были не березовские, а приезжие. Они были раньше: у Сперанских ещё мой отец учился, он 1895 года рождения. Ольга Александровна у нас преподавала. Вера Александровна в Булгаковой была, там учила. Лизонька в Булгаково жила. Аннушка тоже где-то учила – они по деревням работали. В советское время они уже не преподавали. Ходить-то Ольга Александровна к нам ходила, я её хорошо знаю. Жили, знаешь где, где сейчас живёт Рафа (разбился-то), здесь стоял дом большой. В Вавиловке жили, потом их оттуда выгнали, они жили, где Куликовский дом был на конном дворе-то. Жила последняя Ольга Александровна, ограбили-то её. А потом у бабушки нашей жили, у отцова дяди жила она на квартире. Дом был двухзозный – в одной половине жили наши старики, а в другой Сперанская жила. Она померла где-то в 1944-ом году, её уже хоронили Филатовы… В нищете все они померли.

У нас загороженная была церковь, забор был деревянный. Ограда кругом церквы была покрашена зелёной краской, и ворота железные покрашены. Крыша церкви была тоже зелёная, купола зелёные, стены были белые. Большая территория была [церковная], и были деревянные поперечины [у ограды]. Когда приезжали в церькву, лошадей ставили, привязывали лошадей [к ограде].

Колокола когда снимали, я этот день хорошо помню, страшно было, плакали старухи. Лазили ребята на колокольню, хулиганили. Толька Шабарчин упал оттуда, ногу сломал, а живой остался, но всё равно повесился потом. Ещё тётя Дуня-покойница икону Панталиймона взяла домой, и она сказала: "Вот, Нюра, я умру, [но] если только церкву откроют, вот эту икону отдайте в церкву, я её из церкви взяла". Разобрали-то икон много, Настя Долгих тоже принесла из церкви икону.

Иконы жгли, там же деревянных сколько было икон, кни-

жек сколько было. Книжки какие были, сколько книг сожгли! И лётчики жгли и Шулакова [учительница], она приезжая была.

Про Клавдию Гаврильевну Шулакову так-то не скажу, что она больно-то оскверняла церкву. Её Бог наказал за то, что в школу носили ученики богослужебные книги (они по-славянски), и она [их] жгла. Голландки были у нас в школе для отопления. Книги же повыкидывали, а она заставляла таскать, и жгли. Мою маму же схоронили в 1939 году, и, наверное, в этим же 1940-м году зимой таптыковских поездом зарезало четырёх. Их привезли сюда и отпевали в церкви. И мы все классом – вчух! В перемену, посмотреть надо, как отпевают. Обратно пришли [смеётся], с нас Шулакова всех [пионерские] галстуки поснимала: "Придёте с родителями завтра в школу". Я домой пришла, отец приехал (в сельсовете работал), я думаю: ну как сказать, что в школу вызывают, галстук отобрали. Привезли – две дочери, отец и мать – четыре гроба привезли отпевать. Я потом не спала столько – на них нагляделась: синие все. Лицо-то, отпевают когда, открывают же. Мать поездом тащило. Я отцу говорю: так и так, а у нас галстуки отобрали. Он говорит: "Иди в школу и скажи: никто не докажет, что Бог есть, и никто не докажет, что Бога нету!" Отец был председатель сельсовета, но он не был партийным, он в партию не пошёл. Ну она отдала нам галстуки. В годы войны Клавдия Гавриловна с дерева свалилась. Прибился рой пчёл, и ей, хромой, сказали, что надо залезть на дерево. И сучок-то обломился, и она улетела вниз головой. И у неё заворот кишок, и её до больницы не довезли, она кончилась. Когда её повезли в больницу, [люди] все говорили: "Её Бог наказал!" Вот она мёду наелась! Она как над старою матерью своей тоже издевалась – наверное, мать против была, что та сжигала иконы. Мать голодной смертью умерла: дочь ей есть не давала. [П.Е.: "Коммунистка, наверно?"] Наверно. [З.А.: "Я коммунистов не люблю до сей поры. Как я пошла работать, как они издевались, не хочу говорить про них"]. А кто партийный? – Жулик, вор, обманщик! [З.А.: "Ну всё в ихих руках было"]. Заседание было, председатель мне говорит: вот ты пока тут сидишь, мы щас поедем, у тебя икону снимем с переднего угла, а Ленина портрет поставим. Я говорю: "Вы у меня её вешали эту икону? Это у меня мамино благословение. Попробуйте, троньте!"

Когда церковь в Березовке закрыли, в 1940-м году стали строить аэродром, присылали людей. Это был учебный аэропорт, на другом месте, чем аэропорт сейчас. Он был прямо на поле, вот тут за речкой. Даже были окопы, на той стороне столько было окопов, для аэродрома их делали. Жили военные в землянках. [З.А.: "Лётчики по дворам жили. В церкви были двери железные,

военные разгромили всё"]. И были ещё маленькие самолётики – ястребки. Тогда чистили и дорожки [устраивая взлётные полосы], раньше не было ведь асфальта. Лётчики появились в 1941-м году осенью. [З.А.: "У нас жили Анатолий и Шульга Михаил, и они нам есть приносили из церкви. Мы были небольшие, есть-то охота. Они покушают, и нам принесут, и мы наедимся дома"].

Когда лётчики делали столовую в церкви, тогда разрушили иконостас, иконы. В алтаре кухня была, в зале – столовая. Иконы рубили в печках, жгли, кушать готовили. У них свои повара были военные, местных не брали. Я говорю: "Вас ведь Бог накажет. Кушать готовите книгами, иконы жгёте". С Харькова лётчик был с 1924 года, он отвечал: "Бог накажет пускай начальство. Нас что заставляют, мы то делаем!" У нас лётчики жили, мачеха моя у них спрашивала: "Что вы там стучите, гремите, что вы там делаете?" – "Ой, бабушка! Мы столько всего натворили, столько там изрубили деревянных икон!" – "Сколько вас там есть, вас всех перебьют, на фронт пойдёте, никто домой не вернётся!" Там такой шум стоял, но в церковь нас [сельчан они] никого не пускали. Сколько там было деревянных икон! [З.А.: "Кино там показывали на стене, где сейчас двери есть, где мы заходим. Вот здесь была такая большая стена. Снаружи показывали, вешали полотно белое, и мы ходили глядеть кино. Киномеханику платили деньги: 30 копеек билет был"].

Лётчики улетели на фронт отсюда, в 1942-ом году их угнали на фронт. Ребята когда улетали (а мне тогда 16 лет было), говорили: "Девчонки, вот мы полетим мимо вас через луга, смотрите, мы вам ногами будем махать, прощаться!" [Смеётся]. И они три круга кругом дали и улетели. [П.Е.: "С 1942 года до 1961 года церковь стояла пустая?"] Да. После лётчиков там была сырость, ведь кухня была, отопрело там просто всё. Панели все обгадили, всё облезло. Всё [для приготовления еды] они забрали, увезли куда-то.

Я приняла склад в церкви, когда мне было 35 лет. Хлеб принимала, я никогда не заходила, так, сначала перекрещусь, потом захожу. И году, наверное, в 1967-м в церкви пол провалился. Там, где [сейчас] крестят, у нас там сторожка была. Со сторожки была крышка, туда была лестница. Я не знаю, почему пол провалился. Отопрело там что ли? Я принимала хлеб туда, только отгребла овёс, и вышла, села на ящик и – жух! Провалилось. Кто пробежал что ли? Батюшки, на полу внутри церкви – яма! Прямо, где дверь на речку и провалилось, да, это с северной стороны. Зерно там рядом не лежало, оно не упало. Ребята приехали, на бричках тогда возили, говорят: "Слазием туда!" Я говорю: "Не надо ребята, не лезьте, сейчас там воздуха нету, не

дай Бог чё – спуститесь и там останетесь!" Шурка говорит: "Ты как хочешь, а я всё равно спущусь". Он опустился туда, ширкнул спичку, горит спичка, вошёл. "О, – говорит, – тут 4 гроба стоит! Можно мы откроем, там, наверное, золото". Я говорю: "Нет, ничё вы не будете открывать, не трогайте ничего!" И лежали доски, как вот сейчас положены, представляешь! Куда они потом делись, я не знаю. Больше туда никто не лазил. Неделя прошла, потом всё закрыли, завалили дыру, засыпали, видимо, мусором, гравием. Гроба там остались. Я уж боялась там ходить. Пол в церкви был каменный, выложено было всё плитами, а плиты ведь растащили. У нас потом ещё в одном месте провалилось – где свечки продают сейчас. Там тоже было пустое пространство. [П.Е.: "И что эти провалы?"] Всё заровняли, когда восстанавливали, когда заливали полы бетоном в церкви.

Когда пол провалился, приехал председатель, и я ему рассказала, что видела во сне. Дождик идёт, такой дождик, ливень. И вроде я уже в церкви, посуду ставлю. Стала выходить, и на белой лошади сидит старик. И он вот так вот в двери на лошади стоит и меня не пускает. Мне надо выйти из церкви, а он мне не даёт. Не знаю, к чему, конечно. Я говорю: "Как же мне идти-то? Здесь же холодно, а у меня дома дети!" А он мне говорит: "Нет, вы здесь не замёрзните, в этом углу [где Никольский придел] у меня 11 ангелов, они будут вас кормить и согревать". Мне выйти надо всё равно, я думаю, я всё равно уйду. Я повернулась к алтарю, хотела выйти в эту северную дверь. Я подхожу, а он опять встал на лошади и стоит, говорит: "Нет, я вас никуда не пущу! Я здесь хозяин". Я говорю: "Да как же!" А уйти мне надо. А он повернулся к месту, где свечи-то продают, и мне говорит: "Вы никуда не уйдёте, и не спорьте, потому что я сам Иисус Христос, когда я вас отпущу, тогда и пойдёте". А я опять к двери подошла, где школа [к западной], идёт тётка Дуня-покойница Каткова, мимо церкви она идёт. А я ей кричу: "Тётка Дуня, тётка Дуня, иди-ка сюда!" Она подошла, а дверь-то закрытая, он не даёт открывать. Я говорю: "Скажите Мише, сыну-то, пусть они меня вытащат с церкви, меня не пускают!" Она говорит: "А кто тебя не пускает?" Я говорю: "Я не скажу, может вы откроете?" Она говорит, "Нет, я не открою, я сейчас Мишу пошлю". И он вроде пришёл, а с кем не помню. Дверь-то открыли. А пока "Иисус Христос" какие-то подсвечники выставлял, я – шмыг в эту дверь, и ушла. И убежала я в сад школьный, и под смородину спряталась, присела и сижу. А он вот так вот с лошади сошёл и через забор перевалился, и говорит: "Я видел, куда ты пошла, ты от меня никуда не уйдёшь!" Мне сказали, что это сон не хороший, и ты расстанешься со своими близкими.

Потом, батюшки, приехал председатель, тогда был Вязмин, и Сухарев дядя Ваня, я им стала говорить: "Я в церкви больше работать не буду! Грех ведь непростительный, ведь у нас на кумполе Михаил Архангел и 12 ангелов вокруг него". Тогда был такой рисунок, вот про этих ангелов, наверное, он сказал. "Я в церкви больше принимать хлеб не буду, лучше на поле сделайте что-нибудь, ведь мы столько пыли" [туда заносим]. Вязмин сказал: "Ладно, потолок там вымоют". Потолок там вымыли водой, всю пыль смыли. Так хорошо было, чисто было. Раньше такие [тяжи] там были, раньше люстра там висела, а вот куда она делася – не знаю. Иконостас уже снятый был.

И потом, как идти от школы, в эту дверь [в главный вход], тут в церкви потолок тоже упал, матка сгнила, и всю землю [сверху вниз высыпало]. В церкви не лазили, влазили, где была колокольня. Окошки перебили, и если бы не решётки…

В церкви ничего кроме хлеба не было. Я 16 лет проработала на складе в церкви, до 1977-го года, в 1978-м году ещё там ячмень, горох был. Потом церковь была закрытая. В 1981 году я ушла на пенсию. Перед пенсией моей в конце 1970-х туда ничего не сыпали [зерно], потому что там был пол проваленный в одном месте, в другом месте. Потолок открытый весь, стали дожди туда лить, поэтому принимать туда хлеб не стали.

Церьква же старая, ей же было больше 300 лет. Кладбище было за церквой и за речкой. А вот тут вот с этой стороны тоже кладбище было [указует у алтаря], там церковных людей хоронили, сейчас там магазин. Где стоит магазин, там была церковная земля. [З.А.: "Примерно, где магазин, что за дом стоял?"] [о Игорь: "Там, говорят, сначала священник жил? А где магазин, могилы были"]. Большая территория у церкви была, и к деревянным лагам [пряслам ограды], когда приезжали в церкву [в праздники], лошадей ставили, привязывали. [П.Е.: "За алтарём насколько далеко распространялась церковная территория?"] Магазин был бы закрыт этим забором [то есть оказался бы внутри церковной ограды]. Его попозже поставили, откуда-то привезли старый дом… [П.Е.: "Нужно узаконить церковную землю"].

При мне у [северных] дверей церкви, на речку могила только одна была, у нас схороненный, по-моему, священник был. Там вот кирпичом выложено, и сверху плита чугунная, там и надпись была. Но не видно, что написано, стёрто, заляпано всё. Кто вот эту могилу разобрал, кирпичи забрал, плиту забрали? Мне сказали, у Иванова плита эта, около бани. Наверно, на металлолом всё сдали уж…

В войну конюхом-то я работала, у нас Сметана сдохла лошадь. Дядя Ваня говорит: "Девчонки, выройте там яму и похо-

роните её". Мы взялись яму копать: я, Фроська, тётя Нюра. Стали мы рыть могилу для лошади, вырыли голову человечью – череп. Дядя Ваня Бирюков был бригадиром. Он приходит, я ему говорю: "Дядя Вань, ты нас на грех навёл, ты нам скажи чё тут было?" Канавы прокопаны. Он: "Там кладбище было". – "А вы заставили нас там лошадь закапывать, мы же человечий череп вырыли". – "И чё вы с ним сделали!" – "Мы его перекрестили и обратно закопали". И лошадь там схоронили, мы же её не потащим.

Много схоронили у нас [в Березовке], здесь же была церковь, приход был большой. Привозили с Королёвой, с Локотков, с Осоргиной, с Таптыково, из Зубовой. Здесь отпевали и здесь же хоронили. В Нижегородке – там сталоверы.

Деревянный крест стоял большой, где Настя Долбина живёт. Он был высокий, метра три и широкий, обыкновенный крест. Там иконка Спасителя, по-моему, в серединке висела. И сверху крыша домиком. Маленькая оградка была, тут крест. Он был покрашен зелёной краской. Прямо так его и называли крест Пресвятой Богородицы что ли. [П.Е.: "В честь чего его поставили?"] Ходила холера болезнь, очень много умирало людей. Вырыли могилу (просто яму) вот в етим месте посреди села, и туда кто чего мог клали, чтобы закрыть эту холеру, чтобы она утихла. У нас-то у мамы отец холерой умер. Кто платок клал, кто скатерть, чтобы убрать болезнь скорей с семьи. По-моему, этот крест сгнил, в войну это было. Что часовня была, не помню я. Здесь проходил тракт, дорога, у креста останавливались, молились. На праздники ходили к этому кресту со священником и молились.

Крестные ходы были, и ко кресту, и Табынская Божия Мать когда, и на кладбище ходили, и на поля, и в Табынск ходили. Правда, мало людей ходило, сами женщины ходили с иконами. Батюшки уже у нас не было.

Престольный праздник у нас в Березовке – Рожество, другой – летний Никола, 22 мая. Никола зимний – в Черепановке, Покров – в Таптыково престол, Михайлов день – в Фомичёвой.

[З.А.: "У бабы Фроси редко собирались, молились..."] Это редко было, на большие праздники собирались. [З.А.: "Тётя Поля в Черепановке жила, мне свекровка говорила, они [с мужем] грабили людей. Там за Черепановкой был овраг, как только едут люди, вот в этом овражке грабили и даже убивали. Может, тёти Поли хозяин [муж] убивал. Её Бог наказал, 11 лет она лежала [в параличе]"].

Где Сперанские жили, в раскулаченном Куликовском доме (их [хозяев] угнали), рассказывали, что как 12 часов, там то играет музыка, поют, пляшут.

Когда ещё зерно в церкви было, старик по верхним окошкам прошёл и ушёл куда-то в сторону. Низенького роста он, беленький. Про привидение я отцу Георгию рассказала, он говорит, что это Николай Угодник.

Березовка делилась на 5 частей: Черепановка, Вавиловка, Берёзовка, Хохлы – Лазаревка, Черенёвка. Улица вот здесь была, и за речкой, за Берсиянкой, была улица. Эта улица называлась Заречная. [Вставляет о. Игорь Елизарьев: "Говорили, что здесь два помещика жили..."] За Черепановкой была улица Преображеновка. [З.А.: "Название Блошкина гора я хорошо помню. Мещане жили за Черепановкой, около оврага, свекровка говорила"]. Клюкву мы собирали, ходили на Колмацкое озеро. Здесь лес, знаете, какой был? Зелёная роща была, берёзы росли. На месте аэропорта были поля. Озеро Песчаное, озеро Лебяжье. Когда аэропорт строили, нас [Березовку] ещё в 1967 году хотели снести, и до сих пор не сносят...» (записал в январе 2009 г. Егоров П.В.)

7) Макарова Антонида Ильинична (1926 г. р.):

«Я родилась в Березовке, все мои предки жили здесь. Об истории этой церкви слышала от родителей и бабки. Родители говорили, что в этом здании [указывает на деревянное 1-этажное здание школы, стоящее западнее храма] священник учил закону Божьему. Все старики говорили, что это была церковно-приходская школа.

Но когда я в ней училась, это уже была простая, обычная школа. В церковь нас не допускали, если носишь крест и забудешь снять, когда пойдёшь в школу, – снимут, отрежут вместе с гайтаном и отберут. А то и из школы выгоняли, отнимут крест и скажут: "Иди на все четыре стороны!" И ведь никому не пожалуешься! Отношение было очень плохое. Так выгнали одного или двух ребят, не помню.

Особенно одержимая была хромая учительница Шулакова, творила, что хотела. У многих учеников она отняла крестики. За это и погибла она: прилетел пчелиный рой, сел и на сучку повис, она захотела снять и полезла на дерево, упала и разбилась, увезли в больницу ещё живую, потом померла.

В годы войны в церкви была столовая и кино. Я туда не ходила, но один раз техник позвал в кино, я зашла, но мне показалось, что будто что-то Божье поют и ушла, ничего не стала смотреть, и больше никогда не ходила.

Аэропорт в военные годы был маленьким, учебка была здесь, солдаты жили в землянках.

В деревнях: Таптыковой, Осоргиной церквей не было, они сюда ходили. В деревне Нижегородке жили староверы, из чистой кружки не дадут напиться русскому человеку, а если дадут

свою – выкинут тут же» (записал летом 2000 г. Егоров П.В.)

8) Ларионова Лидия Ивановна (1930 г. р.):

«Когда увозили иконы, прямо посреди улицы на дороге вываливали, а мы ребятишками бегали. Народу было много, кто брали, не брали ли, наверное, я не знаю. Наши собирали. Народ был там, брали, ходили, только кому надо было. В войну лётчики когда были, я нянчилась с мальчишкой, его мать была поварихой, она лётчикова жена была. Тут была у них столова, где батюшка находился [алтарь]. Я подойду с мальчишком, она нам в окно в решётку даст после компота косточки. А в церковь я [при них] сроду не заходила. Свои повара у них [у лётчиков] были.

Осóргинские сюда ездили, и хоронили на наших кладбищах. Ребята у церкви играли, то там дыру, то подпол проломили, разобрали.

[П.Е.: "Где молились после того, как закрыли церковь?"] На этом месте жила Фрося Бондаренко, к ней приходили молились, на всенощну бабушки ходили. Как её не стало, никуда никто не ходили. [П.Е.: "Какое бы вы пожелание хотели оставить миру?"] Пусть веруют все в Бога. Церковь пусть работает… [П.Е.: "Создалось такое впечатление, что церковь существует сама по себе, а народ живёт сам по себе…"]» (записал в феврале 2009 г. Егоров П.В., помогала С.Л. Некрасова)

9) Каткова Любовь Яковлевна (1931 г. р.), дополняет немного та же Николаева З.А.:

«Церковь помню, как работала. Елена Дмитриевна просвирки пекла. Помню, в начале 1939 г. на Крещение за святой водичкой с бабушкой ходили. Как зайдёшь в помещение – тут печка маленькая топилась. Вот тут, наверно, летом 1939-го её и закрыли.

Престолы у нас – Рождество и Никола в мае, а зимний Никола – нет. Приход был большой: Зубово, Таптыкова, Фомичёва, Нижегородка. [П.Е.: "Кроме церкви крест поклонный на улице стоял…"] Да стоял большой, зелёной краской окрашен, и доски сверху на нём прибиты от дождя [крышкой]. В войну, наверно, кончали его. [П.Е.: "Место креста?"] Перед Долбиными стоял в улице, там новый дом построили.

А раньше (по рассказу) Сперанский был батюшка, пять дочерей у него были, все учительницы, и ни одна замуж не вышла. Я только Ольгу Александровну и Елизавету Александровну знала, в этой школе уже не работали, уже старухи были. Высокие, стройные, длинные такие были. Дров у них не было: ходили они по деревне щепочки собирали. Да, схоронены эти учительницы здесь. А Сперанский где-то, наверно, при церкви похоронен.

Была такая учительница Шулакова Клавдия Гавриловна,

хромая с детства была. На тополь прибился рой, она полезла его снимать (а подруга пчёл держала). Упала с дерева и разбилась. Её до больницы не довезли, по дороге умерла. Да нет, церковь она не разоряла, она уже закрыта была. Другая учительница была Клавдия Владимировна. А потом уже привозили учителей.

Церковь вперёд в сохранности стояла. Потом, в 1940-м году лётчики заселились. Инструктора по квартирам в Березовке жили, а те, которые рядовые, в землянках за лесопосадкой. Там на цюрупинском поле (от совхоза имени Цюрупы) у них и аэродром на полянке был, взлётная полоса. На кукурузниках летали. Столовая у них была в церкви. Где алтарь – поставили котлы, печь. Все церковные книги, иконы лётчики вытащили и жгли под берегом, сжигали ризы, иконы, а потом уже сжигали книги церковные – гору вот такую сожгли [руками показывает какую гору]. Но которы иконы по людям пошли, у людей были. Два креста, которые пониже [небольшие кресты над алтарным куполом и куполом южного придела] лётчики сняли, а те, что на куполе и колокольне – так и остались. Стёкла в [оконных] рамах были ещё недавно. Война началась – лётчики уехали в Сорочинск, станция Колтубановка.

[П.Е.: "После закрытия у кого-нибудь по домам на молитвы собирались?"] На Пасху – к Фросинье Бондаренко, в войну, кажется. [Ещё там были] тётя Марина и тётя Настя Иванова – они раньше в церкви на клиросах пели. Дядя Петя Бирюков Пётр, кажется, Нефёдыч [в отчестве сомневается], по матери прозвище Акулинин, в церкви свечи продавал. Я тоже к ним два года подряд ходила. Потом Фросинья в город уехала, а дядя Петя году в 1964–68-м умер, уже стариком. Когда енгалышенские [из села Енгалышева] в Табынск ходили на 9-ю пятницу через Березовку по улице, бабушка Марья с ними уходила.

Поэтому в церкву засыпали зерно, хлеб. Наверху там картины всё по потолку были, и запылили всё, они чёрными сделались. Нет, это не копоть была, а пыль от хлеба. Сейчас нету картин, а я думала, сделают… Вокруг церкви плиты цементированные – как дорожки выложены, к двери тоже дорожка, сейчас нет, не сделали…

Потом не стали зерном засыпать, церква пустая стояла. Проломили пол цементный, а там прямо под церковью гроб стоял. И на том берегу реки Берсиянки кладбище было. Как-то копал там яму один и выкопал череп, потом всё таскали его ребятня, привязывали к калиткам, пугали всех. [П.Е.: "Когда это было?"] В 60-е годы, наверно. Я ему: "Закопай, где взял!" Незнай, там, не там закопал, спросить уж некого, он лет 15 как умер.

Церква стояла, и там хулиганили ребятня, окна разбивали,

кирпичи кидали. Они его топориками специальными выламывали, вот такими. Как идёшь мимо церкви – постоянно оттуда стук, стучат как дятлы! Я прикрикну, замолкают, потом опять долбят.

[П.Е.: "Как точно речку называли?"] Только Берсиянкой, никакая не Берсувань. [П.Е.: "Ещё названия старые?"] Блошкина гора за Берсиянкой, за Черепановкой жили какие-то мещане – за оврагом была Мещанска роща. Кузнецовска поляна туда, к Нижегородке, промежду Таптыковой, где родник… Спрашивать некого; нас тут сейчас, старых людей, раз-два и обсчитался» (записал Егоров П.В. летом 2000 г., дополнил в январе 2009 г.)

10) Фёдорова (урожд. Мухина) Людмила Павловна (1942 г. р.), бывшая учительница, директор сельской школы:

«Год постройки церкви в Березовке был выложен кирпичом на стене – 1771-й, цифры были на восточной стороне, над алтарём, по центру стены, где уже башня [двусветный храмовый четверик], на высоте второго этажа, [над землёй] метров 8, наверное. Однажды на смотр школ района приехал председатель исполкома Уфимского района Сиразетдинов, это был август 1961 года, я только что заступила на работу в это село. Он посмотрел школу и меня спросил: "В каком году церковь построена?" – "Я не знаю". Он подвёл меня к этому месту: "Вон, смотрите и запомните". А раньше люди были как-то грамотнее. [П.Е.: "Вы уверены, что 1771"]. Не уверена, потому что надпись была плохо разборчива, и третья цифра сколота, кирпич уже осыпался, где есть, где нет кирпича. Цифра 1 или 7, не могу сказать. В 1990-х годах я уже цифр не видела – кирпичи все обвалились, надпись совсем незаметна стала. [П.Е.: "Высота цифр?"] Примерно 30–40 см. [П.Е.: "Это больше высоты старого кирпича, поставленного вертикально. А на сколько оне выступали из стены?"] Примерно на 3–4 см. [П.Е.: "В стене следы должны остаться. Диагональные линии в цифрах 7 и 2 были?"] Прямые палочки. [П.Е.: "Ниша или обрамление вокруг цифр были?"] Вроде, нет. Может, если пристально исследовать… [П.Е.: "Значит, в 1990-е они уже были неразличимы, иначе я бы обратил внимание"].

[П.Е.: "Чаще как называли село Березóвка или Берёзовка?"] Березóвка, так местные жители говорили. Вспоминали, что там была берёзовая роща, а во время войны её уничтожили. [П.Е.: "О помещиках Березовском, Третьякове слышали?"] Фамилию Третьяков читала, и почему-то запомнила, что когда строили церковь, в Березовке было 98 женщин и 118 мужчин, почему женщин меньше, меня всегда удивляло, обычно больше. В сентябре 1938 г. церковь ещё действовала, мой муж родился и был

там крещён, священником был то ли Марецкий, то ли Макрицкий. Говорили, когда церковь закрывали, книги, иконы, по домам разобрали.

Такого безобразия и разорения, как сейчас, после войны не было. Внутри церкви весь пол был покрыт каменными плитами, на них зерно и лежало. Когда я выходила замуж осенью 1962 года, оно ещё лежало, никого туда не пускали, всё было закрыто, доступа туда не было, и она не разрушалась. Но потом, когда построили склады на другой стороне речки, напротив церковного двора (у нас церковный двор место вокруг церкви звали), зерно из церкви убрали, тогда полный туда доступ пошёл, молодёжь по 12, по 15 лет, они всё там нарушили, изломали… На стенах хорошо были видны фрески, хоть ребятишки всё и нарушали, но вверху сохранялись, куда они не могли достать. Там захоронения были, наверное, священников, под полом, в той части, где поднимаемся на колокольню, там сейчас продают свечи [ближе к притвору], плиты лежали на деревянных брёвнах (потолке подвала), потом всё обрушено было. Дети постарше рассказывали, что они нашли похороненных в гробах, всякие предметы… Расковыряли там всё, но я уже [как директор школы] самая последняя об этом узнавала [смеётся]. Мальчишки вытаскивали череп, девчонок пугали. На церкви же двойные потолки были, они их разрушали, они там и курили, и жгли… Весною 1969 церковь уже пустовала. Все плиты повытаскивали жители, они у них во дворах, перед входами, в гаражах, сараях (у Богдановых, например, весь двор был в церковных плитах).

Могилы были не только внутри, но и снаружи вдоль всей церкви на левую сторону [северную]. Стали погреба копать – и добрались до этих могил. Где сейчас туалет, метра два в сторону школы, тоже вытащили череп, то бегают с ним по вечерам, то на забор его повесят… Куда дели – не знаю. [П.Е.: "А кто они, гробокопатели?"] Катковы братья-близнецы Николай и Егор, Федосеев Николай… Все, кто копались, там искали клады – никого уже нет в живых. [П.Е.: "Они были младше Вас?"] Конечно. [П.Е.: "Как проклятие фараонов?"] Не знаю.

Вокруг церкви территория была выложена такими же плитами. Между церковью и школой полностью площадка замощена каменными плитами. [П.Е.: "Размеры плит?"] квадратные ~70 на ~70 или ~50 на ~50 см, все одинаковые, толщина ~6–7 см, а то и ~10. Потом мужчины (родители учеников) брали из церкви эти плиты и выстилали крыльцо перед школой. Они были очень тяжёлые. Вокруг церкви они видны были, потом они под травой скрылись, возможно, часть их и сейчас есть под слоем земли, очистить только надо… А между главным входом в церковь и

школьной оградой был проход под плитами, и гулко отдавалось, будто бы там пустота была. В 4-х метрах от угла школьного в сторону речки был церковный колодец. Говорят, раньше там воды было много, школа пользовалась. Но ещё до меня ребята кого-то кинули туда, кошку или собаку. И мы этот колодец закрыли: сначала одну дверную створку с церкви сняли, на него положили, через некоторое время вторую [во время телефонного уточнения про вторую створку не вспомнила]. Двери были мощные, тяжёлые, обитые железом, толщиной ~7–8 см, мы их еле волокли, очень красивые, узорные. [П.Е.: "В каком году положили?"] В ~1965-м. [П.Е.: "Подземный проход был рядом с колодцем?"] Он вёл от колодца в церковь. Молодёжь собирались эти плиты снять, узнать, что там, а я им сказала: не трогайте!

В церкви был зерносклад, зерно принимали в грузовики, и меня ребята в кабине катали. Зерносклад убрали из церкви в ~1965–67-м году на другую сторону речки. До 1970-х годов точно убрали. Перевёл склад председатель колхоза Лазненко Николай Васильевич (в Нижегородке живёт). В Березовке не помню даже, когда правление колхоза было, всё время в Зубово правление, колхоз имени Калинина. И вот лет 30 храм был пустующий, ломали все, кому не лень, садоводы для садов добывали кирпич, который им удавалось выломать, растащили всё деревянное, что можно было, на дрова и т. д.

За магазином в восточную сторону, примерно в 15-ти метрах, стоял барский дом огромный, 1-этажный, большой деревянный, добротный дом. Он выделялся, потому что один стоял на этой [северной] стороне улицы. После барина там жил владелец конюшен Арестов, он и почту возил (мне его сын рассказывал). Их раскулачили, и этот дом отдали молодёжи под клуб, мы там с учениками выступали. Его перевезли на другую сторону Берсианки примерно в конце 1970-х годов, разделили на две половины; и сгорел он недавно. Сейчас на месте барского дома пустырь и ёлки новогодние ставят. На противоположной стороне улицы [где жилые дома стоят], были конюшни Арестова, а сзади них – Аре́стово болото. [П.Е.: "Знаете ли, помещик в Березовке был не один?"] Да. Слышала, что был помещик Вавилов (была деревня Вавиловка); помещик Третьяков (мельница у него была водяная); потом какие-то ещё мещане жили…

За школой было идеально чистое место, это сейчас кусты наросли. Эту поляну водой заливало, потом, когда Берсиянка отступала, рыбёшку собирали на поляне и выпускали в речку – они ещё маленькие были. На берегу строили вышку и прыгали в воду, глубокая река была. Было два мостовых перехода через Берсианку: пешеходный и чтобы машины проезжали. Берсиянка

довольно глубокая речка, были места примерно 2–3 метра.

В школьном здании было две комнаты, говорили, что до меня там жили поповские дочери. Дочерей Сперанского я уже не застала, незадолго до моего приезда две последние дочери переехали в Зубово. До меня Волкова Мария Григорьевна учительница работала, Игнатьева Александра Афанасьевна директором, это от неё и от учеников бывших я знаю о Сперанских, и о том, что их обокрали. И даже сам участник этого рассказывал.

В Березовке открыта школа в 1889 (в техпаспорте год был) [в первую встречу 2000 года беседовали прямо в здании школы, стоявшей западнее церкви], эта была церковно-приходская школа (это тоже было указано в техпаспорте). Я работала в ней с 1960 года, она уже была такая, как и сейчас есть. Говорят, немного перестраивали в 1957–58 годы, но планировка не изменилась. Я работала в этой Березовской начальной школе с 1960 года, сначала – учительницей начальных классов, а с 1969 до ликвидации в 2001 – директором. Жила в здании школы. И до революции в здании была школа, и здесь же были две квартиры для учителей, коридор и две классных комнаты. Учились в две смены: 2 класса в первую смену, 2 во вторую. [Бывший ученик] Чащевой Володя лазал на чердаке церкви [по объяснению над Никольским приделом] и нашёл от икон ризы, цветы, вырезанные из металла, они красноватого металла, покрытого зеленью (кое-где окислилось). Это уже были не целые ризы, а обломки; крестики тоже. [П.Е.: "В каком году нашёл?"] В ~1978-м. Принёс в школу, положили в ящик стола, и там они и остались. В классе стоял этот стол и до последнего месяца моей работы стоял, до осени 2001 года. Потом не знаю, куда их дели.

Осенью ~1989 г. или раньше, в районной газете "Уфимских нивах" (тогда "К коммунизму") статья о Березовке была историческая. Я её вырезала, сохранила, лежала она у меня, где документы от школы, но потом исчезла».

(публикация П.В. Егорова)

Ю.Н. Красникова

Религиозная политика Департамента уделов в первой половине XIX в. на примере Оренбургского удельного имения

Российская империя в XIX в. являлась полиэтническим и многоконфессиональным государством. В процессе организации системы управления у традиционно православной власти постепенно складывались собственные нормы, регулирующие правовое положение лиц, исповедующих неправославные и нехристианские религиозные течения. Принципы свободы совести в полном объёме распространялись только на иностранцев. В отношении подданных Российской империи религиозная политика зависела от внутреннего курса власти, личностных характеристик главы государства и внешних факторов. В отношении представителей нехристианских конфессий власть чаще шла путём выстраивания компромиссной политики, не акцентируя внимание на особенностях обычного права. Наиболее остро конфессиональные ограничения проявились в отношении раскольников внутри самой Русской православной церкви. Именно они, по мнению духовенства, в большей степени подрывали устои правильной веры и вносили смуту.

В историографии не так много исследовательских работ посвящено религиозной политике Российской империи в первой половине XIX в. А ведь это было время активного формирования религиозного разномыслия именно в среде православного населения, появление таких религиозных направлений как духоборы, скопцы, молокане, хлысты, субботники и другие.

Основная часть работ посвящена изучению общих черт эволюции религиозной политики Империи. Так, Е.А. Вишленкова в своей диссертационной работе приходит к выводу, что в сложившемся к XIX в. поликонфессиональном государстве существовала проблема интеграции присоединённых народов. «Насколько их вхождение будет болезненным и конфликтным зависело от корректности официальных властей в религиозном вопросе»[1]. По мнению П.В. Шевкуна, в религиозной политике сложился своеобразный принцип, по которому «не столько император нуждался в церковном благословлении, сколько сам считал необходимым благословлять церковь». Подобный взгляд позволил Павлу I подняться над конфессиональными различиями. Док-

[1] *Вишленкова Е.А.* Религиозная политика в России, первая четверть XIX века. Автореферат дисс. … докт. ист. наук. Казань, 1998. С. 3.

трина государственно-конфессиональных отношений изменилась при Николае I, когда, произошли «соединения религиозного монархического и секулярного национального принципов». Именно это, по мнению автора, не давало возможности Российской империи «стать государством одинаково справедливым ко всем своим подданным независимо от вероисповедания»[1]. В.Ю. Захаров считал, что политика в отношении Русской православной церкви императора Павла I «не выходила за рамки магистрального направления, заданного Петром I, согласно которому церковь рассматривалась как часть бюрократического аппарата и идеологическая опора правящего режима». Но в отношении других христианских конфессий император проявил себя как настоящий «новатор». Старообрядцы признавались нуждающимися в покровительстве со стороны государства, политика в отношении них была смягчена. В целом же действия Павла I были достаточно противоречивыми: свобода совести заканчивалась там, где были случаи «прямого неподчинения законам с их стороны, например, путём уклонения от уплаты государственных податей» или же обратного перехода из православия[2].

Среди обширной литературы по национальным окраинам можно выделить фундаментальный труд С.В. Любичанковского, посвящённый политике аккультурации мусульман Оренбургского края с середины XIX по начало XX вв. Автор определяет изучаемый регион как фронтир, имеющий своё социокультурное пространство, где процессы аккультурации имели специфические очертания[3].

Для изучения конфессионального разнообразия Оренбургской губернии первой половины XIX в. интересна работа А.Г. Заруцкого, где рассмотрено движение субботников. В XIX в. встречались как субботники-неофиты, «самостоятельно перешедшие из православия в «еврейскую веру» и обращавшие в неё членов семей, иногда посторонних людей, так и потомственные субботники». Автор отмечает, что последние не особо активно занимались целенаправленным прозелитизмом[4].

---

[1] *Шевкун П.В.* Эволюция религиозной политики российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Витебск, 2010. Т. 9. С. 83.

[2] *Захаров В.Ю.* Особенности религиозной политики Павла I // XVII Пасхальные чтения: материалы Семнадцатой Международной научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура», [Москва, 6–7 мая 2019 г.]. М., 2019. С. 196.

[3] См.: *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018.

[4] *Заруцкий А.Г.* Движение русских иудействующих (субботников) в Орен-

Специальных работ по религиозной политике в удельном ведомстве практически нет. Известный советский исследователь А.И. Клибанов видел в неправославных религиозных течениях крестьян, в том числе удельных, признаки социальной борьбы против царизма[1]. В статье Ю.Н. Красниковой, посвящённой молоканскому течению в среде удельных крестьян, сделан вывод, что «религиозная политика в отношении раскольников была не однозначной и развивалась, переходя от ограниченного либерализма к реакции». Большая часть истории неправославных вероисповеданий прошла в борьбе за свои убеждения, что привело «к обособлению верующих» и появлению черт субкультур[2].

Оренбургское удельное имение было образовано согласно принятому в 1797 г. «Учреждению об императорской фамилии» и входило составной частью в общий удел. Первоначально Оренбургская губерния была включена в Вятскую удельную экспедицию вместе с Вятской, Пермской, Иркутской губерниями[3]. Сразу стало понятно, что совершенно неудобно управлять деревнями, расположенными «на пространстве многих тысяч вёрст, как-то: Вятская экспедиция имеет в ведомстве своём крестьян в Оренбургской и Иркутской губерниях живущих»[4].

Поэтому было принято решение о выделении самостоятельной административной единицы – Оренбургской удельной конторы. В состав удельных крестьян из разряда дворцовых было переведено более двенадцати тысяч ревизских душ дворцовых крестьян, проживавших в 155 селениях Южного Урала (Оренбургской губернии). «Наибольшая часть удельных крестьян в то время сосредоточена была в Дуванейском (23,2%) и Мысовочелнинском (23%) приказах Оренбургской удельной конторы»[5].

По истории удельных крестьян Южного Урала первой половины XIX в. есть лишь краткие упоминания в обобщающих тру-

---

бургской губернии в пореформенный период // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный журнал. Оренбург. 2021. № 4 (40). С. 64–65.

[1] *Клибанов А.И.* К характеристике идейных движений в среде государственных и удельных крестьян в первой трети XIX в. // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 166–167.

[2] *Красникова Ю.Н.* Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среде удельных крестьян в первой трети XIX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом (М.). Т. 29. № 3–4. 2011. С. 396.

[3] История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1: Управление уделами и удельное хозяйство. СПб., 1902. С. 32.

[4] См.: РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 23. Л. 57–62.

[5] *Шайхисламов Р.Б., Мысляева Н.С.* Удельные крестьяне Южного Урала в дореформенный период // Современная научная мысль. 2018. № 6. С. 53.

дах. Историк Р.Б. Шайхисламов отмечал, что часть удельных сельчан (1585 ревизских душ) попала в разряд государственных, а всего среди податного населения Оренбургской губернии удельные крестьяне составляли самую малую группу, по X ревизии их было 7,35%[1]. Оренбургская удельная контора, как структура, неподчинявшаяся губернскому начальству, кратко упоминается в книге И.М. Гвоздиковой. Она состояла в ведении Главного управления уделов (1797–1826), Министерства императорского двора (1826–1852), Министерства уделов с 1852 г.[2]

В справочнике за 1851 г. Удельное управление указывалось как отдельная структура. Должность управляющего была вакантна, а помощниками являлись известные уфимские помещики Егор Матвеевич Филипович и Владимир Петрович Россинский. В состав управления, помимо столоначальников с помощниками, землемера и архитектора, входили депутаты приказов – главы низших территориальных единиц, медик и ветеринар.

Всего в Оренбургской губернии имелось шесть приказов: Дуванейский, Печёнкинский, Касёвский, Мысовочелнинский, Староверский и Съезжий, которые возглавляли чиновники, преимущественно титулярные советники[3].

Удельные деревни были разбросаны по Оренбургской губернии. Небольшое число удельных крестьян проживало на юге, в Бугурусланском (дер. Староверская или Елатманка) и Бузулукском уездах (Леонтьевка или Съезжее). Основная часть удельных находилась в Прикамье (Касёвский и Мысовочелнинский приказы) и вдоль реки Белой от Уфы до Бирска (Дуванейский и Печёнкинский приказы). Все они после 1865 г. окажутся в Уфимской губернии, что позволяет точно уточнить состав населения, сословная принадлежность обязательно указывалась вплоть до конца существования Империи.

По данным земской переписи 1912–1913 гг.[4] в трёх уездах (Уфимском, Бирском, Мензелинском) проживали тысячи семей бывших удельных крестьян, можно утверждать, что удельные (ранее дворцовые) селения составляли одну из важнейших групп русского населения Предуралья и Прикамья. В Уфимском уезде бывшие удельные проживали в 24 селениях, включая такие крупные как подгородние Богородское, Максимовка, Красный

---

[1] *Шайхисламов Р.Б.* Население государственной деревни дореформенной Башкирии. Уфа, 1994. С. 39, 42.

[2] *Гвоздикова И.М.* Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010. С. 223–224.

[3] Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г. С. 93–94.

[4] См.: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914.

Яр, а также Емашево, Юрмаш, Калинники, Удельные Дуванеи. В Бирском уезде основу населения целых волостей (Базановской, Касёвской, Ельдякской) составляли русские-удельные, как и в соседнем Мензелинском, где к ним относились такие большие селения как Челны (слившиеся Бережные и Мысовые Челны, фактически город) или Старый Пьяный Бор.

Русские составляли практически всё население удельной деревни, лишь в Бирском уезде зафиксированы три маленьких (до 20 дворов) деревушки, где проживали бывшие удельные – вотяки (удмурты) и черемисы (марийцы).

Несмотря на однородный этноконфессиональный состав удельной деревни, все духовные вопросы, которые должны были остаться внутренней прерогативой церкви, решались администрацией удельной конторы, а в более сложных и противоречивых случаях, императором. Санкция на религиозное разномыслие тоже была исключительно правовая, а не церковная. Власть самостоятельно интерпретировала степень правонарушения. Вместо отлучения от церкви, можно было получить более серьёзное наказание. Церковь, в свою очередь, имела широкие возможности влияния на граждан. Она всё больше превращалась в публично-правовое учреждение, вобрав в себя функции по регистрации актов гражданского состояния, осуществление правосудия по широкому кругу вопросов, частично функции исполнительных органов власти, а также расширило полномочия церкви в области образования и воспитания граждан. Особенностью развития взаимоотношений между церковью и государством во второй четверти XIX в. стало включение православия в официальную идеологию Российской империи, что было закреплено в Теории официальной народности.

Регулирование религиозной политики в удельном ведомстве в первой четверти XIX в. основывалось на общегосударственной практике взаимодействия власти и Русской православной церкви. Департамент уделов было образован в 1797 г. и, на тот момент, ещё не выработал собственную нормативную базу. Единственным внутренним нормативным актом был параграф 180 в «Учреждении об императорской фамилии», который закрепил за местными властями обязанности «вразумлять о благочинии церковном, о долге каждого в посещении воскресных, праздничных и торжественных дней на службу Божию, и ежегодный в пост исповеди, и по удостоению святых Тайн причащения»[1]. Местное духовенство и сельские власти должны были смотреть за исполнением этого предписания, чтобы: во-первых, посещение храма

[1] ПСЗ РИ-1. Т. XXIV. № 17906. СПб., 1830. С. 562.

повышало, по мнению удельных чиновников, в крестьянах уровень нравственности, а во-вторых, это позволяло выявлять в их среде раскольников, которых требовалось возвращать в лоно православия. В последнем случае духовная консистория, иногда совместно с местными властями, проводила беседу с отпавшими крестьянами. При этом санкции в отношении таких крестьян ужесточались от правления к правлению. Если в первой четверти XIX в. просто увещевали, то со второй четверти – могли отправить на поселение или военную службу. «Некоторые не выдерживали прессинга, и переходили обратно в православие, одни ради себя, другие – ради детей и близких. Вновь влившимся в православие вменялось в обязанность точное исполнение предписанных церковных правил, за этим неусыпно должны были следить местные и духовные власти»[1]. Практиковалось удельными властями и помещение крестьян на «перевоспитание» в монастыри.

Любое отклонение от церковной традиции должно было обращать на себя внимание со стороны чиновничества. В 1843 г. при проведении обряда крещения младенца в одном из приходских храмов Оренбургской удельной конторы выяснилось, что ребёнка удельным крестьянам подкинула, проживающая в той же деревне казённая крестьянка Просковья Маркелова, которая «якобы … рождает уже третьего или четвёртого дитятю но никогда по прошествии 40 дней по рождении не имеет обыкновения очищать себя молитвою и что явно свидетельствует от уклонения от православия в секту молоканскую»[2]. Было проведено следствие, и, хотя сама крестьянка отрицала принадлежность к молоканству, над ней установили надзор местных властей и духовенства. Согласно решению Бузулукского уездного суда был наказан шестидневным арестом удельный сотский Савельев, который не обратил своё внимание на эту ситуацию, и «выяснилась она случайным образом»[3].

Также на основании «Учреждения» в каждом приказе, где был православный храм, вводилась должность ктитора, т. е. церковного старосты, которому вменялось заниматься хозяйственным попечением о храме. При этом должность ктитора была выборной и содержалась за счёт крестьянского мира. Он, в свою очередь, был обязан предоставлять ежегодный отчёт о собранных пожертвованиях и расходах на храм. Удельные власти поощряли инициативу крестьян по строительству храмов в дерев-

---

[1] *Красникова Ю.Н.* Указ. соч. С. 392.
[2] ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.
[3] Там же. Л. 15–17.

нях. Крестьяне Оренбургской удельной конторы Касёвского приказа заключили контракт с купцом Новиковым на постройку каменной церкви взамен ветхой деревянной. К 1826 г. крестьяне смогли собрать 29 256 руб., но в связи с падением цен на хлеб дальше оплачивать строительство не могли. Департамент уделов выделил крестьянам, по их просьбе, 10 000 руб. асс. под проценты в рассрочку на 10 лет[1]. Строительство православных храмов в удельных селениях производилось и на частные пожертвования благотворителей, и на средства самого Департамента уделов, когда в этом была насущная необходимость. Так, в 1838 г. приступили к постройке 9 новых церквей на территориях расселения чувашей, которые сохраняли «свои поверья, идолопоклоннические празднества»[2].

Традиционным для российского законодательства оставался запрет прозелитизма. Только за официальным православием закреплялось право миссионерской деятельности. Переход обратно в православие иногда сопровождался конфликтами. Так, в 1857 г. в Оренбургской удельной конторе Староверского приказа рассматривалось дело о причинении побоев удельному крестьянину Семёну Кабанову отцом и братьями за оставление старообрядчества и обращение в православие. Его родственники нанесли «жестокие побои. Остригли ему волосы по староверскому обряду. Положили его в телегу под рогожку и увезли в поля на жнитво хлеба». При внешнем осмотре прибывшим добросовестным Журавлёвым были зафиксированы повреждения: «на спине и брюхе имеются нанесенные от битья кнутом или другим подобным орудием крестообразные знаки, вытреблены и острижены на верхушке волосы, разбит нос и подбиты глаза, и по удостоверению фельдшера приказа он имеет от этих побоев тяжёлое дыхание в груди и приливы крови»[3].

Рассмотрение дела показало, что Кабанов решил переселиться в другую деревню, где вступил в брак с православной крестьянкой, оставив свою жену и четверых детей, мотивируя тем, что последняя отказалась венчаться по православному обычаю. «Кабанов, по прибытии с вновь обрачившийся женой в дом свой, прежнею свою по расколу жену Фёклу Федосьеву настоятельно начал из дому высылать, она же, упорствуя против воли его, и будучи при малых детях, совершенно не имея более никакого прибежища, выйти куда не знает, а также и дети по малолетству от неё не отходят»[4]. Родственники Кабанова оправдыва-

---

[1] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 34. Л. 98–99.
[2] Там же. Д. 46. Л. 25–41.
[3] ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–3.
[4] Там же. Л. 5.

ли агрессивные действия в отношении сына тем, что он оставил свою жену и детей. По решению суда Кабанову разрешили переселиться, так как в селении не было ни одного православного.

Рассматривая материалы дела, возникает ощущение, что Кабанов просто хотел оставить свою супругу и нашёл законные основания. На основании 28 и 29-й статей X тома Свода законов гражданских, если брак не был венчан в Русской Православной церкви, он признавался незаконным. Дети в таком браке «как и прижитые от незаконных браков на основании предписания Департамента уделов от 29 сентября 1850 г. должны показываться по ревизии незаконнорожденными в семействах раскольников, а не при матерях»[1]. При желании Кабанов мог своих детей забрать, т. к. за ним признавалось приоритетное право совместного проживания детей. Но в данном случае, видимо, не изъявил такого желания.

С конца XVIII в. стали распространяться различные разномыслия среди православного населения. Увеличение приверженцев молоканства или духоборчества не носило социально-политического оттенка борьбы против царизма, который видели советские историки. Ни в одном документе не были обнаружены политические мотивы. Чаще причиной перехода, по мнению самих крестьян, становились их личные духовные поиски и социальное окружение, которое, в рамках крестьянской общины, оказывало существенное воздействие на её членов. Также влияло на выход из православия разложение нравственности среди приходских священников, которые зачастую злоупотребляли своим положением, позволяя даже рукоприкладство[2].

В Оренбургской удельной конторе среди крестьян было распространено учение духоборов, молокан или, как они сами себя называли, «духовных христиан». Одним из отличий от православных верующих было то, что они отрицали церковные таинства, не считая их значимыми в вопросах духовного богопознания. Так, молокане не придерживались постов и употребляли во время церковных ограничений, например молоко, за что и получили такое прозвание. Они выступали за изучение и ежедневное чтение Священного Писания, отрицали крещение и миропомазание, исповедь и причащение. У них были свои служители культа, брак признавался только тот, который они провели по своим обрядам и своими служителями. По свидетельству самих православных священников, молокане не признавали церковных уставов, «не призывали в молитве ни ангелов, ни свя-

---

[1] Там же. Л. 6–8.

[2] *Красникова Ю.Н.* Указ. соч. С. 394.

тых, ни самой Матери Божией, обходились без храмов, икон, обрядов и даже без креста»[1]. Политика Департамента уделов в отношении и молокан, и духоборов первоначально не была определена специальным законодательством, особых нормативно-правовых регулирований в удельном ведомстве не принималось.

Первоначально ведомство решало проблему переселением крестьян из преимущественно православных селений в другие регионы. Так, в 1811 и 1812 гг. из Тамбовской губернии удельные крестьяне-молокане были переселены в Оренбургскую губернию Бузулукского уезда в деревни Максимовка и Георгиевка. На новом месте последователи нетрадиционного религиозного учения притеснялись местными жителями, «имея ненависть в содержаемой нами молоканской секте не дали ни положенного количества пахотной земли, ни сенных покосов, ни на построение леса»[2]. В 1816 г. переселённые крестьяне ушли в количестве 24 человека и «скитались по разным местам», а через семь лет вернулись в Тамбовскую губернию.

По решению Оренбургской палаты уголовного суда крестьяне должны были отправиться в Максимовку и Георгиевку. Но жители деревень приняли мирской приговор и наотрез отказались принимать беглых обратно, мотивируя своё решение тем, что всё это время они платили за них государственные и мирские платежи и «сейчас они не надёжны». И самым весомым аргументом было их опасение, что, живя совместно, «могут их детей приклонить к таковому заблуждению». Сельчане заявили, что «иметь их на жительстве не только в Максимовке, но и нигде близ не желают»[3]. Сами же молокане просили переселить их в Хвалынский уезд Саратовской губернии к единоверцам. Документ поступил на рассмотрение министра в 1825 г. с резолюцией управляющего конторой, что он «видит в этом пользу». К этому времени уже вступило в силу постановление Комитета министров от 18 октября 1824 г., чтобы переселять молокан и духоборов, без относительно их юридической принадлежности, в Мелитопольский уезд Таврической губернии, которая требовала освоения. Кроме того, сосредоточение единоверцев на отдельной территории ограничивало возможность прозелитизма[4].

Обычное рядовое дело стало правовым прецедентом и основанием к изменению в правоприменительной практике удельного ведомства в отношении молокан и духоборов. Управляющий Министерства внутренних дел, которому поступили до-

---

[1] *Остромысленский Е.А.* Молокане. Орёл, 1841. С. 4.
[2] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 1–2.
[3] Там же. Л. 2, 19.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 116 и об.

кументы от Саратовского гражданского губернатора, в сношении с министром Департамента уделов предлагал крестьян, которые осуждены «на обращение людей православных в малаканскую ересь отдать в военную службу в грузинский корпус с зачётом», а если не способны, то сослать в Сибирь на поселение. Остальных последователей отправить в Таврическую губернию[1].

Удельные власти предписали управляющему Оренбургской конторы сначала «употребить все способы к обращению крестьян к православию». После беседы в православие согласились вернуться трое, раскаявшись и дав расписку «не быть в подобном заблуждении». Остальные же «почитая секту свою спасительною оставить оной и обратиться к православной вере никак не могут»[2]. Более того, крестьяне способствовали распространению своего вероучения и количество приверженцев росло. В итоге, было решено их переселить в Таврическую губернию к единомышленникам, т. к. вести своё хозяйство «тут они никак не могут и приходят в расстроенное состояние».

Для императора Николая I подготовили специальную записку о переселении вышеназванных молокан. Но молодой император высказал иное мнение: мужчин, заподозренных в ереси, отдать в рекруты, неспособных к службе сослать в Сибирь вместе с жёнами[3]. Мальчиков отправляли в военные кантонисты, девочек передавали благонадежным родственникам или отдавали на удочерение. Грудные младенцы, после окончания вскармливания, также забирались у матерей[4]. При этом новый порядок применялся исключительно к удельным, на государственных крестьян данная мера не распространялась[5].

Непримиримая позиция императора была связана как с личными представлениями Николая I, так и с тем, что удельные имения позиционировались членами императорской фамилии как образцовые не только в хозяйственном отношении, но и в нравственном. Религиозное разномыслие в среде православного населения именно так и воспринималось. Строгое наказание должно было образумить, в сохранившихся документах официальных допросов самой суровой санкцией сельчане считали разделение семьи и невозможность находиться в ссылке вместе со своими родными. Крестьянин Оренбургской удельной конторы Фёдор Криволев, осужденный за молоканство, сбежал из-под ареста, чтобы отправиться лично к императору и попросить не

---

[1] Там же. Оп. 12. Д. 568. Л. 7–12.
[2] Там же. Л. 15–19.
[3] Там же. Л. 49–52 об.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 116 и об.
[5] Там же. Л. 115.

разлучать его с семьей, а отправить в ссылку всем семейством[1]. Некоторые крестьяне сочувствовали осуждённым односельчанам, так, крестьяне Оренбургской удельной конторы были отпущены из-под стражи местным начальником, выбранным из самих же удельных крестьян, по их «убедительной прозьбе»[2].

Ситуация с молоканами создала много проблем. Население опиралось на пересуды и слухи, так, крестьянин Оренбургской удельной конторы узнал от «духоборцев ... что молокан ссылают или в Сибирь, или на Кавказскую линию»[3]. Сами региональные и местные удельные власти тоже не знали, как правильно поступать, уточняя детали в вышестоящих инстанциях. Например, по делу Оренбургских молокан было решено, что имущество осуждённых передавалось наследникам, если они числились в удельном ведомстве. Особо оговаривалось, что правом можно было воспользоваться исключительно, если они были православными или раскаялись. Малолетние дети, рождённые после отправки отца в рекруты, лишались права наследования, т. к. переходили с матерями в военное сословие. Все решения, которые были приняты в отношении удельных крестьян-молокан Оренбургской удельной конторы распространялись на всё удельное имение, приобретя статус локального нормативного акта. При этом правовая норма в отношении этой категории населения существенно отличалась от общегосударственной.

Необходимо отметить, что практика применения этого решения постепенно эволюционировала, столь суровое наказание применялось недолго. В дальнейшем оно будет распространяться только на руководителей раскольников, проповедников и «наиболее упорствующих»[4]. В 1830–1840-е гг. удельные власти чаще будут использовать ресурсы духовной консистории для «увещевания им истинных понятий веры», а наиболее упорных, для острастки остальных, могли «выдержать в Городовой тюрьме»[5]. Смягчение наказания, по нашему мнению, произошло по двум причинам. Во-первых, «отношение к другим конфессиям определялось их благонадежностью и отсутствием (или присутствием) политической оппозиции»[6]. Никаких выступлений против власти в среде молокан, духоборов нами выявлено не было. Во-вторых, молокане и духоборы были хорошими работниками и усердно платили подати. Управляющий Оренбургской удельной

---

[1] Там же. Оп. 12. Д. 568. Л. 130–131.
[2] Там же. Л. 111–117.
[3] Там же. Л. 130–131.
[4] Там же. Д. 513. Л. 20–32, 39–43 об., 154–156.
[5] ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–20.
[6] *Выскочков Л.В.* Николай I. М., 2006. С. 187.

конторой, который выехал с целью выяснить причину роста приверженцев учения, вынужден был отметить, что они ведут «жизнь скромную», имеют «трудолюбивое богомолье», именно это усердие и привлекает православных к ним, и они имеют «самопроизвольную к их секте преклонность». Он замечает, что они оплачивают повинности без «малейшей остановки, даже, несмотря на то, что односельчане не допускают их к хлебопашеству»[1]. Хорошие работники были нужны Департаменту уделов, экономические причины перевесили идеологические. Хотя сам Николай Павлович, всё же сохранял подозрительность по отношению к молоканам. В 1837 г. он писал сыну: «Молокане тоже дурная (ноша), с которою тоже постоянные строгие правила необходимы, как и для других. Но они не столь дерзки, ибо чувствуют, что не правы»[2].

Следует отметить, что со второй четверти XIX в. Департамент уделов неоднократно требовал от удельных контор отчётов о наличии неправославных среди подведомственных крестьян. Отсутствие или сокращение числа лиц, вышедших из Русской православной церкви, было одним из критериев эффективного управления удельной конторой. Так, в 1827 г. управляющим всех контор было отправлено указание: пересчитать молокан и отчитаться в Департамент[3].

Представители неправославного населения удельных селений дискриминировались законодательством. Так, согласно постановлению Министерства внутренних дел от 1820 г., они не могли занимать ряд выборных должностей в органах местного самоуправления. Представителей других раскольников, которые «не признают священства, не молятся за Царя, не вступают в брак, в том числе молокан, субботников, духоборцев, скопцов и других, подобных не избирать в общественные должности»[4]. В виде исключения их допускали до назначений, если в деревне было слишком мало приверженцев православия или, на худой конец, старообрядцев. Такое компромиссное решение скреплялось мирским приговором. В этом случае компетенции распределялись следующим образом, православные крестьяне, выполняли в деревне выборные должности, которые подразумевали большую ответственность: старосты, сборщика податей от крестьян по приёму платежей, десятских, выполнявших полицейские функции в общине, понятых, лесных и пожарных смотрителей, а также свидетелей по судебным и межевым делам. Менее

---

[1] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 7–19.
[2] *Выскочков Л.В.* Указ. соч. С. 186.
[3] РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 568. Л. 90 и об.
[4] Там же. Л. 57–62.

ответственные обязанности, по мнению удельных чиновников, могли выполнять неправославные крестьяне: нести караул, распределять «квартиры для проезжающих по казённой надобности», готовить и отправлять подводы[1]. В редком исключении, когда в среде удельных крестьян отсутствовали представители православного населения, выборные должности могли занимать неправославные. Но обычно это влекло за собой усиление контроля в таких селениях со стороны местных властей. Такая практика, например, существовала в староверческих селениях Оренбургского удельного имения[2]. В целом успехи властей по возвращении отступивших от веры молокан и духоборов закончилась также неудачно.

Изначально среди подведомственных крестьян Оренбургской удельной конторы были чуваши, формально крещёные, но сохранявшие старинные языческие традиции[3]. Но потом, скорее всего, они были переданы в сословие государственных крестьян. В южных уездах к удельным относились две русские деревни в Белебеевском уезде и одна мордовская в Стерлитамакском.

Таким образом, религиозная политика Российской империи в первой половине XIX в. определялась устойчивым представлением в приоритетности распространения и поддержки со стороны государства православия. Отношение к Русской православной церкви формировалось исходя из принципов патернализма и покровительства. Благонадёжность подданных определялась, в том числе, и вероисповеданием. Механизмы осуществления религиозной политики могли меняться вместе со сменой монарха. Так, императоры Павел I и Александр I были сторонниками межконфессионального диалога и проводили довольно сдержанную политику в отношении других вероисповеданий. При Николае I православие становиться идеологической опорой российского самодержавия, а Русская православная церковь всё больше превращалась в механизм государственного управления. Это привело к усилению прозелитизма со стороны православных и большим ограничениям, особенно в отношении вышедших из истинной церкви. В любом случае, весь изучаемый нами период приверженцы нехристианских и неправославных конфессий осуществляли свою деятельность в рамках запретительного и ограничительного законодательства. Религиозная стратегия удельного ведомства выстраивалась в зависимости от степени лояльности власти, как и в целом по всей Российской империи.

---

[1] Там же. Д. 573. Л. 57–62.
[2] ОГАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 121. Л. 6–8.
[3] РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 46. Л. 25–41.

Т.В. Тарасова

Купцы Паршины: от Уфы до Симеиза

Одним из самых удивительных уголков Южного берега Крыма является посёлок Симеиз, чье очарование остаётся в сердце каждого, отдыхавшего здесь. В конце XIX в. Симеиз был знаменит имением С.И. Мальцова, после его смерти в 1893 г. сыновья Иван и Николай Сергеевичи Мальцовы решают создать первоклассный курорт, реализацией проекта занялся талантливый инженер, генерал-майор Яков Петрович Семёнов[1].

Описание Симеиза до начала широкомасштабного строительства оставил некий «Приезжий» в 1899 г. «Для того, кто хочет спокойствия, тишины, чистого воздуха, простора для гуляния и близости моря – Симеиз является одним из лучших уголков на южном берегу. Жизнь здесь, сравнительно с другими окружающими местечками – немного дешевле, деревня с её неизбежною пылью, нечистотами и прочими прелестями – достаточно далеко, домики, в которых поселяются приезжие, раскинуты по парку, воздух замечательно чист и прозрачен, море у самых ног и купанье недурное. […]

Приезжие любят Симеиз, любят здешнюю тишину, спокойствие и простоту жизни, и раз побывав в Симеизе, многие приезжают сюда во второй и третий раз. Одна дама говорила, что она девятый год подряд ездит в Симеиз»[2].

Начало XX столетия стало эпохой подлинного расцвета Нового Симеиза. Здесь возводятся многочисленные дачи, владельцы состязались в архитектурных стилях. Симеиз стал одним из самых шикарных курортов ЮБК, предприниматели из разных регионов России покупали здесь землю и строили коттеджи для семейного отдыха или сдачи отдыхающим.

Среди усадеб Симеиза выделяется *дача В.Д. Паршиной*, которая упоминается во всех справочниках и туристических путеводителях Крыма[3]. Варвара Дмитриевна была супругой уфимского купца Андрея Митрофановича Паршина, Паршины оставили яркое наследие и в архитектуре Уфы. История необычной

---

[1] Подробнее см.: *Петрова М.М.* Симеиз: путешествие по старым дачам. Симферополь, 2006; *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2008; Симеиз: путешествие в прошлое в открытках и фотографиях. Иллюстрированный путеводитель / Авт.-сост. А.Ч. Вертинский, И.Н. Севастьянов. Симферополь, 2021.

[2] Крымский курьер (Ялта). 1899. 4 сентября.

[3] См., напр.: *Краснолуцкий А.Ю.* Южный берег Крыма: История имений и дач с 1783 по 1920 год. СПб., 2020. С. 131–132.

семьи началась в первой половине XIX в.

По данным IX-й (1850 г.) и X-й (1858 г.) ревизий в Уфе проживали два семейства Паршиных, купца Василия Карповича и мещанина Никанора Осиповича. Н.О. Паршин был причислен из кантонистов в 1847 г. в возрасте 14 лет[1]. Первой его женой стала Вера Мироновна, второй – Евгения Семёновна. Имелись дети: Павел, Владимир, Зинаида, Василий, Мария, Александр, Пётр. Семье принадлежала недвижимость по адресам Суворовская, 56 и Центральная, 50–52. Далее их мы рассматривать не будем, нас интересуют *купцы Паршины*.

Василий Карпович Паршин был вольноотпущенником статс-дамы и княгини Екатерины Фёдоровны Долгоруковой (1769–1849), в 1850 г. зачислен в уфимское купечество вместе с женой Анисьей Васильевной, обоим на тот момент было по 40 лет[2]. У князей Долгоруковых было много земель в разных губерниях Российской империи. «Наши» Паршины были родом из деревни Тереховой Гру́здевской волости Вязниковского уезда Владимирской губернии.

Они происходили из знаменитых «вязниковцев». Современник отмечал про Уфу: «Наши торговцы, родом больше Вязниковцы, устанавливают цену на товар однообразную, с высокими разумеется процентами. Тогда волею или не волею, а должны мы покупать у них, не видя между ними соревнования в торговле»[3].

Жители малоплодородных земель Владимирской губернии уже с XVIII в. перешли к ремесленной и торговой деятельности, чем славился и Вязниковский уезд (Палех, Мстёра, Холуй). Из крестьян Владимирской губернии вышли знаменитые офени (коробейники), мелкие странствующие торговцы, разносившие по деревням галантерею и мануфактуру, книги, лубок, иконы. Ссыльный писатель С.Я. Елпатьевский утверждал, что две трети торговых рядов в Уфе занимали владимирцы. «Бродили владимирские офени по всей России, облюбовывали Уфу и оседали в ней. Сначала маленькая лавочка, а потом внедрялись [в] ряды. А потом выписывали с родины приказчиками сродственников, племянников, шурьёв, односельчан, которые нередко потом сами становились хозяевами – места были просторные»[4].

Деревня Терехова относилась к приходу Покровской церкви села Груздева (как раз из Груздевской волости офени в основном отправлялись на восток). В исповедных росписях за 1810 г. находим предков интересующих нас Паршиных. У вдов-

---

[1] НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 601. Л. 333 об.

[2] Там же. Д. 708. Л. 17 об. – 18.

[3] Оренбургские губернские ведомости (Уфа). 1850. 23 сентября.

[4] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 94.

ца Карпа Митрофановича значились сыновья Иван шести и Василий двух лет[1]. От них и пошли две ветки уфимских предпринимателей: Василий Карпович и Митрофан Иванович, между собой они были дядя и племянник.

По ревизской сказке 1858 г. села Груздева с деревнями помещика «двора Его Императорского Величества обер-шенка и кавалера князя Николая Васильевича Долгорукова» (сын Е.Ф. Долгоруковой) в списках значатся Паршины: Карп Митрофанович 71 года, Иван Карпович 50 лет, и появляется семейство *Митрофана Ивановича* 28 лет: мать Екатерина Ефимовна 57 лет, жена Авдотья Антоновна 29 и сын Андрей двух лет[2].

Итак, *Андрей Митрофанович Паршин* появился на свет во Владимирской губернии в 1855 г. Нашлась и метрическая запись Покровской церкви села Груздево: родился Андрей 27 (крещён 28-го) ноября у крестьянина деревни Терехова груздевской вотчины Митрофана Иванова и законной жены его Евдокии Антоновой. Восприемником был крестьянин деревни Верзякина той же вотчины Василий Антонов[3]. В 1855 г. фамилии священник не записал, но в ревизии 1858 г. они уже есть.

«Антоновичи» (жена и крёстный) – это будущие Костерины, также выходцы из крепостных Долгоруковых той же Владимирской губернии Вязниковского уезда Груздевской волости. Только Паршины – из деревни Тереховой, а Костерины – Верзякиной. У супруги Паршина Евдокии Антоновны были братья Иван, Капитон, Флегонт, Василий и другие. Сын Ивана Антоновича – известный уфимский купец Павел Иванович Костерин. Некоторые Костерины переселились позже в Самару и даже в Иркутск. Проживая в Уфе, Паршины ещё долгое время числились «Владимирской губернии Вязниковского уезда д. Тереховой временно обязанными крестьянами князя Долгорукова».

Видимо, в Уфу также переселился брат Нестер Иванович Паршин (в 1852 г. у его дочери Митрофан Иванович стал крёстным). Само же семейство Митрофана Ивановича и Евдокии Антоновны было многодетным, по данным метрических книг уфимских храмов у них родились Анна (1860), Пелагея (1861), близнецы Павел и Иоанн (1866), Владимир (скончался в 1867 г. в возрасте одного года), Екатерина (1867), Алексей (1869), однако все они умирали в детском возрасте, до совершеннолетия дожили только сын Андрей и дочь Александра.

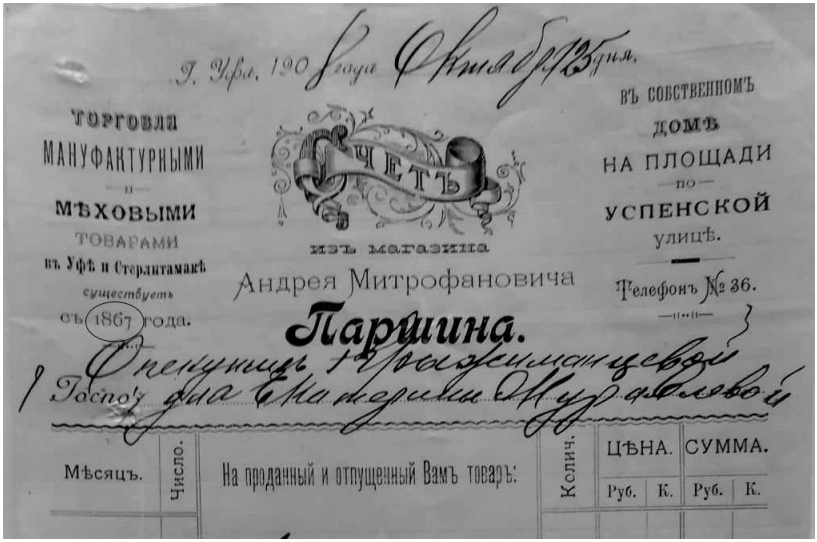
Документация Уфимского отделения Госбанка, через кото-

---

[1] ГАВО. Ф. 556. Оп. 107. Д. 113. Л. 734 об.
[2] Там же. Ф. 301. Оп. 5. Д. 735. Л. 916 об. – 917.
[3] Там же. Ф. 556. Оп. 2. Д. 152. Л. 124 об.

рый проводили операции Паршины, однозначно свидетельствует, что бизнес Митрофана Ивановича Паршина начался в 1867 г., когда он открыл самостоятельную мануфактурную и пушную торговлю, уже имел дом с усадьбой[1]. Действительно, во время переписи торгово-промышленных заведений Уфы в 1865 г. крестьянин Владимирской губернии Митрофан Паршин служил всего лишь приказчиком 2-го класса (обычным продавцом) в панской лавке купца Павла Попова[2].

Время основания бизнеса в 1867 г. утверждали и сами Паршины, эта дата стоит на счёте из их магазина.



Счёт из магазина Паршина от 25 октября 1908 г.

На 1869 г. М.И. Паршин – уфимский купец 2-й гильдии, владелец лавки с панским товаром в каменном ряду на Верхне-Торговой площади, торгует дорогими изделиями и тканями вместе с приказчиком иркутским мещанином Капитоном Антоновым (родичем Костериным). В 1873 г. у Митрофана Ивановича Паршина уже четыре лавки с мануфактурным товаром, все в самом престижном месте уфимской торговли в Гостином ряду[3], в подручных земляки Пискуновы[4].

---

[1] РГИА. Ф. 587. Оп. 48. Д. 337. Л. 68.
[2] См.: НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5.
[3] См.: Там же. Д. 33, 71.
[4] См.: *Тарасова Татьяна.* Уфимские Пискуновы: купцы и мещане. Опыт купеческой фотогенеалогии // Бельские просторы. 2022. № 3.

О размахе бизнеса М.И. Паршина свидетельствуют его операции с безналичными платежами по чековой книжке. Когда в конце 1873 г. в Уфе открылся филиал Волжско-Камского коммерческого банка, шустрый вязниковец пришёл туда пятым, открыв текущий счёт для безналичных платежей. М.И. Паршин буквально ворвался в элиту уфимского бизнеса. В 1874 г. оборот капитала на его счету превысил 100 тыс. руб., в 1875 г. – 89,5 тыс. руб.[1] Он один из ведущих торговцев мануфактурой, видимо дорогими тканями для состоятельных покупателей, а также пушниной. Проживало семейство Паршиных в центре Уфы на Базилевской улице в квартале № 74 (на 1879 г.)[2], там, где теперь располагается библиотека им. Валиди. Соседями были родственники Костерины, все состояли в прихожанах Ильинской церкви.

Но прожил успешный предприниматель сравнительно недолго, вероятно в конце жизни болел, и 27 ноября 1883 г. уфимский купец Митрофаний Иванович Паршин в возрасте 55 лет скончался «от страдания органического»[3].

Семейный бизнес перешёл в руки вдовы. Клиентом уфимского отделения Госбанка в 1884 г. была купчиха 2-й гильдии Авдотья Антоновна Паршина, мануфактурная торговля, каменная лавка и деревянный дом, рассчитывалась векселями с партнёрами А.П. Зайковым, С.Г. Михайловым, П.И. Костериным[4].

Евдокия Антоновна Паршина надолго пережила мужа, была крёстной у всех своих внуков. Скончалась вдова купчиха Е.А. Паршина в возрасте 78 лет 25 октября 1903 г.[5] Проживала она одним домом с обоими детьми. Дочь, Александра Митрофановна Паршина первый раз вышла замуж за Петра Гавриловича Сосновцева в 1878 г. В метриках он именовался то личным дворянином Самарской губернии, то обер-офицерским сыном. У них родились дети Евгений и Андрей[6]. Вторым её мужем был уржумский мещанин Егор (Георгий) Васильевич Чернов. Он в дальнейшем занимался бизнесом Паршиных в Уфе. Александра Митрофановна унаследовала родительскую усадьбу на Базилевской (Центральной), дарственная была оформлена в 1903 г.[7]

Главные надежды родители возлагали на единственного

---

[1] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1177. Л. 12 об.; Д. 1178. Л. 83.

[2] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. С. 146.

[3] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 24. Л. 137 об.

[4] РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1113. Л. 143.

[5] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 4. Л. 62 об.

[6] Там же. Оп. 2. Д. 19. Л. 104; Д. 23; Д. 26. Файл 00134.

[7] См.: Там же. Ф. И-340. Оп. 1. Д. 87.

сына наследника – *Андрея Митрофановича Паршина* (род. 27 ноября 1855 г.), личность незаурядную, разностороннюю и даже загадочную. Почти сразу после рождения крестьянского мальчика семья перебралась в Уфу, быстро стала зажиточной. Начальное образование он, видимо, получил здесь, но сведений об этом в документах мужской гимназии не обнаружилось. Возможно, учился в частной школе (финансовые возможности родителей позволяли). Отец, быстро овладевший современными банковскими услугами, наверняка понимал важность хорошего образования для будущего предпринимателя.

Андрей поступает в Императорский Московский университет, где числится с 11 сентября 1875 по 17 сентября 1877 г.[1] Очевидно, что за два года он не успевал его закончить и переводится в Императорский университет Святого Владимира в Киеве. Это была обычная практика для детей очень богатых родителей, когда отпрыски могли позволить себе «творческие поиски», меняя факультеты и университеты.

Очевидно, что взросление, юные годы Андрея Митрофановича прошли далеко от провинциальной Уфы, в отцовских делах он если и участвовал, то минимально. У молодого Паршина сложились иные интересы. Изначально А.М. Паршин, скорее всего, не собирался вообще заниматься купеческим делом, хотя способности, без сомнения, имелись. На 1883 г. А.М. Паршин поступает на службу делопроизводителем Уфимского губернского распорядительного комитета, оставаясь действительным студентом Киевского университета[2]. Это была небольшая, но крайне важная структура в губернском аппарате. Её возглавлял лично губернатор Н.П. Щепкин, заведовал делами председатель казённой палаты (Министерство финансов), в распорядительный комитет входили все высшие должностные лица Уфимской губернии. Комитет распределял собранные средства на общегосударственные цели (помощь в содержании войск и пр.). Но канцелярия комитета маленькая и всё делопроизводство ведёт студент Паршин. Андрею Митрофановичу уже 28 лет и он лично знаком с высшими должностными лицами края. В том же 1883 г. А.М. Паршин избирается депутатом (гласным) Уфимской городской думы от второго собрания (средние собственники)[3].

Первая половина 1880-х гг. стала переломной в судьбе Андрея Митрофановича Паршина. Он заканчивает образование. Выступая крёстным в 1885 г. при рождении сына Андрея у се-

---

[1] См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 289. Д. 280.
[2] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 22, 23.
[3] Там же. С. 88.

стры, называется «студентом Киевского университета»[1], а на 1889 г. именуется уже «кандидатом математики»[2], т. е. полностью окончившим курс и предоставившим диссертацию.

Андрей Митрофанович занимает заметное положение в уфимском обществе, как среди фраков, так и поддёвок (формулировка С.Я. Елпатьевского), дворян – чиновников и купечества. Можно предположить, что в семье согласились с чиновничьей карьерой сына. Но тут внезапно умирает отец.

Формально торговые дела взяла в свои руки вдова, Авдотья Антоновна, она наверняка ранее помогала мужу, но у простой женщины руководить сложным бизнесом (закупки тканей и пушнины, управление магазином, пр.) получилось плохо. На заседании Учётного комитета Уфимского отделения Государственного банка 28 февраля 1886 г. постановили закрыть кредит в 10 тыс. руб. Авдотье Паршиной, главой семейного дела признаётся уфимский купец 2-й гильдии Андрей Митрофанович Паршин[3].

Фактически уже с 1883 г. он взял бразды правления бизнесом в свои руки. А дело ему досталось огромное, в 1881 г. оборот капитала на текущем счету отца в Волжско-Камском банке составил 289 590,46 руб., в 1882 г. – 235 809,62 руб., в 1883 г. – 175 411,41 руб.[4] Сын в 1883 г. открывает в этом банке свой текущий счёт № 104, операции по нему составили всего 13 116 руб.[5], но это было только начало.

В 1884 г. на счету умершего отца хранился маленький остаток в 537 руб. 87 коп., никаких операций не проводилось (закрыт в 1885 г.), через счёт № 104 Андрея Митрофановича Паршина прошли 191 835 руб. 7 коп.[6] Матушка тоже участвовала в делах, она подписала вексель (долговое обязательство) на 1115,55 руб. Сафронову и Кутыреву в Казани[7]. Но в дальнейшем шем бабушка переключилась на воспитание внуков и содержание обширного домашнего хозяйства многочисленной семьи.

К тому времени он женится (не в Уфе), избранницей становится дочь музыканта и купца *Варвара Дмитриевна Севастьянова*, «бесприданница», как говорила матушка Авдотья Антоновна, брак был явно заключён по любви.

Невеста происходила из необычной семьи. Её отец – Дмит-

---

[1] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 26. Файл 00134.
[2] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1889. С. 120.
[3] РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1113. Л. 212–213.
[4] Там же. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1184. Л. 77; Д. 1185. Л. 77; Д. 1186. Л. 77.
[5] Там же. Д. 1186. Л. 78 об.
[6] Там же. Д. 1187. Л. 76, 77 об.
[7] Там же. Л. 75 об.

рий Николаевич Севастьянов (1827–1899) был известным ... музыкантом скрипачом[1]. Д.Н. Севастьянов родился в Воронеже, учился в Петербурге, стажировался у чешского скрипача и композитора Генриха Эрнста, некоторое время служил концертмейстером скрипичной группы оркестра Большого театра в Москве, совершал концертные поездки по городам России[2].

К середине 1850-х гг. он оказался в Уфимской губернии. Возможно, получил наследство. Согласно ревизским сказкам, 14 декабря 1854 г. Д.Н. Севастьянов был причислен из канцелярских служителей в Уфимское 3-й гильдии купечество, а 16 января 1856 г. – в Стерлитамакское 3-й гильдии купечество[3].

Видимо, купец Севастьянов не слишком преуспел в торговле, на 1873 г. он служит в Акцизном управлении помощником надзирателя, контролирует винокуренные заводы 1-го участка вокруг Уфы[4]. На 1883 г. Д.Н. Севастьянов уже почётный гражданин, продолжал служить в Окружном акцизном управлении[5] (он здравствовал на 1895 г.).

Прибывший в 1880 г. в Уфу ссыльный С.Я. Елпатьевский выделил его как знаменитость, центр музыкальной жизни. «Местный чиновник Савостьянов, как рассказывали мне, долго играл первую скрипку в оркестре Московского Большого театра и, когда уходил из него, чтобы переселиться в Уфу, получил от московского общества чудесную редкую скрипку»[6].

Сведений о детстве и юности Варвары Дмитриевны Севастьяновой пока нет, училась в гимназии (скорее всего, в частной), в 1879 г. поступает в Петербургскую консерваторию. В прошении говорилось: «Г. Директору С.Петербургской Консерватории Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Дочери купца Варвары Димитриевны Севастьяновой Прошение. Желая поступить в С.Петербургскую Консерваторию, чтобы получить полное музыкальное образование, и избирая для специального изучения игру на фортепиано, покорнейше прошу принять меня в число учениц Консерватории. Принимая на себя обязанность соблюдать все правила, установленные для учащихся в

---

[1] См.: *Карпова Е.К.* Русский скрипач Дмитрий Севастьянов в Уфе // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. Ч. 2. Уфа, 1999.

[2] См.: *Ямпольский И.М.* Русское скрипичное искусство: очерки и материалы. М.; Л., 1951.

[3] См.: НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 708.

[4] *Резанцов П.Г.* Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии). Уфа, 1873. С. 42.

[5] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 25.

[6] *Елпатьевский С.Я.* Указ. соч. С. 87.

Консерватории, имею честь представить следующие документы: метрическое свидетельство и свидетельство о научном образовании. Варвара Севастьянова. 3 января 1879 года. Жительство имею: По Фонтанке у Чернышева моста, дом № 47. кв: 2». На прошении есть резолюция: «С согласия г. Боровка в его класс»[1].

Училась В.Д. Севастьянова у Иосифа Александровича Боровки (1853–1920), пианиста и композитора, преподавателя, затем профессора высшего курса игры на фортепиано. Успела ли Варвара Дмитриевна закончить консерваторию – неизвестно, в мае 1882 г. у неё в Уфе родилась первая дочь Екатерина, а документы из учебного заведения в апреле 1882 г. забирала для передачи ученица Мария Дружинина.

После замужества Андрей Митрофанович и Варвара Дмитриевна Паршины поселились в старом фамильном особняке в Уфе, один за другим появляются дети: Екатерина (28 мая 1882 г.), Софья (27 июня 1883 г.), Мария (23 марта 1887 г.), Николай (12 ноября 1888 г.), Надежда (9 августа 1890 – 21 августа 1891), Константин (27 февраля 1892 г.), Владимир (31 января 1893 г.), Михаил (1 октября 1895 – 3 июля 1896)[2].

Несмотря на столь большую семью, Варвара Дмитриевна продолжала активно участвовать в музыкальной жизни Уфы. Севастьяновы стали организаторами «Общества любителей пения, музыки и драматического искусства»[3]. В.Д. Паршина руководила вокальной частью, играла на рояле[4], занималась педагогической деятельностью, давала уроки музыки. На январь 1888 г. среди членов женского хора «Общества» первой упоминалась В.Д. Паршина (дискант, soprano), она же состояла в отделе инструментальной музыки[5].

Как и Паршины купивший усадьбу в Симеизе писатель С.Я. Елпатьевский в своих мемуарах добавил, что в Уфе, «как передавали мне потом, начал первые выступления молодой Шаляпин, как-то попавший в Уфу, служивший в каком-то казённом учреждении за 15–20 руб. в месяц и, кажется, пользовавшийся уроками В.Д. Паршиной»[6].

---

[1] ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. Д. 6053. Л. 1.

[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 23. Л. 116 об.; Д. 24. Л. 100 об.; Д. 28. Л. 124 об. и др.; Д. 29. Л. 173 об.; Д. 32. Л. 364 об.; Д. 33. Л. 304 об.; Д. 34. Л. 233 об.; Д. 37. Л. 199 об.; Д. 39. Л. 560 об.

[3] См.: Там же. Ф. И-118. Оп. 1. Д. 1–2; *Ахтямова А.Г.* Скрипка в уфимском «Обществе любителей пения, музыки и драматического искусства» // Проблемы музыкальной науки, 2010. № 2 (7).

[4] *Карпова Е.К.* Указ. соч. С. 25–28; *Елпатьевский С.Я.* Указ. соч. С. 87.

[5] *Пиглевский Л.* Уфимское Общество любителей пения, музыки и драматического искусства // Уфимские губернские ведомости. 1888. 23 января.

[6] *Елпатьевский С.Я.* Указ. соч. С. 87.

Архитектор И.Е. Бондаренко также отмечал, что «музыкальный центр у жены уфимского купца Паршина, окончившего естественный факультет и принявшегося за отцовское торговое мануфактурное дело. Его жена окончила Петербургскую консерваторию и основала в Уфе музыкальный кружок, её поддержке немало был обязан Шаляпин, как-то застрявший в Уфе»[1].

В литературе и современном информационном пространстве бытуют упоминания об уроках, что брал Шаляпин у Паршиной. Эти слухи восходят к дореволюционным временам, что отразили мемуары Елпатьевского и Бондаренко. Но сам Ф.И. Шаляпин нигде об этом не упоминает, хотя вообще он не любил вспоминать небольшой уфимский этап своей карьеры.

Графиня Е.А. Толстая отмечала, что «Варвара Дмитриевна раз в неделю собирала у себя всех учениц и занималась с ними теорией музыки, а дальше и гармонией. Её лучшими учениками были Серебренникова, Мария Петровна Лузинова (Рыбченко) и Николай Оттович Рубинштейн. Весною она устраивала открытый экзамен для своих учащихся. На нём присутствовали не только родители учеников, но и почётные гости, любители музыки, каким, например, являлся Дмитрий Семёнович Волков – уфимский городской голова.

Отец Варвары Дмитриевны, скрипач Савостьянов, выступал в Уфимском дворянском собрании в трио с братом своим, виолончелистом, а Варвара Димитриевна вела партию рояля. Обладая исключительным по красоте тембра голосом, она являлась любимицей уфимской публики как певица. Её партнером в дуэтах была Емельянова – бывшая оперная певица. Все столичные гастролёры посещали прекрасную певицу и пианистку Паршину. [...] Слава её как педагога была так велика, что желающих учиться у неё являлось столько, что она многим вынуждена была отказывать. При этом за уроки её предлагали высшую ставку – полтора рубля за час»[2].

Варвара Дмитриевна участвовала в благотворительных концертах. 9 марта 1897 г. «в 8 часов вечера с благословения Его Преосвященства в зале дворянскаго собрания состоялся духовный концерт под управлением И.П. Райскаго в пользу Уфимскаго Епархиальнаго Братства Воскресения Христова. Помимо архиерейскаго хора и хора воспитанниц Епархиальнаго женскаго училища в концерте приняли участие многие духовные и светские лица – любители пения, обладающие голосами, между

---

[1] *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления / Под ред. М.В. Нащокиной. Книга первая. М., 2018. С. 101.

[2] *Толстая Екатерина.* Старый разбитый рояль // Уфа: страницы истории. Книга вторая / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2014. С. 185.

прочим и известная в г. Уфе даровитая певица В.Д. Паршина. Аккомпонировавший хору оркестр состоял также из любителей с дополнением некоторых инструментов из местного военного оркестра. Всего же и в хоре, и в оркестре участвовало более 100 человек. Судя безпристрастно, можно смело утверждать, что концерт сошёл вообще прекрасно и доставил истинное наслаждение всем любителям и ценителям духовнаго пения. С особенным удовольствием можем отметить концерт Бортнянскаго "Возведох очи мои в горы". Здесь Г-жа Паршина, привыкшая, надо сказать, к светскому пению, сумела войти в самую идею псалма и мысль композитора и своим solo передала её безупречно; сила и полнота её голоса вместе с артистическим умением владеть ими сделали то, что весь хор и оркестр составляли как бы фон, на котором отчётливо, но без крикливости выделялись её solo – этот молитвенно-глубокий вопль скорбящей и в своей скорби уповающей на Бога человеческой души; нужно заметить, что и г. Райский много помог ей в этом своим умением управиться с хором. [...] Концерт почтили своим присутствием Его Преосвященство, Г. Начальник Губернии, Предводитель Дворянства и другие почётные лица. Публики было много, и сбор оказался полным»[1].

А 25 марта 1898 г. в праздник Благовещенья Богородицы в 8 часов вечера «в зале Дворянскаго Собрания состоялся духовный концерт в пользу Братства Воскресения Христова, который почтил своим присутствием и Преосвященнейший Владыка. Главные голосовые силы в концерте составлял Архиерейский хор; но не отказались также принять участие в нём и некоторые любители церковнаго пения и музыки, из коих не можем не назвать с выражением глубокой признательности В.Д. Паршину (в хору) и Гг. Ушакова, Ивашенцева и Литнер (в оркестре)».

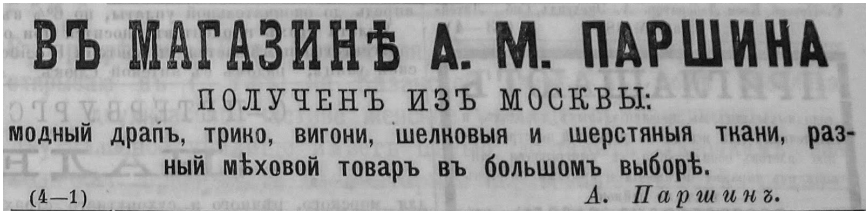
В трёх отделениях концерта исполнили 13 пьес, с особенных успехом прозвучали «"Богородица Дева" – solo В.Д. Паршиной, "Крест Христов" – хор и оркестр и "Кантата памяти Императора Александра III" – хор с solo В.Д. Паршиной и оркестр. В этих пиесах – помимо всеми признанных достоинств голоса и умения владеть им В.Д. Паршиной – и хор, и оркестр, и дирижёр о. И.П. Райский – все заслужили полнаго одобрения со стороны слушателей, а со стороны Братства благодарности и пожелания таких же успехов и на будущее время»[2].

Тем временем супруг – уфимский купец 2-й гильдии Андрей Митрофанович Паршин продолжает заниматься бизнесом, в

---

[1] Уфимские епархиальные ведомости. 1897. № 7. 1 апреля. С. 263–264.
[2] Там же. 1898. № 8. 15 апреля. С. 268–269.

котором происходят существенные изменения. В 1886 и 1887 гг. его обороты в Волжско-Камском банке по-прежнему одни из самых больших – 273,7 и 203,6 тыс. руб. Он также открывает специальный текущий счёт под залог ценных бумаг (оборот 8 и 4,5 тыс. руб., с 1887 г. второй счёт оформляется на мать – Е.А. Паршину, в банк отдан в залог пакет акций на 9875 руб.), совершает сделки под векселя[1]. Мануфактурный магазин А.М. Паршин зазывал покупателей поступлением летнего товара[2]:


ВЪ МАГАЗИНѢ А. М. ПАРШИНА
ПОЛУЧЕНЪ ИЗЪ МОСКВЫ:
модный драпъ, трико, вигони, шелковыя и шерстяныя ткани, разный мѣховой товаръ въ большомъ выборѣ.
(4—1) А. Паршинъ.

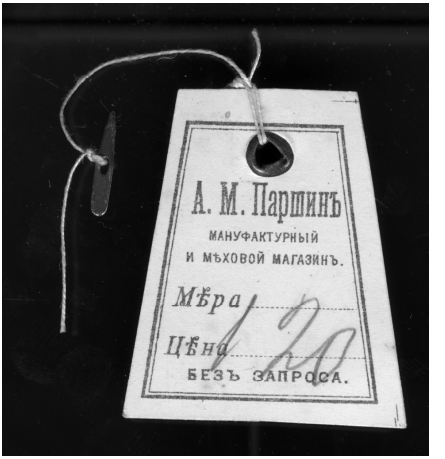
Но с 1888 г. начинается новый этап в жизни семьи Паршиных, и связано это было с открытием железнодорожного сообщения. С 1889 г. оборот капиталов у Паршина в уфимском филиале Волжско-Камского банка падает до небольших сумм в 2,5 – 5 тыс. руб., последние крупные сделки проводятся в 1892 (58 тыс. руб.) и 1893 г. (80 тыс. руб.), когда был закрыт второй счёт под залог ценных бумаг. С 1894 г. на счету А.М. Паршина хранится жалкий остаток в 100 руб. Лишь в отдельные годы случались единичные сделки.

Нет, Паршины не разорились, просто Андрей Митрофанович свои финансовые операции переводит в какие-то московские банки. В столице он закупает товары для магазина, удобнее и контракты оплачивать здесь (в 1897 г. Паршин рассчитывается векселем в Московском Купеческом обществе взаимного кредита)[3]. Хотя в Уфе на 1890 г. в Волжско-Камском банке ему открыт кредит в 10 тыс. руб.[4], в отделении Государственного банка – 15 тыс. руб. (к 1897 г. подняли до 25 тыс. руб.).

Он по-прежнему уважаемый купец, в Уфе у Паршина мануфактурная и меховая торговля, продаёт паркет и венскую мебель, его партнёры, поставщики товара – Торговый дом И. Калин и К° из Нижнего, Торговый дом Дороднова Сыновья из Ярославля, Жиро и К° из Москвы, Гольдфедер из Варшавы[5].

---

[1] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1189. Л. 79 об., 82, 91; Д. 1190. Л. 25, 78 об., 85 об.
[2] Уфимский листок объявлений и извещений. 1887. 24 августа.
[3] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1206. Л. 72 об.
[4] Там же. Д. 1196. Л. 15.
[5] Там же. Ф. 587. Оп. 52. Д. 1114. Л. 961 об. – 962; Д. 1159. Л. 299.



Артефакт из коллекции А.Л. Чечухи

Но, по всей видимости, с 1890-х гг. семейство Паршиных начинает жить на два адреса, в Уфе и Москве, где Андрей Митрофанович по делам проводил много времени и снимал квартиры. Уфимская торговля процветает, регулярно реклама сообщала о новинках, с 1 июля 1890 г. при магазине А.М. Паршина открыта мастерская верхних дамских костюмов, управляла закройщица Баркан[1]. В 1891 г. в магазине Паршина получено трико и сукно фабрики Злоказова[2].

В 1890-е гг. Андрей Митрофанович начинает новый бизнес. Наверняка, в Москве он видел массовое строительство многоквартирных домов, а в Уфе после прихода «чугунки» в 1888 г. начался быстрый рост населения и, соответственно, спрос на современные, европейские магазины. Сохраняя мануфактурную торговлю, без сомнения, немалые накопления А.М. Паршин вкладывает в строительство.

На конец 1892 г. по спискам избирателей Уфимской городской думы купцу А.М. Паршину вообще не принадлежала никакая недвижимость. Зато за матушкой Евдокией (Авдотьей) Антоновной Паршиной числились три владения оценкой в 3000 (в первой), 3200 и 960 руб. (во второй части города)[3].

В 1893 г. А.М. Паршин покупает большое угловое место в самом центре Уфы у немца Якова Фокерода[4]. За несколько лет (точно до 1897 г.) Паршин выстроил парадную двухэтажную

[1] Уфимский листок объявлений и извещений. 1890. 2 июля.
[2] Там же. 1891. 18 февраля.
[3] Там же. 1890. 14 декабря.
[4] НА РБ. Ф. И-101. Оп. 1. Д. 544. Л. 182.

часть здания, выходящую на улицу Успенскую. Согласно раскладочной ведомости налогов на недвижимое имущество на 1897 г. на угловом участке Александровской и Успенской улиц в собственности чиновника Андрея Митрофановича Паршина находятся: деревянный дом с антресолями (колбасная) крытый железом, службы, крытые тёсом, каменный 2-хэтажный дом с магазином внизу и пристрой к нему каменный. Всё оценено в 10 тыс. руб. В Гостином дворе вдове купца Авдотье Ананьевне (надо Антоновне) Паршиной принадлежали две каменные лавки № 5 и 6 стоимостью в 3200 руб.

Само же многочисленное семейство Паршиных проживало на фамильной усадьбе по улице Базилевской. В 1897 г. там стояли деревянный крытый железом одноэтажный дом с антресолью, одна квартира (видимо, отдельное жильё), двухэтажный дом, лабаз, баня, имелся сад. Вся недвижимость оценкой в 3000 руб. числилась за купчихой Евдокией Антоновной Паршиной[1].

Летом 1896 г. появляется объявление: «Мануфактурный и меховой магазин А.М. Паршина переведён из гостинного двора в свой дом на площади, рядом с колбасной Нагель»[2]. Как раз в это время была выстроена двухэтажная часть нового дома (в советское время «Дом офицеров»). И, начиная с 1897 г., Андрей Митрофанович размещает рекламу своего нового магазина[3]:

---

[1] Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1698. Л. 21, 140, 163. Антресоль – дополнительный этаж (полуэтаж) внутри жилого помещения, верхняя часть высокой комнаты.

[2] Уфимский листок объявлений и извещений. 1896. 22 июля.

[3] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год / Под ред. Н.А. Озерова. Уфа, 1896. Рекламные объявления.

Объявленія Уфимскаго Адресъ-Календаря на 1897 г.

МАГАЗИНЪ
АНДРЕЯ ПАРШИНА

на площади въ собственномъ домѣ.

ИМѢЕТЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЕ ОТДѢЛЫ:

1) **МѢХОВОЙ**: лисьи, кенгуровые, енотовые, бѣльчьи, хорьковые и разные другія мѣха. Ергаки на разныхъ мѣхахъ. Воротники камчатскаго и польскаго бобра, песцовые, японской ильки, и друг. Мѣховыя дамскія шапочки, и муфты и разныя мѣховыя модныя отдѣлки.

2) ПОЛОТНЯННЫЙ: полотно разныхъ лучшихъ фабрикъ, скатерти, столовые приборы, тканьевыя одѣяла, и друг. полотняныя ткани.

3) **Суконный**: плюшъ, драпъ, трико для мужскихъ и дамскихъ костюмовъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

4) **Модный**: шелковыя матеріи: Аттоманъ, Сатинъ-Мервилье, Фай-Франсе, Радоли, Сабра и другія ткани. Шерстяныя матеріи: для платьевъ шевіотъ, бюръ, крепъ, могеръ и друг. и къ нимъ модныя шолковыя и плюшевыя отдѣлки.

5) **МЕБЕЛЬНЫЙ**: мебельныя матеріи, гардинскій тюль, ковры бархатные, персидскіе, бухарскіе, тюменскіе и другіе.

Кромѣ того всегда имѣется въ хорошемъ выборѣ сатинъ, ситецъ, модная бумазея и разныя бумажныя ткани.

При магазинѣ имѣется дамская мастерская спеціально верхнихъ дамскихъ костюмовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ МАНУФАКТУРНОЙ И МѢХОВОЙ ТОРГОВЛИ ИМѢЕТСЯ ВЪ Г. СТЕРЛИТАМАКѢ.

А. Паршинъ.

Покупателям предлагался обширный ассортимент мехов и меховых изделий (ергаки – сибирские дохи), обширный выбор тканей, включая на обивку мебели, продолжала работать мастерская верхней дамской одежды. Наконец, у Паршина имелось отделение в Стерлитамаке. Более того, Андрей Митрофанович задумывает создать на этом месте целый комплекс и в 1902 г. Паршин берёт разрешение в Уфимской городской управе на строительство 3-хэтажного каменного дома на углу Большой Успенской и Александровской улиц[1], пристраивает большое кирпичное трёхэтажное угловое здание, предназначенное под гос-

[1] НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 663. Л. 49 об.

тиницу. В январе 1904 г. начала принимать постояльцев «Большая Сибирская гостиница», реклама в 1905 г.[1]:

ОБЪЯВЛЕНІЯ УФИМСКАГО АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЯ.

ВЪ УФѢ,

открытая съ Января 1904 г.

на углу Александровск. и Успенской ул., въ д. А. М. Паршина,

„БОЛЬШАЯ СИБИРСКАЯ ГОСТИННИЦА,"

помѣщающаяся во вновь выстроенномъ домѣ,

имѣющая до 50 номеровъ. Номера и ресторанъ роскошно обставлены.

Номера сдаются посуточно отъ 1 р. и дороже.

Въ ресторанахъ названныхъ гостинницъ цѣны умѣренныя, разнообразный прейсъ-курантъ винамъ и кушаньямъ.

Кухни подъ наблюденіемъ Московскихъ поваровъ. Билліарды, телефонное сообщеніе, электрическое освѣщеніе и ванны.

На станціяхъ и пароходныхъ пристаняхъ коммиссіонеры.

ПРИ НОМЕРАХЪ ГОСТИННИЦЫ ИМѢЕТСЯ ПЕРВОКЛАССНАЯ ПАРИКМАХЕРСКАЯ.

Владельцем гостиницы «Большой Сибирской» было «Уральское товарищество гостиниц и ресторанов», распорядитель Дмитрий Егорович Кляузников. Газета «Уфимские губернские ведомости» сообщала в 1904 г.: «В специально выстроенном доме Андрея Митрофановича Паршина, угол Александровской и Успенской улиц, в январе 1904 года в городе Уфе открывается гостиница. При гостинице 50 роскошно обставленных нумеров от 70 коп. до 4 руб. Электрическое освещение. Водяное отопление. Подъемная машина. Ванны. Парикмахерская. Кухня под управлением московскаго повара. Роскошный двухсветный концертный зал. Отдельные семейные кабинеты, бильярд фабрики Шульц и Фроберг. Телефон № 59. Обстановка всей гостиницы производится В.К. Головкиным в Самаре. – Дмитрий Кляузников». Сам Д.Е. Кляузников проживал в доме Паршина на

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1905 год. Уфа, 1904. Рекламные объявления.

Александровской улице[1].

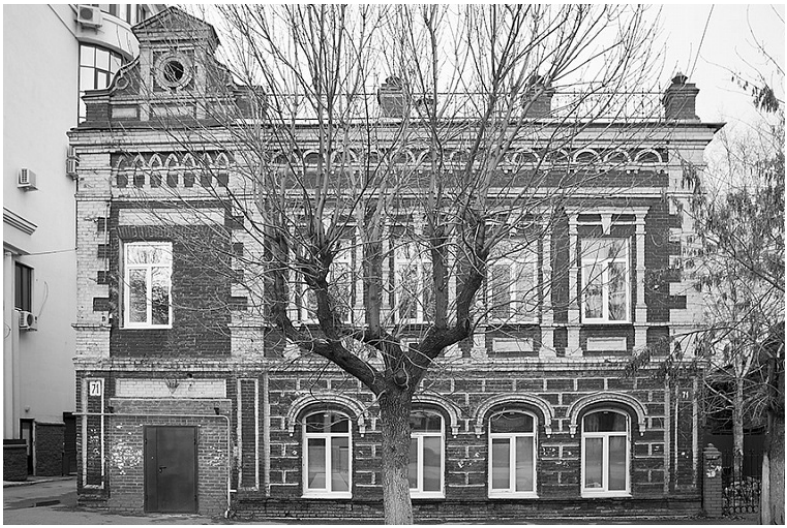
Выше вид на здание А.М. Паршина, фотографии Николая Фосса (начало XX в.) и Андрея В. с сайта «PhotoBuildings. Архитектурная фотобаза» (современный снимок), бывшие Большая Сибирская гостиница, Дом офицеров (угол улиц Александровская, 12 и Большая Успенская, 41 (совр. К. Маркса, 14 и Коммунистическая, 43).

Это была одна из самых больших и фешенебельных гостиниц Уфы, имелся даже «автомобиль для разъезда по г. Уфе и за город, до вокзала и пароходных пристаней по умеренной таксе»,

[1] РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 1021. Л. 5.

«езда ночью и за город по соглашению»[1]. По оценке на 1912 г. стоимость этой недвижимости составляла 141 417 руб.[2] Дом и поныне является украшением исторического центра Уфы, о нём говорится во всех краеведческих изданиях[3]. Можно предположить, что в его архитектуре сказались культурные вкусы Варвары Дмитриевны Паршиной.

Паршин постройкой гостиницы не ограничился. Он решает построить ещё один доходный дом. 17 ноября 1905 г. покупает участок в 280 кв. саж. у наследников купца А.Е. Брусянина на ул. Малой Казанской, 49. Здесь он выстроил ещё один каменный двухэтажный дом, который тоже сохранился, современный адрес: ул. Свердлова, дом 71.



При взгляде на эту постройку сразу бросается в глаза, что хозяин, видимо, планировал достраивать левую часть, но по какой-то причине не стал или не успел.

Согласно уфимским справочникам, Андрей Митрофанович Паршин в конце XIX в. – один из видных общественных деятелей, неоднократно избирался депутатом (гласным) Уфимской городской думы (с 1883 по 1896 гг.), причём на выборах в конце

---

[1] Уфимский край. 1912. 27 мая.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1912. 17 марта.

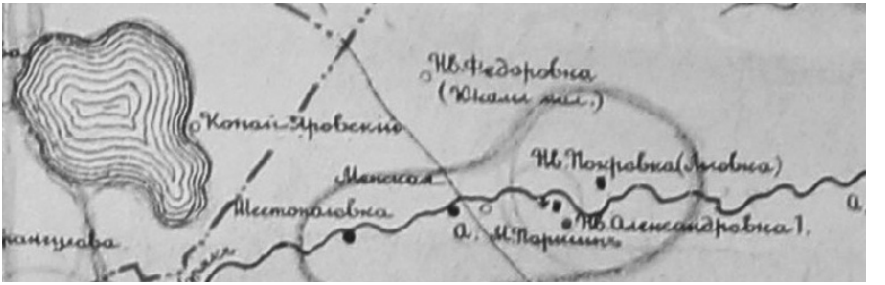
[3] См., напр. *Ясенев Михаил [Чечуха А.Л.].* «Большая Сибирская» гостиница // Уфа: страницы истории. Книга первая / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 199–200; *Егоров П., Чечуха А.* Путеводитель по исторической части Уфы. Уфа, 2017. С. 73; мн. др.

1890 г. единственный получил 25 голосов из 25 возможных, обогнав всех «зубров» уфимского купечества[1].

На 1889 г. он также гласный Губернского и Уфимского уездного земства, член Губернского податного присутствия от города (по 1900 г.), почётный мировой судья Уфимского округа (в 1890-е гг.), в Городском общественном банке кандидат к директору (замещающий должность, по 1899 г.), в 1896–1899 г. входил в Попечительный совет Мариинской женской гимназии. При этом он губернский секретарь и купец 2-й гильдии.

Избрание в земство свидетельствовало, что Паршины покупали землю. В конце 1890-х гг. в Казангуловской волости Белебеевского уезда находилось имение купчихи Е.А. Паршиной площадью 1020,22 дес. Здесь имелась усадьба в полторы десятины, выгон (76,75 дес.), пашня (567,42), покосы (359,5), неудобья (15,22 дес.)[2]. Очевидно, велось крупное сельскохозяйственное производство, а в усадьбе, она лежала недалеко от железнодорожной станции Давлеканово, вероятно летом отдыхало многочисленное семейство.

Впоследствии сын и дочь поделили имение. На 1912 г. в Казангуловской волости возле деревни Мена, на самом берегу речки Аслиудряк, недалеко от озера Асликуль находилось поместье А.М. Паршина (около совр. дер. Александровки). Усадьба была очень большая, даже попала на карту 1913 г.:



Андрею Митрофановичу досталось 508,75 дес. земли, но вся пашня (395 дес.) и сенокосы (95 дес.) сдавались в аренду. Хозяева там не жили, но собственность не продали (усадьба – 7 дес.). Сестре, Александре Митрофановне Черновой отошло тоже 508,75 дес. Вот она серьёзно занималась сельским хозяйством, дополнительно арендовала на 1912 г. 498 дес. (не у брата ли?),

[1] Уфимские губернские ведомости. 1890. 22 декабря.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII ч. II. Уфа, 1901. С. 464–465.

засевала 652 дес. (500 пшеницы, по 50 ржи, гречи и льна), держала 187 голов скота (в том числе 18 волов и 74 лошади). Имелась также обширная усадьба на площади в 8 дес.[1]

Весной 1913 г. извещали, что с 20 по 23 мая в имении А.М. Сосновцевой-Черновой (бывш. Паршина) в 18 верстах от станции Давлеканово «будет производиться работа лемешными и дисковыми плугами, как и показаны способы соединения трактора с сеялками, сноповязалками, молотилками и т. д.» На поле выйдут трактора (самоходы) компании Маккормик[2].

Но к 1901 г. Андрей Митрофанович Паршин (ему всего 46 лет) уходит со всех общественных должностей в Уфе, исчезает из справочников. Семья окончательно перебирается в Москву, уфимскими активами руководят управляющие, да и дети выросли, надо позаботиться о хорошем образовании. Когда 13 июня 1900 г. на заседании городской думы Паршин заявил, что ввиду частого отсутствия в Уфе он не сможет принимать «фактического участия» в заседаниях водопроводной комиссии, членом которой состоял, его попросили не отказываться от занятий в ней хотя бы во время пребывания в Уфе[3].

К тому времени А.М. Паршин стал уже почти столичным жителем, сохранились воспоминания уфимцев о московских встречах. Андрей Митрофанович имел связи в политических, хозяйственных кругах и даже среди творческой интеллигенции. Примерно, за 1889 г. художник М.В. Нестеров вспоминал как любители живописи смотрели в его мастерской новые работы. «Один А. М. П. – купец с университетским образованием и большим самомнением, хотя и неглупый, забавно и цинично вышутил бедного "Варфоломея"»[4]. В 1892–1893 гг. Михаил Васильевич Нестеров писал родным из Москвы:

«На другой день после визита Виктора Михайловича я был с Паршиным в галерее, после осмотра которой я уговорился с Ап. Васнецовым показать ему картину. Уходя из галереи, по просьбе Третьякова передал ему свой адрес, отправился с Паршиным домой, куда вечером пришел и А. Васнецов.

Посмотрел картину, и она ему не пришлась по сердцу, что он и высказал вслух (к немалому удовольствию Паршина. Он, как хороший наблюдатель, видит, что дал маху, пригласив его, и был доволен моим смущением) [...]

---

[1] Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 27, 30–33.

[2] *Роднов М.И.* Первые уфимские авто. Уфа, 2018. С. 131.

[3] Журналы Уфимской городской думы 1900 г. Уфа, 1901. С. 120.

[4] *Нестеров М.В.* Давние дни. (Воспоминания, очерки, письма). Уфа, 1986. С. 119.

Вчера вечером у меня собрались человек до десяти художников. Был Виктор Михайлович, пригласил я и Паршина. Вечер прошёл довольно оживленно – немножко выпили и разошлись в первом часу [...] Воскресенье всё прошло в разговорах и спорах. Утром пришёл Паршин, с которым проболтали часов до двенадцати [...]»[1]. Отметим, что Андрей Митрофанович был «на короткой ноге» с великим художником.

В 1895 г. супруга Уфимского головы В.А. Маллеева в письме из Петербурга приводила выражение Андрея Митрофановича: «мы переживаем по выражению Паршина эпоху рубля». В январе 1895 г. в Санкт-Петербург приезжает Паршин, уфимский городской голова А.А. Маллеев в письме дочери сообщает подробности. «Паршин ехал из Москвы с Полторацким, Казанским губернатором. Рассказывая разные разности о Керенском Полторацкому; последнего так поразило, что тот даже отказывался верить. Пётр Алексеевич пожимал плечами и неоднократно повторял, что ведь это почти несбыточно! Паршин говорил, хорошо мне, человеку независимому [...] Папа вчера завтракал у Жуковского, а сегодня отправился вместе с Паршиным обедать в Европейскую гостиницу»[2].

Купец А.М. Паршин едет в одном купе с Казанским губернатором, обсуждает интриги уфимских чиновников, обедает (и, вероятно, живёт) в одной из самых роскошных гостиниц Санкт-Петербурга на Михайловской улице. Он вхож в высшие слои общества, скорее всего, он уже месяцами находится в столицах.

И в начале 1900-х гг. семейство Паршиных перебирается на жительство в Москву. Поселились они на Остоженке 7, в доме Варваринского Акционерного Общества, судя по справочникам Суворина «Вся Москва», проживали там с 1902 по 1918 г. Это сохранившийся до наших дней архитектурный комплекс, состоящий из двух зданий, имеет адрес Остоженка, 7 / 2-й Обыденский переулок, 15 / Пожарский переулок, 12 в современных названиях. Пожарский переулок ранее назывался Савеловским.

Важной причиной переезда в Москву стало образование детей. В.Д. Паршина хотела для старших дочерей Екатерины и Софьи музыкальной карьеры. Графиня Толстая вспоминала, что Варвара Дмитриевна «приготовила в Московскую консерваторию своих дочерей Катю и Соню: обе были приняты в класс фортепиано проф. Ярошевского, но впоследствии перешли в класс пения (Софья Андреевна кончила консерваторию). Сын

---

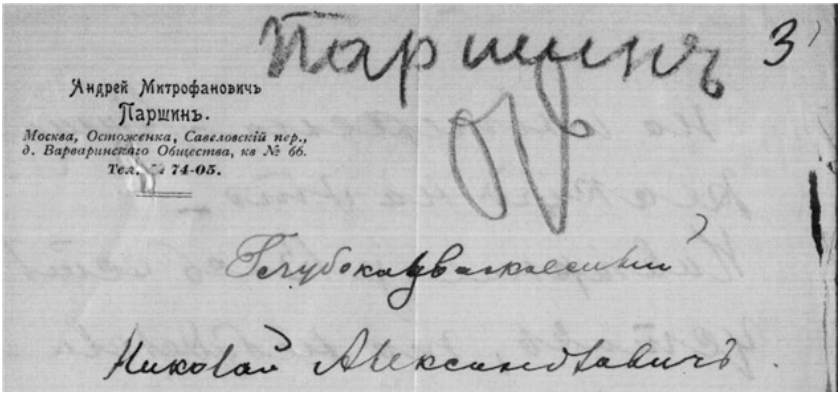
[1] *Нестеров М.В.* Письма. Избранное. Л., 1988. С. 83–85, 100.

[2] *Агеева Маргарита.* Уфимский городской голова Александр Маллеев: История в письмах. Уфа, 2020. С. 317, 320.

Варвары Дмитриевны Николай (драматический баритон) был принят в Московскую консерваторию стипендиатом, но не окончил её. Никогда не занимаясь музыкой серьёзно, Коля Паршин с листа играл на двух роялях со старшей ученицей профессора Игумнова»[1].

Для Марии Андреевны Паршиной в 1904 г. взяли копию метрики «по отношению частной женской гимназии г. Москвы»[2]. Константин до поступления на математический факультет Московского университета (обучался с 1910 по 1914 г.) закончил в 1909 г. Московское реальное училище Мазинга[3].

Большая семья Паршиных проживала в Москве на Остоженке, 7. Именно это адрес указан на письме Андрея Митрофановича академику Морозову (фото ниже). Обратим внимание на номер квартиры – 66!


Паршинъ 3

Андрей Митрофановичъ
Паршинъ.
Москва, Остоженка, Савеловскій пер.,
д. Варваринскаго Общества, кв № 66.
Тел. № 74-05.

Глубокоуважаемый
Николай Александровичъ.

Это был один из элитных современных со всеми коммунальными удобствами жилых комплексов дореволюционной Москвы. Ниже – строения на Остоженке, фотография Сергея Балашова (ноябрь 2019 г.).

---

[1] *Толстая Екатерина.* Указ. соч. С. 185.
[2] НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 28.
[3] *Роднов М.И.* Уфимские студенты в Московском университете // Река времени. 2019 / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2019. С. 109, 110, 114, 116.

Пожарский переулок, 12

Остоженка, 7

В статье москвоведа Владимира Александровича Бессонова содержатся интересные сведения об обитателях дома. Соседями Паршиных были инженер В.Г. Шухов (1903–1905), профессор Московской консерватории А.А. Ярошевский (1906–1911), писатель И.Г. Эренбург (до 1908 г.), профессор Московского университета А.И. Абрикосов, биолог Н.К. Кольцов (1914–1924) и др.

В своей статье Бессонов пишет: «В квартире же 66 с 1900 по 1918 год обитал социолог Андрей Митрофанович Паршин (1856–?). Названия его печатных работ (некоторые – под псевдонимом А. Зниковец) говорят сами за себя: "Логика Космоса", "Что такое государство?", "Школьное образование", "Классическое образование как фактор падения дворянского сословия", "Бывшая Россия: наше прошлое"…

После революции квартира № 66 стала коммунальной. В 1920-х гг. одну из комнат занимал филолог Николай Николаевич Лямин (1892–1942). У него собирались члены литературного кружка, бывал и Михаил Афанасьевич Булгаков. "Ранняя редакция главы романа «Мастер и Маргарита" о валютчиках, по свидетельству Е.С. Булгаковой, была озвучена в сентябре 1933 года именно здесь. На страницах "Мастера и Маргариты" дом фигурирует под номером 13; название "унылого, гадкого и скупо освещённого" переулка, где дом расположен, не указано. В ранних редакциях находим точный адрес: "Обернувшись, Иванушка

увидел, что он уже на Остоженке в Савёловском переулке. Неизвестный вошёл в подъезд дома № 12". Сохранилось описание обстановки, в которой это происходило: "У Ляминых в комнате был большой удивительно красивый камин, и в холодную московскую зиму, когда в квартирах топили плохо и было всегда холодно, именно к Ляминым собирались для литературных чтений, да и для других событий. Набиралось до тридцати гостей, батареи грели, в комнате с очень высоким потолком было всегда тепло, уютно. Стояла стильная мебель"»[1]. Вполне вероятно, это описание обстановки квартиры купца А.М. Паршина.

Семья Паршиных существовала главным образом на доходы из Уфы (магазин, гостиница, сдача квартир, имение), но и в Москве Андрей Митрофанович участвовал в бизнесе. По справочным книжкам «Вся Москва» известно, что в 1905–1907 гг. губернский секретарь Паршин служил в акционерном обществе «Пахарь». Фирма была учреждена известным правым славянофилом С.Ф. Шараповым в 1902 г. на базе «Сосновской мастерской С.Ф. Шарапова» в Смоленской губернии, уставной капитал 100 тыс. руб., правление в Москве. Планировалось выпускать плуги и другую сельскохозяйственную технику и даже экспортировать их. Однако предприятие не стало успешным, плуги плохо продавались, в мае 1910 г. «Пахарь» был объявлен банкротом, имущество продали с торгов[2].

Большой семье для отдыха требовалась дача, ездить в имение в Уфимскую губернию было далеко, около 1907 г. Паршины на имя Варвары Дмитриевны покупают участок земли в Новом Симеизе на Южном берегу Крыма.

По сведениям М.М. Петровой, «участок № 43, площадью 422 кв. саж. до 1907 г. приобрела жена губернского секретаря Варвара Дмитриевна Паршина. Автором проекта и строителем был также Я.П. Семёнов. В ней насчитывалось 15 комнат, которые также сдавались внаём. Элементы неоклассицизма, столь характерные для этого архитектора, прослеживаются и во внешнем облике»[3].

Паршины обратились к военному инженеру Якову Петровичу Семёнову, который и распланировал дачный посёлок «Новый Симеиз», руководил продажей участков с 1902 г., проектировал и строил многие дачи (18 из 38). Паршины купили землю немного выше виллы «Ксения», от которой сейчас начинается

---

[1] Московский журнал. № 8. Август 2020. С. 47.

[2] См.: *Суслов М.Д.* Неославянофилы в борьбе с реформами С.Ю. Витте: экономическая утопия Сергея Шарапова // Вестник Пермского университета. 2009. № 2.

[3] *Петрова М.М.* Указ. соч. С. 117–118.

главный прогулочный проспект Симеиза. В крымском краеведении подчёркивается музыкальной образование В.Д. Паршиной, что она «несколько лет возглавляла правление Общества любителей музыки», которую преподавала самому Ф.И. Шаляпину. В 1920 г. дача Паршина была национализирована и вошла в состав санатория «Красный маяк»[1]. Далее фото из центральной библиотеки Симферополя.

В. Д. Паршиной.

Все годы после переезда в Москву Андрей Митрофанович Паршин поддерживал с Уфой только деловые контакты. Он сотрудничал с возникшей в 1905 г. Уфимской товарной биржей, в 1906 и 1907 г. его от биржи выдвигали в выборщики в Государственный Совет. В 1906 г. он приезжает в Уфу и рассказывает о выборах, съезде промышленности и торговли в Санкт-Петербурге. С 1908 по 1913 гг. А.М. Паршин состоял членом Уфимской биржи, но лично её не посещал, его интересы представлял родственник Е.В. Чернов[2]. В уфимском филиале Волжско-Камского банка текущие счета А.М. Паршин держал, но по-

[1] *Краснолуцкий А.Ю.* Указ. соч. С. 110, 131.
[2] *Роднов М.И.* Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа, 2016. С. 60, 88,

сле 1905 г., когда оплатил сделки на 12,1 тыс. руб.[1], там лежали остатки, никаких операций не проводилось.

В годы Первой мировой войны поставки из Москвы дорогих тканей и мехов резко сократились и Андрей Митрофанович закрывает свой знаменитый магазин. Пресса извещала: «Магазин А.М. Паршина окончательно ликвидируется и с 1 января [1917 г.] прекратит своё существование. Население будет очень жалеть об этом мануфактурном магазине лучшем и добросовестнейшем в городе»[2].

Гостиница просуществовала ещё год. По справочнику на 1911 г. тут располагалось Соединённое собрание с библиотекой и театральной сценой, действовал кинотеатр (электротеатр) «Вулкан». В 1916 г. в доме Паршина на Александровской функционировал Новый Клуб[3]. С этим красивым и известным домом с комфортабельными номерами связано немало исторических событий. А начались они 20 декабря 1905 г., когда на проживавшего в доме Паршина исполнявшего обязанности Уфимского губернатора Аркадия Ипполитовича Келеповского прямо здесь, в театре революционеры совершили покушение (он получил тяжёлое ранение тремя пулями)[4].

В эти предгрозовые годы интересы Андрея Митрофановича лежали далеко от бизнеса. Он увлёкся … социологией и философией! Планетарные потрясения начала XX в., породившие Первую мировую войну и серию революций (в России, Мексике, Китае, Германии, др.), заставили многих мыслителей обратиться к вопросам закономерностей исторического процесса.

Уже немолодой купец с высшим образованием, с юности интересовавшийся науками, А.М. Паршин тоже пытался разгадать тайны судьбы человечества. Его взгляды были созвучны дилетантским рассуждениям революционера Николая Александровича Морозова (1854–1946), около тридцати лет просидевшего в царских тюрьмах, на свободе издавал научно-популярные книги, где соединял историю культуры и естествознания, пытаясь вывести какие-то непреложные закономерности.

Андрей Митрофанович Паршин переписывался с Н.А. Морозовым (сохранились два письма в архиве последнего)[5]. Некоторые современные исследователи считают, что А.М. Паршин

---

[1] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1216. Л. 125.

[2] Уфимский вестник. 1916. 29 декабря.

[3] Записная книжка для чинов Уфимской Городской полиции. На 1916 год. Уфа, 1916. С. 14.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1905. 22 декабря.

[5] См.: сайт Российской академии наук (https: // www. ras. ru / namorozovarchive/about.aspx?ysclid=le01sw7czv378043692.

предложил оригинальный вариант органицистской теории, изучая «основные законы эволюции и соотношения органического мира с неорганическим», сравнивая государство и организмы естественного мира[1]. Мы не можем давать оценку творчеству А.М. Паршина, но он оставил изрядное литературное наследие.

У богатого купца, естественно, не было проблем с деньгами, чтобы издать свои опусы. И в 1905 г. в московской типографии товарищества И.М. Машистова выходят его первые сочинения почему-то о судьбах российского дворянства[2] и государства[3], в революцию, видимо, Паршина заинтересовала судьба правящего сословия, «рыба тухнет с головы».

Видимо, передав дело покупки и обустройства дачи в Симеизе супруге, купец с головой погрузился в сочинительство и в 1907 г. в столичной типо-литографии Владимира Чичерина выходят два солидных труда снова о сущности государства и социологии[4]. Взгляды А.М. Паршина в 1907 г. были достаточно радикальны. «В настоящее время мы переживаем тот исторический момент, когда государственная и общественная жизнь Российской Империи вступает в новую фазу. Старые формы её строения изжиты и должны быть заменены новыми. Для этого необходимо определить исторический смысл и значение Российской Империи. Я несколько лет мыслил в этом направлении и пришёл к выводам, которые, на мой взгляд, должны быть руководящими началами общественной и государственной жизни». Ни больше и ни меньше. Книжка имеет эпиграф: «Этот труд посвящается Российской молодёжи». И далее: «Ошибочный путь последних десятилетий исторического шествия России целиком упал на жизнь молодого поколения… Молодые люди, сбитые с толку дегенеративным направлением нашей общественной и государственной жизни, ломали и портили свою жизнь»[5].

К 1907 г. государство Российское устояло и Андрей Митро-

---

[1] См.: *Тимошенко В.И.* Теория государства в политико-правовой мысли Украины и России (конец XIX – начало XX вв.). Чернигов, 2014.

[2] *Паршин А.М.* Классическое образование, как фактор падения дворянского сословия. М., 1905. 16 с.; *Паршин А.М.* Социологический этюд: [С схематическими чертежами]: Эволюция правящих органов и значение дворянства современной России. М., 1905. 95 с.

[3] *Паршин А.М.* Основы государственности в применении к современной России. М., 1905. 22 с.

[4] *Паршин А.М.* Что такое государство?: (Научное исследование природы государства). М., 1907. 217 с.; *Паршин А.М.* Научный фундамент социологии: Ч. 1: Содержание науки социологии; Гносеологические соображения; Теория явлений; Приложение теории явления к органическому миру. М., 1907. 216 с.

[5] *Паршин А.М.* Что такое государство? С. 7.

фанович увлёкся наукой социологией. Книжная продукция уфимского купца продавалась, но, естественно, Андрей Митрофанович занимался сочинительством не с целью заработка. На 1917 г. (список приведён в конце издания Паршина, в скобках даются, видимо, пояснения читателю) оставались нереализованными книжки «Социологический этюд» по 75 коп., «Что такое Государство (Биологическое определение Государства)» за полтора целковых и «Научный фундамент Социологии (Дедуктивное определение сущности органической жизни)» по два рубля. Судя по тому, что книжки имелись в продаже через 12 лет, восторга у читающей публики они не вызвали.

В 1909 г. выходит небольшое сочинение[1] за 75 коп. Купеческая психология оставалась неизменной. Хотя, без сомнения, автор понимал, что все его книжки рассчитаны на весьма узкий круг читателей, они поступали в продажу. А в 1910 г. под псевдонимом Зниковец Андрей Митрофанович выпустил небольшую брошюрку о «логике космоса»[2]. Именно тогда Паршин устанавливает контакты с Н.А. Морозовым, познакомился с ним в Москве, где Морозов читал свои опусы (ранее они не контактировали, в первом письме Паршин даже ошибся с отчеством).

А.М. Паршин послал ему «последний свой труд – первый программный выпуск Логики Космоса под псевдонимом А. Зниковец. Мои работы до сих пор ещё не подвергались ни какому разбору и потому я просил бы Вас уделить им своё внимание. Из чтения первого выпуска Вы увидите, что мной задумана обширная мировая работа. Приняв во внимание, что мне уже 54 года, я заранее сознаю, что без посторонней помощи мне её не довести до конца».

Далее в письме Паршин излагает свои взгляды на космос, социологию и государство. Он сообщает, что над первым сочинением «Социологический этюд» начал работать в 1904 г. «с наивным желанием так или иначе помочь своей родине». Если Морозов заинтересуется, Паршин обещал приехать в Петербург[3]. Н.А. Морозов сохранил два письма Паршина в своём архиве, они встречались в Петербурге.

Из переписки очевидно, что сочинения Паршина вообще никого в науке не заинтересовали, не было даже критики. Любопытно появление псевдонима. Обычно пишущие брали псевдоним в начале творческого пути, стесняясь своего дебюта, а тут наоборот.

---

[1] *Паршин А.М.* Реальное значение термина «сила» и закон сохранения энергии, как «космическое начало». М., 1909. 52 с.

[2] *Зниковец А.* Логика космоса: (Высшая наука). Вып. 1. М., 1910. 22 с.

[3] АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1398. Л. 1 и об.

По всей видимости, А.М. Паршин выпускал свои сочинения маленькими тиражами за свой счёт. В библиографических указателях отсутствует пара книжек: «Россия и пути прогресса» (1912 г., 60 коп.) и «Человек и его психика с энергетической точки зрения» (1914 г., 1 руб. 50 коп. ценой).

Но в целом в 1910-е гг. энтузиазм у Андрея Митрофановича угас, к столу тянуло меньше. Пробудила его Первая мировая война. Всё-таки источником творчества Паршина было стремление как-то помочь свой Родине и патриотизм перед угрозой нашествия тевтонов вспыхнул с новой силой. В 1915–1917 гг. он публикует несколько брошюр на злобу дня[1]. Кроме того он выпустил и продавал за 30 и 50 коп. сочинение: «Схема органического процесса – распространение на земле человеческой жизни (Приложение к неизданной работе: Европейская война 1914–1917 гг.)». Философические и космические этюды не забыты.

А тут грянула революция. Крах самодержавия и воцарившаяся вакханалия стимулировали творческий процесс. В 1917 г. выходит, видимо, большая книга (в продаже за 3 руб., хотя может инфляция сказалась) «Научная религия. Опыт научного разрешения вопросов общественной и государственной жизни. (Энергетическая точка зрения)». В библиотеки она не попала, но Паршин привёл подробное содержание: Последняя цитадель зверя. Основные законы земной жизни людей. Научное подтверждение незыблемости Евангельских истин. Главные стадии распространения на земле человека. Будущее человечества. Умозрение. Земельный вопрос и восьмичасовой труд. Политические формулы. О государстве. Социализм. Национализм, интернационализм и сепартизм [так в источнике – *авт.*] и империализм. Религия. Министерство смены поколений.

В творчестве А.М. Паршина усиливаются религиозные мотивы, что отразила небольшая, в 15 страниц, книга стихов, причём предисловие подписано: «А. Паршин. 2 июня 1917 г. Д. Армия». И книжка вышла в Пскове (инициалы указаны не точно, но это работа Андрея Митрофановича, в конце приведён список его трудов, который выше цитировался). Вряд ли А.М. Паршин пошёл на фронт, скорее всего, участвовал в благотворительной помощи. А сами стихи свидетельствуют о духовных исканиях автора, вместо критики «дегенеративной» власти обращение к христианским ценностям. Революции хорошо отрезвляют.

---

[1] *Паршин А.М.* Англия как пример для экономического возрождения России. М., 1915. 23 с.; *Зниковец А.* Германия, Германия выше всех... Так ли? М., 1916. 8 с.; *Паршин А.М.* Школьное дело России: [Вып. 1]. М., 1916. 202 с.; *Паршин А.М.* Научная религия: (Война с естественнонаучной, религиозной точки зрения и перспективы человеческого будущего). М., 1917. 170 с.

Опомнись и поднимись Русь великая!

Русь великая, православная, что с тобою случилося?

Не узнать тебя, сердечная, уж, больно, ты изменилася.

Что стоишь на распутье угрюмая и унылая,

Иль от трудов непосильных расхворалась родимая?

От обид-ли своих глупых детушек разстроилась милая?

Иль от свободушки молодой жизнь твоя стала постылая?

[...]

Оставлены порядки хорошие, обычаи старые, русские,

Всего русского чуждаяся, пошатнула ты устои славянские.

Подражая во многом немецким учителям, увлекаясь их затеями,

Заразилась ты от них вредными, для души своей, идеями:

Перестала в церковь Божию похаживать, дела добрые поделывать.

Научившись лжи и предательству, по стопам сатаны стала следовать.

Над людьми религиозными ты шутила и смеялася;

Проходя мимо храмов Божиих, перекреститься стыдилася;

Садясь за стол, для принятия пищи и пития, не крестилася.

Дома же, беззаботная, ни утром, ни вечером, Богу не молилася.

[...]

Неразумные атеисты, космополиты проклятые, слова Божия ругатели.

Люди хитрые, умов слабых соблазнители, православия рушители.

Оттого и пошли несогласия, зависть и рознь, дела умапомрачения.

Вместо братской любви, единения и христианского всепрощения [...][1]

Семейство Паршиных остаётся в столице. В 1918 г. в типографии «Московское издательство» выходят две последних небольших книжечки А.М. Паршина о судьбах России[2], тратил свои сбережения в условиях экономического хаоса.

Дальше судьба разбросала членов семьи уфимского купца, следы Паршиных теряются. По слухам, сам Андрей Митрофанович исчез где-то в Сибири[3]. По воспоминаниям упомянутой выше Е.А. Толстой, «уже глубокой старушкой (в 1939 году) Варвара

---

[1] *Паршин А.Н.* Опомнись и поднимись Русь великая! Псков, 1917. С. 5, 7.

[2] *Паршин А.М.* Настоящее России: (Наши государственные ошибки). М., 1918. 37 с.; *Паршин А.М.* Бывшая Россия: (Наше прошлое). М., 1918.

[3] *Иванова Э.* По каплям собираю прошлое, пред вечными в долгу // Судеб связующая нить / Сост. Г.А. Иксанова. Уфа, 2006. С. 101.

Дмитриевна Паршина давала уроки музыки в Москве»[1]. По записи в метрической книге, в 1941 г. архив выдал в Москву копию о рождении Екатерины Андреевны Паршиной. Младший сын Паршиных Владимир Андреевич в сентябре 1941 г. был репрессирован, проживал на тот момент во Владимире: «род. 1893. г. Уфа, Башкирия. Слесарь. Арестован 23.09.1941. Осуждён к расстрелу»[2], впоследствии реабилитирован.

История уфимских купцов Паршиных в общем типична для последнего этапа Российской империи. Выходцы из шустрых вязниковцев, они создали успешный бизнес в Уфе, знаменитый мануфактурный магазин работал до 1917 г., а здание бывшей «Сибирской гостиницы» поныне украшение уфимского центра.

Созданные накопления позволили Андрею Митрофановичу Паршину получить хорошее образование. Он успешно продолжил семейное торговое дело, но в глубине души стремился к интеллектуальной деятельности. И когда семья перебралась в Москву, а поступавших из Уфы денег вполне хватало на роскошную квартиру в центре столицы и дачу в Симеизе, А.М. Паршин увлёкся сочинительством. Под стать была супруга. Варвара Дмитриевна Паршина была одним из организаторов музыкальной жизни Уфы, несомненно её художественное влияние на архитектурный облик уфимских построек Паршиных, а дача В.Д. Паршиной в Симеизе упоминается во всех туристических справочниках Южного берега Крыма.

---

[1] *Толстая Екатерина.* Указ. соч. С. 185.

[2] Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Т. 1 (https://bessmertnybarak.ru/books/Vladimir_1/page-1/).

И.В. Данилов, М.И. Роднов

История уфимских часов

Время. Неумолимое и стремительное, оно определяет весь ход истории – науки о переменах. Время не подвластно человеку, он может лишь им распорядиться, с умом или нет. Люди научились измерять время, для чего с древности были изобретены самые разнообразные часы (солнечные, водяные и пр.).

Механические часы появились в Западной Европе к XIV в. и быстро стали распространяться в виде башенных часов, а затем часов индивидуального пользования (настенные, настольные, карманные с XVII в.) разных принципов действия (пружинные, маятниковые, др.), а также предназначенных для хозяйственного использования (хронометры, пр.)[1].

В Московском царстве первые часы были установлены в московском Кремле афонским монахом в 1404 г., затем башенные часы появились во многих городах и монастырях, к XVII в. их имели даже отдалённые Тобольск и Енисейск. Часами, включая карманные, обзаводились члены царской семьи, придворные, знать. С XVIII в. в Россию хлынул поток западноевропейских часов, которые стали нормой в дворянском быту. Появляются первые отечественные часовые мануфактуры. В XIX в. часовое дело в России приобрело большие масштабы[2], хотя литература крайне скудная, даже в энциклопедических словарях говорится только о часовых механизмах, история часового дела в России почти не упоминается[3].

В Уфе часы стали достаточно массовым явлением уже в XVIII в., наверняка, имелись какие-то крупные часы в официальных учреждениях. Источники донесли точное измерение времени, например, в Уфимском летописце сообщалось, что «в 1759 году Мая 6 дня по полудни во втором часу» в Уфе случился сильный пожар, 11 июня 1793 г. «по полудни в 9 часу» от удара молнии сгорела Троицкая церковь[4].

---

[1] См.: *Пипуныров В.Н.* История часов с древнейших времён до наших дней. М., 1982.

[2] См.: *Чайкин К.Ю.* Часовое дело в России. Мастера и хранители. СПб., 2012.

[3] См.: *Лермантов В.* Часы // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXXVIII. Цензурный Комитет – Человек. СПб., 1903. С. 420–442; *Grossmann M.* (перевод с рукописи). Часы // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд-е 7. Т. 45, ч. 3. Христианстад – Чета. М., б. г. Стб. 616–630.

[4] И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 83, 93–94.

В Уфе до 1797 г., на случай приезда Государыни, находился императорский трон, при отправке ценных материалов в Санкт-Петербург выяснилось, что в Уфимском уездном казначействе хранились принадлежащие трону «золотые часы»[1].

Большие напольные или настенные часы с маятником и громким боем, наверняка, стояли в основных организациях. Заведующий уфимским реальным училищем И.П. Сосфенов в 1850 г. отправлялся с попутчиками в Благовещенский завод: «Пробило два с половиною часа по полудни». Часы имелись у сельских властей, в статье про татарскую (мишарскую) деревню Удрякбаш тот же Сосфенов сообщал: «Четыре часа пробило на стенных часах Кантонного Начальника»[2]. В описи имущества умершего начальника 25-го кантона И.И. Умитбаева в 1861 г. присутствуют серебряные часы подержанные стоимостью 8 руб.[3]

С другой стороны, можно предположить, что уже к концу XVIII в. были распространены карманные часы. При описании обороны Уфы от пугачёвцев в 1773–1774 гг. часто фиксируется точное время: «11-го числа декабря пополудни во втором на десять часу», или «12-го числа пополудни в 8-м часу»[4]. Время очевидцы замечали по часам, возможно, не стационарным.

В мемуарах семьи Ребелинских указывается точное время: «Сего числа пополудни, в 11 часов скончался любезный мой родитель. [...] В 10-м часу по полуночи собрались в доме»[5], где могли находиться напольные, настенные или карманные часы.

Естественно, часы были очень дороги, их приобретали состоятельные дворяне, купцы, чиновники. После смерти в 1823 г. владельца горных заводов, проживавшего в Уфе Ивана Евдокимовича Демидова, были составлены две описи личного имущества, находившегося в его доме на Большой Казанской (совр. Окт. революции), готовился аукцион. У одного из богатейших людей города и края имелось пять или шесть часов.

Стоили они просто сногсшибательные суммы. Золотых было

---

[1] Уфимские губернские ведомости. 1906. 18 февраля; Река времени. 2015. Уфа, 2015. С. 41.

[2] *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы, вкупе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 63, 75.

[3] *Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 170.

[4] Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И.Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. (подготовил Р.В. Овчинников) // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 312–313.

[5] *Свице Я.С.* Семья Ребелинских // Река времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого. Уфа, 2013. С. 79.

четыре. Первые карманные, «ход на алмазах. Эликотовые золотые № 6241-м» оценивались в 1000 руб. В первой описи их не было, во второй указаны, но количества (наличия в штуках) не проставлено. Предположим, они существовали, но в руки уфимских чиновников, готовивших распродажу, не попали. Эликотовые часы с отменной механикой отмечал московский градоначальник Ф.В. Ростопчин в начале XIX в.

Двое золотых карманных часов у И.Е. Демидова в Уфе были с репетиром (ропотицею), ценою по 200 и 300 руб. Репетир – часы, мелодично отбивающие время по велению хозяина (нажатием на рычаг), к примеру, в темноте. Полный час мог отбиваться низким тоном, а поставленные владельцем интервалы времени (самые популярные: четверти каждого часа) – высоким, маленькими молоточками.

Для своего времени портативные часы-репетиры являлись вещью достаточно редкой, производились поштучно, вручную и лишь немногими виртуозами часовых дел. В высших кругах Европы репетиры приобрели популярность к концу XVIII в., стали своеобразным элементом культуры. Самый известный репетир в русской литературе – это Breguet Евгения Онегина[1].

Далее имелись «золотые грезонтальные под № 3624-м» часы стоимостью в 500 руб. Под горизонтальными могут пониматься плоскостные настенные часы. В демидовском доме на Большой Казанской были ещё одни горизонтальные, но уже серебряные часы с серебряным ключом и они же являлись репетиром. В таких часах время сигналов устанавливалось шнуром. Стоили они тоже сумасшедшую сумму в 400 руб.

Наконец, у И.Е. Демидова имелись серебрянные английские горизонтальные № 9447 часы «всего» за 100 руб.[2] (годовой оклад чиновника). В демидовской усадьбе, включавшей несколько построек и большой главный дом, время отбивали трое настенных и чрезвычайно дорогих часов.

В первой половине XIX в. производство механических часов в Европе и России увеличилось, снижается их стоимость, они становятся обыденной повседневностью. Многочисленные заметки о точном времени различных событий подтверждают распространение часов в быту. Герцог Лейхтенбергский приехал в Уфу «в три часа по полудни», а покинул на другой день в 7 часов утра. Во время поездки в Стерлитамак и Белебей И.П. Сосфенов отмечал время прибытия. В прогнозах погоды указывалось время: 15 апреля в 8 часов вечера температура понизилась.

---

[1] См.: https://mywatch.ru/articles/art_491.html.
[2] НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 570. Л. 250 об., 279.

Народ плясал в Уфе с 6 часов вечера до девяти, а бал в мужской гимназии начался с 9 часов утра, в десять прибыл начальник губернии, закончился праздник в 3,5 часа ужином и лишь к пяти часам всё стихло в гимназическом доме[1].

А перед главным корпусом гимназии летом 1853 г. были поставлены сделанные солнечные часы с деревянным циферблатом[2]. Естественно, с образовательными целями, а не для текущего измерения времени. Точное время фиксируется во время богослужений. «Но вот 8 часов – и соборный колокол возвестил городу о наступлении времени выноса образа Казанской Божией Матери, на место Её явления, в село Богородское»[3]. Интересно, духовенство по часам определяло время церковных церемоний?

По всей видимости, в первой половине XIX в. количество обладателей часов в Уфе возросло и в 1852 г. при описании торгово-промышленной сферы города И.П. Сосфенов впервые упоминает местного специалиста по ремонту часов: «Если дорогою испортились ваши часы, то часовой мастер Огородников исправит их вам весьма добросовестно»[4].

Часы поступали в Уфу разными путями, их привозили из столиц и других городов, предлагали на январской ярмарке, уфимские галантерейщики могли закупать часы в Нижнем Новгороде и продавать в Уфе. Но специальных часовых магазинов в Уфе ещё не имелось, рынок всё-таки был небольшой и единственный мастер Огородников справлялся с заказами.

В 1863 г. его бизнес перешёл в руки Смирнова, о чём тот сообщил в прессе. «Занимаясь несколько лет в г. Уфе, в мастерской Ив. Ник. Огородникова, я принял заведение его с настоящего времени в полное своё распоряжение, со всею принадлежностию. При чём честь имею известить почтеннейшую публику, что я принимаю в исправление разного рода часы, а также и заказы на новые стенные, столовые, дорожные: цилиндровые, анкерные и хронометры; принимаю точно также головую заводку и исправление часов в домах, по умеренным ценам.

Извещая об этом, я позволяю себе надеяться, что заведение моё не останется без внимания, и что заслуженную Г. Огородниковым репутацию постараюсь в полной мере оправдать и я.

Часовых дел мастер Иван Иван. Смирнов. (Жительство имею в малой Казанской улице)»[5].

---

[1] Оренбургские губернские ведомости (Уфа). 1845. 20 октября; 1846. 28 сентября; 1847. 10 мая, 30 августа, 6 сентября.
[2] Там же. 1853. 18 июля.
[3] Там же. 1852. 19 июля.
[4] *Роднов М.И.* У истоков уфимской прессы. С. 86.
[5] Оренбургские губернские ведомости. 1863. 21 сентября.

Перед нами крайне любопытное объявление. Оказывается, в Уфе изготавливали часы, только достаточно крупные (стенные, столовые и пр.). Можно предположить, Огородников и Смирнов либо закупали комплектующие на часовых мануфактурах, либо скупали старые часы и затем их механизмы пускали в дело.

На 1865 г. среди цеховых ремесленников Уфы присутствовали три часовщика: белебеевский мещанин Иван Смирнов (2 учеников), уфимский купец Израиль Эпштейн (1 работник), житель города Берлина Герман Лебер (без помощников)[1].

Естественно, часы составляли непременную обстановку большинства дворянских усадеб. Когда в 1860 г. за долги распродавалось имущество помещика П.И. Сергеева в селе Богородском к северу от Уфы, среди прочего указаны «часы стенные, недельные, с двумя медными гирьками, таким же маятником с металлическим циферблятом, не в ходу, стоят в футляре, под красным деревом, вышиною 2 арш. 14 верш.», оценены в 20 руб.[2] В большом помещичьем доме стояли часы высотой около 204 см, барин практически здесь не жил и они молчали.

Начало пореформенной эпохи, становление Уфы как столицы отдельной губернии, развитие экономики после открытия в 1858 г. речного пароходства отразили три переписи торгово-промышленных заведений Уфы в 1865, 1869 и 1873 гг. Из них узнаём о часовом деле в городе[3].

В качестве попутного товара, часами торговали в галантерейных магазинах, иногда это указывалось. В 1873 г. в лавке уфимского купца Н.Л. Пенно продавались, помимо галантерейных товаров, золотые и серебряные часы. За прилавком стоял кунгурский мещанин Александр Алексеевич Скрытов [надо: Скрипов – *авт.*]. А в магазине Э.Ф. Власовой можно было купить «алебастровые часы в 22 р.»[4].

Кроме того, в часовое дело устремились «серьёзные» предприниматели, количество часов у населения, видимо, резко возросло, многие приобретали дорогие часы, которые являлись одним из символов преуспеяния[5]. При своих магазинах купцы от-

---

[1] НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 5. Л. 293.

[2] Оренбургские губернские ведомости. 1860. 12 ноября; *Роднов М.И.* Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы. Уфа, 2012. С. 121–122, 135.

[3] *Роднов М.И., Тарасова Т.В.* Перепись торгово-промышленных заведений города Уфы в 1865 году // Река времени. 2022. Уфа, 2022. С. 24–79; НА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–257; Д. 71. Л. 4–164; Д. 71а. Л. 329–336.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1873. 17 марта.

[5] Жившая в Уфе матушка губернского предводителя дворянства Раида Николаевна Новикова «при проезде из своей дачи в г. Уфу, в Большой Казанской улице, обронила принадлежащие ей карманные глухие золотые

крывали продажу и починку часов, приглашая какого-то мастера-часовщика.

В 1865 г. при магазине московского купца 1-й гильдии Б. Циклена действовало «часовое мастерство». В 1869 г. уфимский 2-й гильдии купец Ф.Е. Чижёв заводит «часовых дел мастерство», чем занимался приказчик 1-го класса (то есть имевший право подписи, вёл дела по доверенности от хозяина) уфимский мещанин Никифор Мещанкин.

Одновременно развивался самостоятельный часовой бизнес, мастера сами занимались ремонтом механизмов. В 1865 г. в доме Мамина на Соборной улице обосновался часовщик с двумя мальчиками-подмастерьями, белебеевский мещанин Иван Смирнов. В 1873 г. упоминавшийся выше Никифор Алексеевич уже Мещанков теперь сам починял старые стенные и карманные часы в доме Ахмаметьева против Градской полиции. В 1869 г. впервые зафиксирован часовщик из мусульман, башкирец Уфимского уезда деревни Султанаевой Мухамет Гариф Мухаметшин занимался «часовых дел мастерством один без рабочих».

В 1865 г. в Уфе поселился иностранец, прусский подданный, «вновь прибывший из Берлина» часовых дел мастер Герман Карлович Лебер[1]. В июле 1865 г. в доме Шахурина на Лазаретной (совр. Ленина) улице против гостиницы Исаева он открывает своё часовое дело. Сначала было сложно на новом месте, в 1869 г. «иностранец Ерман Карлов Лебер» служит приказчиком 1-го класса при белебеевском купце 1-й гильдии А.С. Сафронове, продавая, чиня часы. В 1873 г. у Г.К. Лебера уже свой магазин с галантерейным товаром, золотыми и «серебренными» вещами, за прилавком брат «Эдуарт Лебер». Наверняка, хотя не указано, продавались и часы.

В 1874 г. реклама сообщала: «В магазине Германа Лебера, часовых дел мастера» на днях получили новый товар, в том числе «дамские и мужские золотые и серебрянные карманные часы, стенные часы разных сортов». Но прожить с продажи одних часов, достаточно дорогого товара для узкого круга потребителей, было невозможно. Поэтому Лебер предлагал очки, термометры, игрушки, швейные машины и нитки для оных[2].

На 1874 г. в Уфе трудились 5 мастеров-часовщиков с 4 рабочими и 8 подмастерьями, в Мензелинске был один мастер, в Бирске – два часовщика, в Златоусте – три[3]. Уфа не сильно от-

---

дамские часы, стоющие 50 руб.» (Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 17 мая).

[1] Уфимские губернские ведомости. 1865. 25 сентября.

[2] Там же. 1874. 9 марта.

[3] Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурви-

личалась от соседей. В Казани к началу 1860-х гг. имелось 7 часовых заведений с 6 рабочими и тремя учениками, продукции и услуг оказывалось на 4300 руб.[1] В Самаре в 1870-е гг. ремонтом часов занимались Поппе и Первовский, подмастерьям платили по 30 руб. в месяц, учеников брали на срок до 5 лет с содержанием и одеждой, или платя вместе неё по 3 руб. в месяц[2].

На 1876 г. в Уфе трудились ремесленники-часовщики: Пётр Андреевич Одинцов (Казанская улица, дом Чижова), Иван Александрович Удалов (там же, дом Блохиных), Иван Игнатьевич Антропов (Бекетовская улица, дом Смирнова) и Э.К. Лебер (на площади, в доме Фокерод)[3].

В 1876 г. «в магазине часового мастера Эдуарда Карлова Лебера продаётся разный товар, а именно: часы карманные, золотые и серебряные, мужские и дамские, часы столовые и стенные разных сортов», а также золотые брошки, цепочки и пр., очки, лорнеты, пенсне, термометры, барометры, швейные машины и игрушки[4]. Э.К. Лебер приторговывал даже заграничными цветочными и огородными семенами[5].

Тем не менее, именно магазин Леберов можно считать первым специализированным часовым магазином в Уфе, его реклама сообщала о предпочтениях горожан. В августе 1876 г. были получены «часы карманные, золотые и серебряные, дамские и мужские, часы столовые и стенные разных сортов и будильники», а также швейные машины и прочий товар[6].

Быстро появился конкурент. Успешно развивался бизнес Петра Андреевича Одинцова (около 1842 г. р.)[7]. Опираясь на поддержку одного из крупнейших уфимских купцов Ф.Е. Чижова, Одинцов в 1876 г. открывает магазин, где предлагал золотые и серебряные вещи, револьверы, швейные машины и «большой выбор часов карманных, золотых и серебряных, стенных, столо-

---

ча. Вып. 2. Уфа, б. г. С. 27.

[1] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния / Сост. М. Лаптев. СПб., 1861. С. 347.

[2] *Алабин П.* Двадцатипятилетие Самары, как губернского города. (Историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 454. Благодарим И.А. Ксенофонтову за предоставленные сведения.

[3] Уфимский календарь на 1876 год / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Вып. 1. Уфа, б. г. С. 73.

[4] Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 5 января.

[5] Там же. 29 марта.

[6] Там же. 23 августа. Реклама магазина Э.К. Лебера выходила и далее, см.: Там же. 1877. 31 января; 1878. 4 сентября.

[7] См.: *Тарасова Т.В.* История купеческой семьи Одинцовых // Река времени. 2020. Уфа, 2020.

вых, и будильников», особо «карманные часы от 8 до 110 руб.» Также «в магазине принимается починка часов, с ручательством за верность их хода в продолжение года. Магазин помещается в доме Чижова, на Казанской улице»[1]. В начале 1880-х гг. он уже именовался как часовой магазин П.А. Одинцова.

Часы становились доступными рядовому населению, не случайно Одинцов выделил продажу дешёвых карманных часов по 8 руб. А ремонт с годовой гарантией ещё больше привлекал уфимских жителей, уже привыкших точно измерять время. Акцент на покупку хороших и дешёвых часов делал казанский торговый дом М. Рам и К°, торговавший на уфимской январской ярмарке[2].

Часы стали обязательной принадлежностью учреждений, лавок, квартир. В помещении Уфимского филиала Волжско-Камского коммерческого банка на улице Большой Казанской сразу при открытии в 1873 г. стояли «часы стенные французские круглые с недельным заводом» стоимостью в 24 руб.[3] Вспоминая домашнюю обстановку уфимской купеческой семьи, художник И.Е. Бондаренко отмечал на простом письменном столе «сломанные бронзовые часы под стеклянным колпаком»[4].

В булочной Дмитрия Синицына на Базилевской улице в 1884 г. висели стенные часы[5]. А когда Уфу покидал бывший городской голова Д.С. Волков в его доме на Лазаретной улице продавались стенные часы[6]. Ценные часы отдавались в залог, 23 мая 1889 г. Уфимский городской общественный банк проводил аукцион не выкупленных залогов, включая золотые и серебряные часы[7].

Конкуренцию местным составляли приезжие. Летом 1879 г. в Уфе «на Большой Казанской улице, в доме священника Покровского, рядом с телеграфной станцией» обосновался приехавший часовой мастер Левит. В открытой мастерской принимались «в починку разного рода часы, как-то: карманные мужские и дамские, столовые, стенные, хронометры и музыкальные ящики разных механизмов», гарантию обещал на год[8].

---

[1] Уфимский листок объявлений и извещений. 1876. 23 августа. Реклама часов в магазине П.А. Одинцова шла последующие годы, см.: Там же. 1880. 25 августа; 1882. 30 августа; 1883. 2 мая.
[2] Там же. 1877. 31 января.
[3] РГИА. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1176. Л. 27.
[4] *Бондаренко И.Е.* Записки художника-архитектора. Труды, встречи, впечатления / Под ред. М.В. Нащокиной. Книга первая. М., 2018. С. 66.
[5] Уфимский листок объявлений и извещений. 1884. 1 октября.
[6] Там же. 1887. 3 августа.
[7] Там же. 1889. 8 мая. Городской банк делал это регулярно.
[8] Там же. 1879. 4 июня.

Во время городской переписи 17 июня 1879 г. были переписаны все уфимские ремесленники, полученные данные таковы – часовщиков («по образованию», грамотности и знанию ремесла) учтено 3, но «по роду служения» – уже 9, в 1-й части города проживали 2 (3), во 2-й части – 1 (6), все мужчины. В окраинной 3-й части Уфы часовщики не жили, концентрировались в центральных кварталах[1]. Профессия была редкая и количество мастеров с подмастерьями, учениками оставалось невелико.

К началу 1880-х гг. ситуация на часовом рынке Уфе изменилась. Помимо магазина Одинцова, «в магазине Е.И. Лебер получен большой выбор часов, стенных и карманных». А часовых дел мастер Каган свою мастерскую из дома Исаевой на Торговой площади переводит на Лазаретную улицу в дом Константинова, «против Думского сада»[2].

В 1883 г. впервые упоминаются электрические будильники. Некий Воробьёв извещал уфимцев, что он устраивает «электрические будильники, автоматические и заводные»[3].

Вообще в справочнике на 1883 г. в Уфе указаны три часовых дел мастерские уфимского купца Петра Андреевича Одинцова (на Большой Казанской улице в доме купца Фёдора Чижёва), уфимского мещанина Ивана Удалова (в доме наследников Блохина), третью содержал Григорий Каган (Лазаретная улица, дом купца Константинова) (все в 1-й части города)[4]. А всего часовщиков в Уфе на 1883 г. среди ремесленников зафиксировано 11 мастеров, при них 4 рабочих и 21 ученик[5].

На 1889 г. во всех городах Уфимской губернии зарегистрировали 20 мастеров-часовщиков, 10 рабочих и 13 учеников[6], в 1891 г. – 18, 15, 10 человек, соответственно[7].

Эти данные показывают большой спрос на услуги по ремонту часов, а также свидетельствуют, что «крупные» часовые мастерские, видимо, не покрывали весь рынок. Существовали индивидуальные ремесленники, починявшие будильники и пр.

На 1883 г. продолжали действовать часовой и оптический магазин Удалова на Большой Казанской в доме купеческой сно-

---

[1] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. С. 31, 32, 35, 37, 40, 41.

[2] Там же. 1882. 13 сентября, 29 ноября.

[3] Там же. 1883. 18 апреля.

[4] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 104.

[5] Там же. Отдел III. С. 88.

[6] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года / сост. Н.А. Гурвичем. Уфа, 1889. Отдел II. С. 55.

[7] Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа, 1891. С. Отдел II. С. 22.

хи Анны Фёдоровны Блохиной и аналогичный магазин Одинцова, последний продавал оптические принадлежности, золотые и серебрянные изделия, часы. Недалеко, во 2-й части Уфы на верхней торговой площади в доме Фокерод (угол Александровской и Успенской) работал часовой магазин Елизаветы Осиповны Лебер, продажа изделий из серебра и золота, охотничьих принадлежностей[1], часов, барометров, термометров и пр.[2]

Впрочем, этот товар становился обыденностью и продавался среди прочего в галантерейных магазинах. Так, в 1886 г. в торговлю Н.К. Блохина, помимо всякой всячины, поступил большой выбор «термометров комнатных, наружных для ванн, щелока и для измерения температуры тела, биноклей, стереоскопов, барометров, будильников, лупп»[3].

Часовой Магазинъ Е. О. Леберъ.

на верхней торговой площади противъ калачнаго ряда

существуетъ съ 1870 года.

Въ большомъ выборѣ

Часы стѣнные и карманные, всѣхъ сортовъ. **Будильники** различныхъ фасоновъ. **Цѣпочки** и **ключики** изъ разнаго металла, **Швейныя машины** с. **Зингеръ** и **Гау Оптическія вещи**: бинокли, **очки** всѣхъ №№, **револьверы**, **ружья** и всѣ охотничьи принадлежности; **золотыя** и **серебряныя вещи**, какъ-то: броши, серги, браслеты, кольца распродаются.

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ,

Там же продается нѣсколько **ножныхъ машинъ**, бывшихъ въ употребленіи, совершенно исправленныхъ, **по очень дешевымъ цѣнамъ**. (—1)

Но главными центрами поступления часов в Уфу оставались часовые магазины, как продолжавший работу с 1870 г. старейший магазин Леберов[4], фото выше.

Или магазины Одинцова (большой выбор часов карманных, золотых, серебряных, стенных, столовых) и Удалова, принимавший также часы в починку[5].

---

[1] *Гурвич Н.А.* Указ. соч. Отдел I. С. 94–95.

[2] Уфимский листок объявлений и извещений. 1884. 20 августа.

[3] Там же. 1886. 1 сентября.

[4] Там же. 1893. 18 октября.

[5] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1896. Рекламные приложения. Реклама Одинцова помещалась и в последующие годы (1901, 1903), как и Удалова (1903).

К 1899 г. в Уфе сложилась небольшая сеть индивидуальных мастеров-часовщиков: Х.Ф. Войцехов (Центральная ул., дом Константинова), М.Л. Голынко (Александровская ул., дом женского монастыря), Е.А. Лебер (Сенная ул., дом Бобровой), П.А. Одинцов (Центральная ул., дом Паршина), Х.Д. Робинович (Центральная ул., дом Подашевского), Н.П. Сырцов (Александровская ул., дом Трапезникова), И.А. Удалов (Большая Казанская ул., дом Блохиной), Г.М. Шестаперов (Центральная ул., дом Скрипова), Л.Т. Шапиро (Центральная ул., дом Першина)[1]. Некоторые ремонтировали часы при магазинах (или этим занимались сами владельцы). но большинство составляли мелкие кустари.

По-прежнему одними часами прожить было невозможно, «сопутствующие» товары фактически составляли основу ассортимента, как в магазине Е. Лебер в 1900 г.[2]

[1] Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1899. С. 185.

[2] Адрес-Календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа, 1900. Рекламные приложения. Реклама магазина Е. Лебер помещалась в 1901 г.

ОРУЖЕЙНЫЙ и ЧАСОВОЙ МАГАЗИНЪ

Е. ЛЕБЕРЪ,

въ Уфѣ, на Большой Успенской ул., д. Стахѣева.

ИМѢЕТЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ:

РУЖЕЙ, РЕВОЛЬВЕРОВЪ И ВСѢХЪ ОХОТНИЧЬИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ.

ЧАСОВЪ КАРМАННЫХЪ И СТѢННЫХЪ.

Очки всѣхъ №№.

Магазинъ принимаетъ ВЪ ПОЧИНКУ:

Ружья, Револьверы, Часы, Очки, золотыя и серебряныя вещи.

К 1903 г. охотничий и часовой магазин Е.И. Лебер перешёл в руки Г.Л. Петтера, разместившись на улице Александровской в доме Ларионова через дом от колбасной Нагеля, продавались часы карманные и стенные[1].

К 1901 г. в центре Уфы открывается ещё один часовой магазин, владелец – М. Коц – также помимо часов, продавал очки, бинокли, принимались механизмы в ремонт[2].

Коц оказался успешным предпринимателем. К 1910 г. ему принадлежали в Уфе уже два магазина часов, золотых, бриллиантовых и серебряных вещей. Первый под названием «Уральский магазин» размещался в доме Поповой на углу Большой Успенской и Бекетовской, второй в доме Першина на Центральной улице. Владелец сообщал, что магазины «значительно расширены и пополнены большим выбором изящных вещей по дешёвым ценам»[3].

Бизнес Израиль-Михаила Коца (1875 г. р.) продолжался до 1919 г., когда хозяин с семьёй бежал от красных, в Харбине он открыл магазин часовых и ювелирных изделий[4].

---

[1] Справочная книжка и Адрес-календарь Уфимской губернии на 1903 год. Уфа, 1903. Рекламные приложения. Реклама магазина Г.Л. Петтера шла в 1904, 1905 гг.

[2] Адрес-Календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа, 1900. Рекламные приложения.

[3] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год. Уфа, 1910. Рекламные приложения.

[4] *Коц Игорь*. Здравствуйте, дорогие наши! М., 2014. С. 64, 74, 119 (фото).

В 1903 г. в магазине Удалова часы карманные, стенные, столовые продавались преимущественно фабрики Мозер и К°. Знаменитая «русская швейцарская» фирма Henry Moser & Cie была основана Иоганном Генри Мозером в Ле Локле, Швейцария. Её продукция пользовалась огромным спросом в России, в Петербурге даже организовали сборку часов[1].

В 1906 г. в магазине М. Коца также предлагались золотые, серебряные, «никкелевые», стальные и стенные часы фабрики Мозер, а также Леуба (швейцарская фирма V. Henri Leuba) и других[2].

К 1904 г. появляется магазин Л.Т. Шпиро, совмещавший продажу громадного выбора всевозможных часов с торговлей… женскими и детскими шляпками[3].

---

[1] См.: https://german242.com/articles/hymoser.htm.

[2] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. Уфа, 1905. Рекламные приложения; См.: https://board.german242.com/; https://german242.com/wiki/index.php/Russian_watch_companies.

[3] Адрес-Календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1904 год. Уфа, 1904. Рекламные приложения. Реклама Шпиро есть за 1905 и 1906 гг.

Часовые магазины в Уфе росли как на дрожжах, видимо, уфимцами овладела массовая мода на часики всевозможные. К 1906 г. в Уфе на Центральной улице, дом Большакова возникает магазин часов, золотых и серебряных вещей В.И. Трайнина, где имелся большой выбор «золотых, серебряных, никкелевых, стальных и стенных часов фабрики Леуба, Мозер и друг. лучш. фирм и всевозмож. будильники». «При магазине имеется специальная часовая и ювелирная мастерская», в починку принимали часы «с ручательством на 2 года». Тут же шла торговля ювелирными изделиями[1].

Затем в уфимских справочниках практически исчезает реклама часовых магазинов, не говоря уж о ремесленниках мастерах. Часы стали настолько обыденной вещью, что в справочнике по Уфе за 1911 г. вообще не упомянута часовая торговля. Выделены лишь магазины золотых и серебряных вещей. В их числе встречаем: Уральский магазин (Большая Успенская, 47), а

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. Уфа, 1905. Рекламные приложения.

по адресу улица Центральная, 26 располагались сразу три магазина А. Одинцова, Шпиро и Т.Х. Коц[1]. Часы стали придатком ювелирных изделий.

Действительно, в 1912 г. магазин Одинцова (Центральная, дом Першина) предлагал «большой выбор часов: стальных, золотых, серебряных, столовых, будильников и стенных наилучших фабрик», но большую часть рекламы занимали иные товары[2]. В оружейном магазине Петтера часы вообще исчезли с прилавка, он стал узкоспециализированным охотничьим.

Более подробные сведения сообщает «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь», в 1911 г. продажей часов в Уфе занимались: Хася Хаим. Голынко (Александровская ул.), Гортензия Андреевна Одинцёва (Центральная ул.), Алексей Васильевич Кишиневский (Большая Успенская ул.), Там. Хонон. Коц (Центральная ул.), братья Трайнины Ар. и Вульф. (два магазина на Центральной и Большой Успенской ул.), Густ. Людв. Петтер (Большая Успенская ул.), Харит. Федот Углов (Центральная ул.), Шифра Лейбов. Шпиро (Уфимская ул.). В Белебее часами торговали В.С. Рутес и Я. Новиков, в иных уездных центрах часовой торговли не отмечено[3].

В 1914 г. часы в Белебее продавали Раиса Фаим. Дивинская и Шейня Лейбовна Спектор, в Давлеканово – Гол. Срул. Зейдельман, в Златоусте – А. Вольферц, Л.И. Либерман, Х.З. Люстик, в Стерлитамаке – А.А. Ковровская, в Уфе – Георгий Алексеевич Беляев (Большая Успенская ул.), Изр.-Мих. Мовш. Коц (Центральная ул.), Тамара Хонон. Коц[4] (Большая Успенская ул.), Абр. Ицк. Кудровицкий (Центральная ул.), Фелик. Сем. Максимов и Одинцов (оба на Центральной улице)[5]. Можно предположить, что в часовой торговле начинал доминировать мелкий бизнес, открывались совсем небольшие заведения, наверняка, во многих одновременно занимались ремонтом часов.

Таким образом, в Уфе к 1914 / 1917 гг. на руках населения, в организациях, различных заведениях находились, наверняка, многие тысячи часов. Но до наших дней дошли единицы.

---

[1] Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 254.

[2] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа, 1912. Рекламные приложения. Тоже в Уральском торгово-промышленном адрес-календаре на 1911 г.

[3] Уральский Торгово-Промышленный Адрес-Календарь на 1911 год. Пермь, б. г. С. 163, 171.

[4] Супруга И.М.М. Коца, умерла в 1913 г., могила в Уфе сохранилась (*Коц Игорь*. Указ. соч. С. 353).

[5] Уральский Торгово-Промышленный Адрес-Календарь на 1914 год. Пермь, б. г. С. 182, 204, 223, 250.

В частных коллекциях, музейных собраниях и уфимских семьях сохранилось немало различных старинных часов – карманных, настенных, каминных. Однако часы с логотипами уфимских часовых магазинов являются редкостью. По-видимому, это можно объяснить относительно небольшими заказами, которые больше являлись рекламным ходом владельцев магазинов. Практически во всех случаях часы собирались на предприятиях различных фирм в Швейцарии, с использованием готовых механизмов и корпусов, там же наносился логотип магазина или его уфимского владельца. Следует отметить, что часов настенных, напольных или каминных с логотипом уфимских часовых магазинов до настоящего времени не выявлено, что также косвенно свидетельствует в пользу рекламной версии таких надписей, так как такие часы стоили значительно дороже и покупались не так часто, как простые карманные.

Как, например, карманные часы открытого типа с логотипом «Ф.С. Максимов Уфа» (фото 1). Феликс Семёнович фиксируется только в 1914 г. Видимо, для рекламы нового бизнеса он наносил логотип. Корпус стальной, с остатками воронения, диаметр 50 мм. Завод и перевод стрелок – с помощью специальной головки (так называемый, «ремонтуар»). Механизм довольно простой, цилиндрового типа, швейцарской фирмы «Георг Фавр Жако» (в будущем – «Зенит»).

Фото 1. Фрагмент карманных часов с логотипом «Ф.С. Максимов». Коллекция уфимского антикварного магазина «Антик»

Сохранился практически аналогичный экземпляр карманных часов в стальном воронёном корпусе и с чёрным эмалевым циферблатом, но с надписью: «М. Коц Уфа». Механизм неизвестной фирмы, но в целом, как и показанные выше, это довольно недорогие часы для людей с небольшим достатком. Подобные часы могла позволить себе даже учащаяся молодёжь Уфы. Носились карманные часы на цепочке, которая выставлялась «напоказ», в специальном жилетном кармашке, на цепочку часто при-

вешивались различные брелоки: маленькие компасы, фигурки животных, жетоны с надписью и проч.

Фото 2. Карманные часы с логотипом «М. Коц Уфа».
Собрание уфимского коллекционера Алана Хадеева

Аналогичный логотип магазина М. Коца имеется и на часах более дорогих с белым эмалевым циферблатом: они трёхкрышечные, с заводом головкой, корпус изготовлен из белого металла (мельхиора), диаметр корпуса около 50 мм. Механизм швейцарской фирмы «Тобиас», на задней крышке-пыльнике нанесённая машинным способом гравировка: «По особому заказу М. Коц. Уфа» (фото 3).

Можно предположить, что это был конкретный (подарочный?) заказ и, видимо, каких-то знакомых семьи Коцев. Извес-

тен ещё один экземпляр золотых карманных часов с логотипом «М. Коц Уфа», находящийся в частной коллекции.

Фото 3. Часы «по особому заказу» с логотипом «М. Коц Уфа».
Собрание уфимского коллекционера Алана Хадеева

Ещё реже, чем часы с логотипами уфимских магазинов, встречаются коробочки, в которых продавались часы, цепочки, ювелирные изделия, которыми часовые магазины традиционно торговали. На фото 4 – прекрасно сохранившийся экземпляр такой коробочки с логотипом Уральского магазина часов Коц (Уфа, угол Большой Успенской и Бекетовской). Коробочка изготовлена из плотного картона, оклеенного ледерином, внутри оклеена шёлковой тканью. Имеет размеры примерно 35 х 35 мм. На верхней крышке имеется выдавленный логотип магазина, выполненный позолоченными буквами. По всей видимости, в подобных продавались ювелирные украшения.

В данном случае дошедший до наших дней уникальный экспонат сообщает немало ценной информации. Часовой бизнес семьи Коцев появился в Уфе около 1911 г., к 1914 г. они открыли второй магазин, который остался за основателем дела Тамарой Хононовной Коц. Коробочка нам «сообщает», что он имено-

вался Уральским и находился не просто на Большой Успенской (совр. Коммунистическая), а именно на углу с Бекетовской (ныне М. Карима).

Фото 4. Коробочка часового магазина Коц.
Собрание уфимского коллекционера Алана Хадеева

Хуже сохранились большие настенные часы. Потрясения российской истории оставили им меньше шансов уцелеть. Карманные можно было спрятать, они незаметно хранились в глубине пыльных ящиков старинных комодов, а большие настенные часы при «уплотнении» жильцов, наверняка, первыми отправлялись на свалку. В учреждениях же такие крупные часы со временем меняли на советские.

При сносе дореволюционного строения на улице Антонова (маленькая улочка от бульвара Ибрагимова в сторону Солдатского озера в парке Якутова) найдены единственные известные на данный момент в Уфе настенные часы (фото 5). Здесь до революции проживали служащие Уфимских железнодорожных мастерских.

Сохранился интересный экземпляр настенных часов. Размеры около 600 х 300 мм. Механизм германской фирмы Кинцли. Диаметр циферблата 200 мм. Корпус российского производства из массива дуба, шпонированной сосны, фацетное фигурное стекло. Завод недельный, бой часовой, получасовой.

Фото 5. Настенные часы. Уфа, до 1917 г.
Коллекция и реставрация И.В. Данилова

Таким образом, сопоставление документальных источников и собраний коллекционеров позволяют реконструировать важную часть бытовой культуры уфимцев второй половины XIX – начала XX вв. – использование часов в повседневной жизни. От уникальной и крайне дорогой принадлежности состоятельных «верхов» общества они стали обыденностью для самых широких слоёв населения. В Уфе сложилась инфраструктура часового дела – небольшой, но постоянный круг мастерских по ремонту, специализированные часовые магазины, а отдельные часовщики даже выпускали собственную продукцию из покупных деталей. Массовое использование часов стало показателем неуклонной модернизации уфимского общества.

Л.Ф. Тагирова

Богоявленская волость по переписи 1920 года

Одним из крупнейших селений Стерлитамакского уезда являлся посёлок Богоявленского завода (ныне Красноусольский), возникший в XVIII в. при медеплавильном предприятии, в начале XX в. здесь действовал стекольный завод. Многочисленные статистические источники позволяют точно установить численность населения. На 1896 г. в селе Богоявленске (Усолка) проживало в 442 дворах 2856 чел.[1], по данным подворной переписи 1912–1913 гг. Богоявленская волость включала три селения: Богоявленское (674 двора, 3877 чел.), Табынское (687 дворов, 3790 чел.) и русско-чувашское Теняево-Биюргановское товарищество (72 домохозяйства, 397 душ)[2].

По сведениям Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. в Богоявленской волости попрежнему состояли эти же три селения. В Богоявленском насчитывалось 836 семейств и 4933 чел. обоего пола. Индустриальный посёлок отличался крайне пёстрым составом населения. Кроме доминировавших русских (4793 чел.), здесь проживали 27 французов, 24 татарина, 22 украинца, 19 немцев, 14 поляков, по 9 финнов и белорусов, 6 башкир, 5 чувашей, 3 бельгийца и двое «мусульман».

Ташлы (официальное название Теняево-Биюргановское) состояло из 81 двора и 482 жителя: русские (45 дворов, 260 чел.), чуваши (35 семейств, 216 чел.) и семья марийцев из шести чел.[3]

Таким образом, численность населения в Богоявленском стабильно возрастала с 2856 чел. в 1896 г. до 3877 чел. в 1912 г. и 4933 чел. в 1917 г. Благоприятное экономическое развитие села, стабильная работа стекольного завода сказывались в увеличении количества жителей.

Прибывший в 1910 г. в Усолку земский начальник, писатель Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1933) оставил свои первые впечатления о новом месте службы. «Домик – особнячок, оштукатуренный и выбеленный внутри, из 5 комнаток, с садом и всякими постройками – двенадцать с полтиной в месяц. Домик уютный, и эти строки пишу, уже сидя в нём.

---

[1] Полный список населённых мест Уфимской губернии / под ред. Н.А. Озерова. Уфа, 1896. С. 458.

[2] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 314.

[3] *Роднов М.И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010. С. 33–34.

Кругом раскинулось село; мужики живут зажиточно, много скота и птиц у всех. Избы кроют соломой или, чаще, вязовой корой, надранной длинными полосами»[1].

Революция 1917 г. и Гражданская война не обошли стороной Богоявленскую волость, в августе 1918 г. через эти селения прошла красная партизанская армия В.К. Блюхера[2], здесь неоднократно менялась власть. А с 1919 г. почти весь Стерлитамакский уезд оказался в составе Малой Башкирии, нового автономного образования на Южном Урале. Кроме того, в условиях распада государственной власти население явочным порядком меняло административную структуру. Табынск выделился в самостоятельную Табынскую волость.

К моменту проведения первой на Урале полной советской переписи в 1920 г. Богоявленская волость входила в Табынский кантон Малой Башкирии. В таблице приведены сведения по селениям Богоявленской волости (подсчёт автора по подворным карточкам) в 1920 г.[3]

Селение	Национальность	Число хозяйств	Число жителей	Площадь посева (дес.)	Поголовье рабочих лошадей
Богоявленское	русские	914	4985	1612,42	778
	татары	6	38	3,5	4
	башкиры	5	9	–	–
	белорусы	3	20	–	–
	чуваши	1	4	0,5	1
	«германец»[4]	1	9	0,5	–
	поляки[5]	1	4	–	–
	бельгийцы[6]	1	2	1	1
Ташлы	чуваши	49	317	75,06	61
	русские	43	261	65,73	47
	марийцы[7]	1	4	1	1
Ново-Заитово	татары	76	420	56,11	63
Чакма-Елга	татары	29	166	30,74	32

Во время Гражданской войны, когда права собственников

[1] *Минцлов С.Р.* Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 17.
[2] См.: *Плотников И.Ф.* Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986. С. 165.
[3] НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 723, 725, 728 (Ташлы), 848 (остальные селения).
[4] «Германец» – Мария Ермалаевна Отто. Женщина осталась вдовой, имела сына, работавшего помощником стекольного мастера. Потомки приезжали из Германии в начале 2000-х гг. (сведения В.Н. Курмаева).
[5] Балеслав Вечеславович Винтер – стекольный мастер.
[6] Август Ую [надо – Гую]. Работал помощником мастера на заводе.
[7] В источнике – «черемисы».

земли были аннулированы, возникали новые самовольные поселения. Так в окрестностях Усолки появились две татарские деревни Ново-Заитово и Чакма-Елга (они потом исчезнут). А всего в Богоявленском число жителей в 1920 г. составило 5071 чел., в Ташлах – 582 чел. По сравнению с 1917 г. (4933 и 482) население возросло, несмотря на все последствия революционного хаоса, военных действий и экономической разрухи.

Хотя в горно-лесных и горнозаводских волостях, как и в городах, за время Гражданской войны происходило абсолютное сокращение населения[1], в земледельческой зоне этого не наблюдалось[2]. Богоявленский завод лежал как бы на границе двух «зон», большинство жителей имели огороды и небольшие посевы. Так, семьи татар записаны земледельцами. В условиях тотального дефицита и распада рынка, собственное хозяйство становилось важнейшим подспорьем.

Конечно, площадь посева за 1917–1920 гг. сократилась, с 2237,34 дес. до 1617,92 дес., число беспосевных семей выросло со 156 до 177, но и количество дворов с небольшими посевами до 4 дес. также увеличилось с 451 до 658. Втрое сократилась доля «середняков», имевших от 4 до 10 дес. посевов, с 228 до 79. Произошла нивелировка на уровне бедности, средний размер посева в сеявшей семье у русских упал с 3,31 до 2,19 дес. Но этой величины в общем было достаточно для годового пропитания, учитывая, что прекратились сборы налогов.

Сумели жители Богоявленского сохранить основную часть поголовья лошадей, вокруг густые леса. Если за 1917–1920 гг. площадь посевов в селе уменьшилась почти на 28%, то численность рабочего стада упала лишь на 17%.

Кроме того, основа местной экономики – стекольный завод с перерывами но функционировал большую часть времени, действовал даже в 1919 г. (1-й государственный Красноусольский стекольный завод). На карточках переписи 1920 г. записаны профессии жителей Усолки: пильщик, рабочий стекольного завода, буровой мастер, стекольный мастер, баночники, электрик, помощник машиниста, табельщик, чернорабочие. Богоявленское

---

[1] См.: *Роднов М.И.* Демографические последствия Гражданской войны на Южном Урале (по материалам Златоустовского уезда) // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: Сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург, 2013.

[2] См.: *Роднов М.И., Тагирова Л.Ф.* Сельскохозяйственные переписи как источник для изучения последствий Гражданской войны // Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Калининград, 2022. Вып. 28.

являлось административным центром всей округи, как и хозяйственным, здесь имелось своё чиновничество, различные организации, что также стимулировало экономическую жизнь. На подворных карточках встречаются записи: служащий телеграфа, сапожник, плотник, гончар, пчеловод (в двух хозяйствах, у одного 20 ульев, у второго – 70, в том числе 30 рамочных), каменщик, служащий в лесничестве, почтальон, мельник, сторож, столяр, учитель, слесарь, сапожник, водовоз, конюх, гончар, кровельщик. Все башкиры не имели посевов и лошадей, видимо, это приехавшие в село не так давно, работали они сторожем, водовозом, конюхом, в двух случаях чернорабочими.

Итак, материалы переписи 1920 г. свидетельствуют, что революция и Гражданская война не привели к кардинальным переменам в жизни села Богоявленского (Усолки). Численность населения росла, можно говорить лишь об относительной убыли. Стекольный завод продолжал действовать, сравнительно небольшое сокращение посевов и поголовья рабочих лошадей не имели критического характера. Основа для быстрого восстановления народного хозяйства в годы НЭПа уже существовала.

В заключение необходимо отметить, что подсчёты по сохранившимся подворным карточкам переписи 1920 г. отличаются от изданных тогда итогов. Так, в литературе указано, что по переписи 1920 г. в Красноусольском заводе насчитывалось 842 двора (по карточкам – 932), зато жителей показали 5479 чел. (по карточкам – 5071)[1]. Такие необъяснимые скачки цифр, скорее всего, объясняются плохим качеством учёта в обстановке едва закончившейся в крае Гражданской войны.

[1] Населённые пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа, 2002. С. 144.

Список сокращений (кроме статьи Я.Г. Солодкина)

АРАН – Архив Российской академии наук (Москва);
ГАВО – Государственный архив Владимирской области;
ГАКО – Государственный архив Кировской области;
НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа);
ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области;
ПСЗ РИ – Полный свод законов Российской империи;
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург);
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

Список авторов

Данилов Игорь Владимирович – краевед (Уфа);

Егоров Павел Владимирович – историк Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры РБ (Уфа);

Красникова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, заместитель декана по учебной работе факультета Экономики и управления в АПК, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, доцент (Пушкин);

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа);

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск);

Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа);

Тарасова Татьяна Викторовна – краевед (Уфа)

Научное издание

Река времени. 2023

Составитель и ответственный редактор М.И. Роднов

Подписано в печать 16.05.2023.
Формат 60x84 1/16. Гарнитуры: «Bookman Old Style».
Печать ризографическая.
Усл. печ. 8,65. Уч. изд. 8,98.
Тираж 500 экз. Заказ № 78.

Отпечатано в ООО «Книга-принт»,
в полном соответствии с предоставленными материалами
г. Уфа, Ул. Рабкоров, д. 2/7,
Тел. 8 (347) 266-40-52
www.kniga-printufa.ru